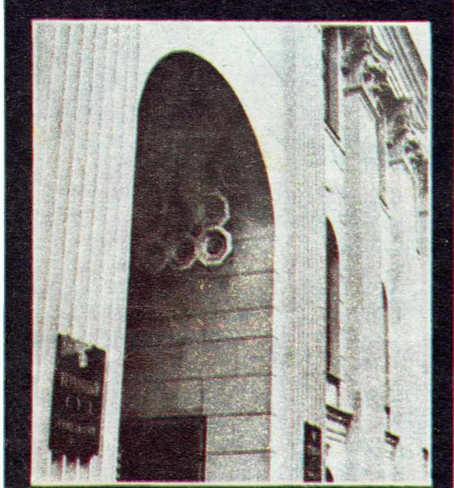
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

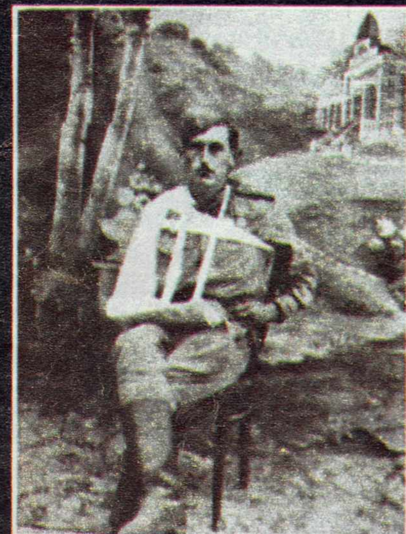
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1989

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРАСТИ

СВЕТ ВО ТЬМЕ

СОЛДАТ ВИКТОР НЕКРАСОВ

НАСИЛИЕ ПОРОЖДАЕТ НАСИЛИЕ

СОХРАНИТЬ РАВНОВЕСИЕ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (3213)

4—11 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Скорость.

Фотоэтюд Анатолия БОЧИНИНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 30.01.89. Подписано к печати 14.02.89. А 08819. Формат 70×108 1/8. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 97. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мы вышли из Афганистана. И это общий вздох облегчения. Потому что наше присутствие касалось не только армии. Не только жен, матерей и отцов ребят, воевавших на чужой земле, не только солдат, чье молчание сегодня гораздо громче речей ораторов,— бремя Афганистана нес каждый из нас. Мы вышли из Афганистана, как выходят из тяжелой болезни, оставляя позади бред в виде догм и окостенелых представлений. Но мы чувствуем — проблемы остались. Когда-нибудь мы перечислим «уроки», которые необходимо извлечь. Мы вышли из Афганистана. И наша политика перестройки стала прочнее, обретя еще одно реальное подтверждение.

МЫ — ВЫШЛИ!

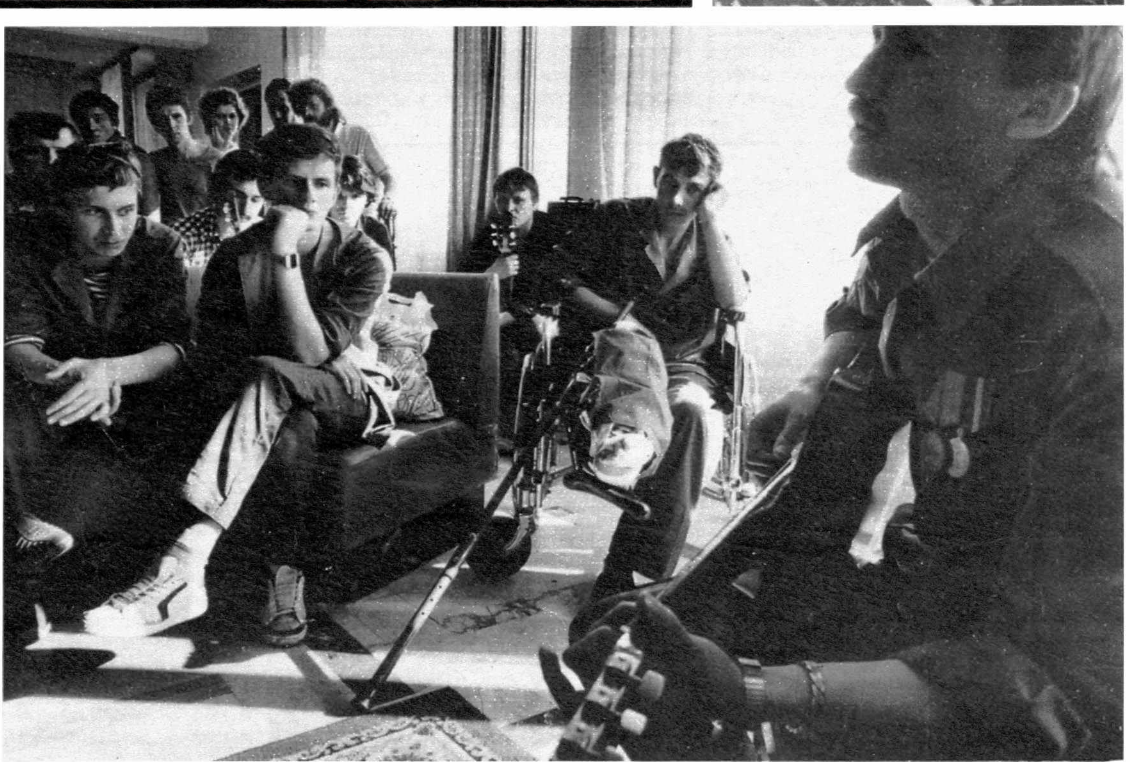

Фото
Александра ВИКТОРОВА,
Игоря МИХАЛЕВА
и телефото ТАСС

БЛАГОДЕЯНИЕ СОБЕСА●
ВОЕНКОМАТ ЗАПЛАТИТ НЕУСТОЙКУ?●
КОЛБАСА ПО ЖЕРЕБЬЕВКЕ●
СКВЕР НА КЛАДБИЩЕ●
БЕРИЯ, ЕЖОВ... А ДРУГИЕ?●

■

С августа 1988 года моим основным местом работы является кооператив «Магнит». 9 декабря в Московском райвоенкомате г. Риги мне вручили повестку о призыве на учебные военные сборы сроком на 60 дней. Я не против сборов и как военнообязанный, и как гражданин, но... Это «но» и должно сделать из меня «преступника».

Прекращая трудовую деятельность в кооперативе на столь значительный срок, я перестаю получать зарплату (доход, как сказано в Законе СССР «О кооперации в СССР»). Ибо, согласно Уставу кооператива, кооператив не несет обязательств перед своими членами в аналогичной ситуации. Выплатить средний доход за время выполнения мною воинского долга должно государство из своего бюджета, в который кооператив вносит обязательные платежи. Это обстоятельство оговорено в п. 4 ст. 8 и в п. 2 ст. 10 упомянутого Закона. Однако механизм этого не выработан законодателем. В результате в создавшейся ситуации я вынужден либо выполнить свой воинский долг в соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности», оставив при этом без средств к существованию своих детей, либо в судебном порядке добиваться выплаты среднего дохода от кооператива, то есть, по сути, от себя самого и своих товарищей, что незаконно с точки зрения Закона «О кооперации в СССР», либо до решения вопроса законодателем не являться на сборы, что наказуемо по ст. 194 УК ЛатвССР. Как мне быть?

Ни в райвоенкомате, ни в республиканском военкомате, ни в военной, ни в районной прокуратуре, ни в районном Совете народных депутатов, куда я обращался, мое конституционное право защитить не могут. Как издевательство я понимаю напоминание, что буду осужден, если не явлюсь на сборы, или то, что работа в кооперативе — мое личное дело.

В. ГАЛОЧКИН
Рига

■

В газете «Магаданская правда» (№ 273 от 27 ноября 1988 г.) в статье С. Рыжова «Погост или...?» сказано, что «старое кладбище так разорено, что и в страшном сне не приснится...» Но еще страшнее, что существует проект ликвидации кладбища с целью на его месте обустроить сквер с детскими площадками, площадками для катания на роликовых досках, киосками «Союзпечати», «Соки — воды» и другими.

У меня нет слов, чтобы выразить свой гнев и возмущение таким вандализмом.

Ведь во все времена считалось, что кладбище — священное место для живых, где похоронены наши родственники и друзья. Неужели в Магадан понаехали сейчас «Иваны не помнящие своего родства» и пользуются тем, что все родственники умерших и похороненных на этом кладбище находятся далеко, не имеют возможности посещать могилы и не смогут заступиться за могилы своих родственников. Сейчас многие ищут места захоронения жертв сталинских репрессий и хотят установить памятники, обелиски на местах захоронений, а здесь мы имеем целое кладбище «пионеров освоения Колымы» в основном из жертв сталинских репрессий, перенесших все невзгоды лагерей, оставшихся в Магадане «по вольному найму» и скончавшихся преждевременно от переживаний суровой жизни, не дождавшихся реабилитации, и некому за них заступиться, их могилы подвергаются глумлению и вандализму.

У меня на этом кладбище в 1950 году похоронена жена, Чупрунова Клавдия Петровна, и двухмесячный сын; их смерть я отношу на совесть сталинских подручных. Живя на Колыме 32 года (в Магадане 27 лет), многих проводил на это кладбище своих знакомых по работе «врагов народа», не дождавшихся реабилитации, всеми забытых, ведь было время, что родственникам «врагов народа» было небезопасно поддерживать с ними связи. На Магаданском кладбище похоронены люди из всех республик и областей СССР, есть и иностранцы, а поэтому я считаю, что Магаданское кладбище должно быть неподведомственным магаданскому горисполкому, а должно охраняться законом, и Магаданское отделение Всероссийского общества охраны памятников должно взять под защиту это кладбище, заставить горисполком привести его в надлежащий порядок и на этом кладбище установить памятный знак жертвам сталинских репрессий на Колыме.

Сергей Сергеевич ТАРАСОВ
Ленинград

■

Московский городской клуб любителей кошек при МГО ВООП существует год и популярен у москвичей как действительно общественная, а не коммерческая организация. Работа в клубе построена исключительно на добровольных началах. Особенно активно действует детская секция. На наших выставках можно увидеть вместе с высокопородным красавцем беспородного, но ухоженного и очень любимого «Ваську». Всегда представлен раздел «Ищу хозяина», где предлагаются коты, оставшиеся без дома. Словом, дело идет, но... Все-таки наиболее трудная задача — устройство котят и взрослых животных. Приют — это пока только мечта...

Старый, добрый Птичий рынок на деле оказывается не таким уж добрым. Вечером в воскресенье все не проданные за день перекупщиками щенки и котята выбрасываются на улицу, где их подбирает служба уничтожения или живодеры, использующие их бесплатные шубки в качестве сырья для своих изделий. Это подтвердилось во время проверочных рейдов нашего клуба.

И еще одна наша боль — те, кто сделал нашиx друзей, собак и кошек, средством наживы. Особенно это касается «умельцев-скорняков», шьющих из их шкур шапки и полушубки. Торгуют ими незаконным образом. Редко, но случается, что эти люди имеют патент или даже называют себя кооператорами. Спросил ли тот, кто выдавал им удостоверение, где они будут брать сырье? Ведь доходит до невероятной жестокости — растягивают собак живьем, чтобы шкура была больше, воруют и перепродают домашних собак и кошек.

Эти жестокие люди очерняют саму идею кооперации и индивидуальной трудовой деятельности!

Закон об ответственности за жестокое обращение с животными оказался на деле слишком мягким и пластичным, иначе почему почти ничего не меняется? Общественный инспектор клуба лишь в один из выходных дней на печально известном рынке в Малаховке зафиксировал 12 человек с шапками из собак и одного с полушубком из сиамских кошек, а на рынке у метро «Выхино» — двоих. Однако без работника милиции общественный инспектор задержать нарушителя не может. С сентября по ноябрь 1988 года в Москве было задержано 30 человек, хотя выявлено общественностью во много раз больше. Кто их будет наказывать и как?

В связи с этим хотелось бы вспомнить публикацию в «Огоньке» за февраль 1987 года о малаховском живодере Красулеве, скупавшем краденых собак и разводившем щенков на шкурки. Где он сейчас? Как приведен в исполнение приговор о лишении его свободы сроком на год с конфискацией имущества?

Что делать, чтобы подобных фактов в нашей жизни больше не было?

Л. КОЧЕТКОВА, Е. ПЕТРЕНКО, Г. ЛАВРОВА и другие,
члены клуба любителей кошек при МГО ВООП.

■

Считаю, что именно политорганы несут ответственность за «дедовщину» и другие негативные явления, как проказа, поразившие нашу армию. Сейчас во всех грехах обвиняют командиров. Да, командиры отвечают за все — это верно. Но где же армейские политработники, первейшая служебная обязанность которых обеспечивать дружбу, взаимопомощь, высокий моральный дух частей и подразделений, непосредственно влияющий, а правильнее сказать, определяющий боеготовность?

Считаю, что выплеснувшаяся наружу в период гласности правда о внутренней жизни армии ярко свидетельствует о несостоятельности всей системы политической работы в частях и подразделениях в мирное время, о ее полной неэффективности. Проводится она формально и казенно. Отсюда и результат.

Армейский политработник, честно выполняющий свои обязанности, не мог не видеть, что происходит в казарме, и должен был своевременно принять меры. А этой «опухоли» дали разрастись именно потому, что не занимались людьми, не жили их нуждами и заботами. Теперь виноваты все, кроме тех, кто обязан отвечать за морально-политическое состояние подразделений.

Необходимо кардинально изменить

ОТ РЕДАКЦИИ

В последнее время ряд изданий (отечественные — «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия» и русскоязычные зарубежные — «Континент», «Панорама») выступил с клеветническими заявлениями в наш адрес. Дезинформация о том, что делается в нашей стране, в нашей культуре и литературе, не раз разоблачалась на страницах «Огонька», но поток лжи, увы, не прекращается.

Только что нам переслано заявление журнала «Континент», в котором, в частности, сообщается:

на совещании в ЦК КПСС 9 ноября сего года сообщил собравшимся о поступившем к нему письме девятнадцати перестройщиков от культуры, протестующих против возможной публикации "Архипелага ГУЛАГ" И хотя содержание этого письма-доноса до сих пор, несмотря на разгул гласности, не доведено до сведения общественности, имена некоторых его авторов стали широко известны: Виталий Коротич, Михаил Шатров и Анатолий Рыбаков. С чем мы их горячо поздравляем. Если же полученная нами информация не соответствует действительности, мы охотно извинимся перед пострадавшими.

Это заурядное вранье. Естественно, никакого письма не было. Однако мы понимаем, каковы причины возникновения этой лжи и каким кругам она выгодна.

Что касается произведений А. Солженицына, то редакция «Огонька» не получала от автора никаких рукописей, а значит, и не рассматривала их. Мы не исключаем возможности републикации одного из неизвестных современным советским читателям произведений А. Солженицына.

Нас умиляет, с какой легкостью тот же «Континент», годами на дух не переносивший советской прессы, сливается в экстазе братания с самыми «благонамеренными» и всегда правыми московскими журналами. Очень уж мы не по душе этим лицам. Впрочем, если бы они объяснились в любви к нам, было бы еще неприятнее.

систему политработы в подразделениях, направив ее на достижение единственной цели — воспитание гражданина-защитника, гражданина-бойца, и не на словах, а на деле!

Ю. ТЮРИН, полковник
Ленинград

■

У нас в Железноводске, как везде, наверное, впереди праздничных колонн на первомайской демонстрации идут ветераны войны и труда, а вслед за ними учащиеся и молодежь. Не раз приходилось слышать за спиной:

— Посторонись... видишь, сталинисты идут... напялили свои медали с физиономией Сталина.

Горько слышать это.

На наших медалях, кроме портрета Сталина, выбиты еще и слова «За победу над Германией». А у многих на груди рядом со Сталиным и Ленин на юбилейных медалях.

Как быть? Может быть, спокойно отнестись как к факту нашей нелегкой истории?

Прошу, уважаемая редакция, опубликуйте мое письмо.

Г. ГРИЦЕНКО, участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многих медалей и, конечно же, «За победу над Германией»

■

Может быть, я не так понимаю благодеяние, полученное по почте из отдела социального обеспечения Красногвардейского района г. Москвы?

Моя мать, Ниренберг Б. Р., получающая пенсию по потере кормильца в размере 33 руб., в январе получила два перевода по почте — 363 руб. с припиской «доплата с 1985 г.» и 33 руб.— пенсия за январь 1989 г.

Долго пыталась выяснить в собесе, что это такое, не ошибка ли это, натыкаясь на грубость «службы милосердия».

Выяснила: матери за 1985—1988 гг. дважды повышали пенсию, а вот выслать забыли! Каждый месяц, получая эту нищенскую пенсию, мать плачет. Она очень больной человек, из дома не выходит, в январе 1988 г. перенесла инсульт (денег этих не всегда хватает и на лекарства). Живем мы с ней вдвоем, а мой оклад зав. библиотекой — 115 руб. Несколько раз звонила в собес, пытаясь выяснить, не положена ли маме прибавка к пенсии. Ответ всегда был категоричным — не положено!

И вот переводы. И при этом ни разъяснения, ни извинения. «Хозяйка» этой службы социального обеспечения Красногвардейского района не захотела назвать виновных и считает, что главное — конечный результат этой истории.

Я же другого мнения. И пишу от имени тех, кто так и не дождался этой прибавки, и тех, кто еще жив и в том же положении, как моя мама.

1985—1989 гг. — длина этой истории, и она должна получить законную огласку.

Очень Вас прошу, помогите мне в этом, нельзя так относиться к людям, так унижать их.

Р. ГУЩИНА
Москва

■

Не одно поколение детей нашего села Красное надеялось, ждало, что здесь обязательно вырастет еще один «Артек». Ждали потому, что у нас имелось главное: неглубокие, теплые, целебные морские воды, чудесные пляжи, южное солнце, обилие таврийских арбузов, фруктов. Дети и их родители дождались совсем иного: к нашим берегам, вплотную к пляжам, пришло орошение, разместились рисовые плантации. Много каналов сбрасывает в залив миллионы кубометров отравленной ядохимикатами воды. Вместо солнечных лучей, чистого морского воздуха над нашими головами стелются шлейфы от самолетов: это яды, удобрения, гербициды.

Мы не хотим, чтобы на детские головы обрушилось несчастье, подобное тому, что случилось в Черновцах или Чернобыле.

Мы не хотим, чтобы в заливе, на полях умирало все живое, а вместе с ним становились калеками дети.

Мы хотим дышать чистым воздухом, есть хлеб, арбузы, пить молоко — все таким, как ели наши родители, дедушки, бабушки в годы своего детства, а не начиненное нитратами.

В. ЦЫГАНКО
Скадовск Херсонской области

■

Читая некоторые публикации о деятельности органов ОГПУ — НКВД — МГБ периода культа личности, можно прийти к выводу, что кадры этих органов состояли только из негодяев типа Ежова, Берии, Абакумова, Рюмина, Хвата и многих, многих других, а все репрессированные в эти годы по пресловутой 58-й статье УК РСФСР — безвинно пострадавшие люди, как будто не было ни шпионов, ни власовцев, ни полицаев и других пособников гитлеровцев, которых также судили по этой статье. Почему мы достаточно много знаем о деятельности Л. П. Берии, Н. И. Ежова и многих других, но почти ничего не знаем о А. Х. Артузове, М. С. Кедрове, Пилляре, Окуджаве и многих, многих тысячах честнейших коммунистов-чекистов, погибших в годы культа личности? А ведь М. С. Кедров был полностью оправдан Военной коллегией Верховного суда в 1939 г., когда это было чрезвычайнейшим событием. А ведь именно Кедров первым попытался разоблачить Л. П. Берию, за что и был расстрелян, несмотря на оправдательный приговор суда.

Что же я предлагаю? Прежде всего опубликовать материалы, конечно, которые можно опубликовать без ущерба для интересов безопасности страны, о деятельности органов государственной безопасности за все годы их существования; начать публиковать материалы о жизни и деятельности выдающихся чекистов, ставших жертвами репрессий в годы культа личности. Может быть, в вашем журнале, или в каком-то другом, организовать постоянную рубрику о жизни и деятельности этих людей. Кроме того, следует публиковать в газетах и других средствах массовой информации не только сообщения об итогах рассмотрения тех или иных дел, но и материалы, на основании которых эти решения были приняты.

В. РЕЗАПКИН, старший библиотекарь Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, член КПСС

■

В статье старшего научного сотрудника Института экономики мировой социалистической системы В. Фролова «Пенсии: чехословацкий вариант», напечатанной в «Аргументах и фактах» (№ 45, 1988 г.), сообщается, что «в ЧССР любое лекарство по рецепту стоит всего одну крону», т. е. 10 копеек.

Меня давно волнует вопрос с ценами на лекарства у нас в СССР. На моей памяти в дореволюционное время врачи лечили салолом, аспирином, пирамидоном, касторовым маслом. Каждое лекарство стоило копейки.

В последние годы большому количеству больных, включая и пенсионеров, врачи прописывают:

ноотропил — 5 руб. 12 коп. за 60 шт.; троксевазин — 15 руб. за 100 шт.; триампур — 7 руб. 04 коп. за 100 шт.; циннаризин — 4 руб. 24 коп. за 100 шт.

Список таких и еще более дорогих лекарств можно продолжить.

Кто отвечает за такую бездушную политику цен на лекарства?

Давно пора пересмотреть эти цены в сторону резкого их снижения.

С. БРАНДГЕНДЛЕР, член КПСС с 1927 года

■

К Новому году нам на бригаду в пять человек выдали талон на 1 килограмм колбасы по госцене. Как разделить 1 килограмм на пять семей?!

Никто не захотел брать талон себе. Посылаем его вам.

По поручению бригады Н. СЕМИТИН, завод «Лидсельмаш» Лида Гродненской обл.

■

Графа «национальность» — «завоевание сталинской конституции» в условиях тотальной диктатуры. Эта графа на руку бюрократическому централизму (знаменитый «пятый пункт»!). Но в условиях современного процесса демократизации национальную принадлежность гражданина пора вывести из разряда показателей, подлежащих государственному учету.

В буржуазной Латвии учет национальности и вероисповедания велся только в свидетельствах о браке и о рождении, что было связано с соответствующими религиозными церемониями. Но в паспортах и в анкетах типа наших «кадровых» подобных сведений не содержалось. Такой «недоучет» не мешал нацменьшинствам иметь свои школы (немецкие, русские, еврейские, польские), чего мы сегодня не имеем, а также другие культурные учреждения (театры, общества). Почему в социалистическом государстве «учет» должен быть более «исчерпывающим», чем в буржуазном?

Убежден, что путь подлинной демократизации, осуществление правового государства идет через уменьшение количества сведений, собираемых государством с целью «заведовать» гражданином, и «национальность» — первая характеристика, от учета которой пришла пора отказаться.

А. ВИЛНИТИС, зам. директора Института физики АН Латвийской ССР
Рига

■

Я ветеран труда, персональный пенсионер республиканского значения Украины, моя пенсия — 150 рублей. Но я работаю в институте — получаю пол-оклада профессора — 200 рублей. Всего мое денежное месячное довольствие 350 рублей.

Кто-то из бюрократов в годы застоя ограничил получение средств этой суммой.

При начислении мне отпуска бухгалтерия выдает на 8—16 рублей сверх 200. А когда я получаю пенсию, эти 8—16 рублей с меня высчитывают. Я испытываю крайнее унижение — создается впечатление, что эти деньги я украл или незаконно хочу получить, и государство у меня, как преступника, забирает эти деньги.

Но еще большее унижение я испытываю, когда меня как ученого-строителя приглашают принять участие в экспертизе проекта или рацпредложения — я прошу мне не платить за этот труд, но у бухгалтерии другие законы, и мне эти деньги высылают почтой, а затем — то же унижение при получении пенсии.

То же происходит при получении гонорара за статьи в газете, в журнале, за прочтение лекции.

В Обращении ЦК КПСС говорится об очередном пересмотре пенсионной политики.

Необходимо раскрепостить в этих делах ветеранов — позволить им в силу своих возможностей оказывать помощь в воспитании младших поколений, убрать ограничения, унижающие людей, располагающих опытом, знаниями, традициями.

А. ВЛАСОВ, профессор
Киев

■

В моем материале «Тяжкий путь прозрения» («Огонек» № 41 — 88 г.) в рассказе о встрече с Л. М. Павличенко мною допущена ошибка: за давностью лет память спрессовала воедино два разных события — встречу с Л. М. Павличенко в Лондоне в конце 1942 года и разговор с нею в Москве, состоявшийся значительно позже. Л. М. Павличенко стала Героем Советского Союза в октябре 1943 года, и ее встреча с И. В. Сталиным состоялась в конце лета 1943 года. Я был одним из первых очеркистов и фоторепортеров, познакомивших страну со снайпером Павличенко, а снятые мною киносюжеты оставили живой облик Людмилы Михайловны. У нас с ней было много встреч и бесед, которые, естественно, эмоционально могли сместиться во времени и ощущениях.

В. МИКОША

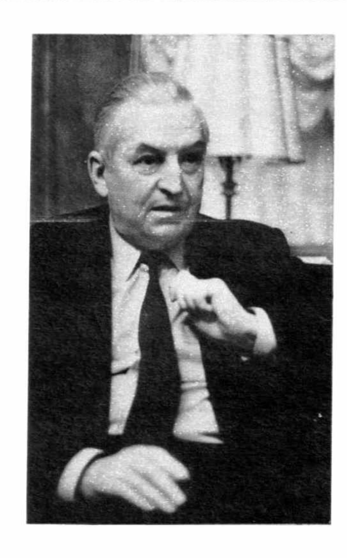

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ВЕРХОВН

• НОВЫЙ ВЗГЛЯД ЮРИСТА НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ.

• ИСТИННО ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО — КАКИМ ОНО ВИДИТСЯ С САМОЙ ВЕРШИНЫ СУДЕБНОЙ ПИРАМИДЫ.

С первым заместителем Председателя Верховного суда СССР Сергеем Ивановичем ГУСЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Михаил КОРЧАГИН

— Ваш суд находится как бы на Олимпе всей судебной системы страны. Но правовая реформа, естественно, в первую очередь коснется и Верховного суда СССР. Какие изменения здесь предвидятся?

— Вы меня завлекаете в греческую мифологию. Олимп, как известно, священная гора, место пребывания богов. Но мы, увы, не боги. Верховный же суд до недавнего времени занимал в системе правоохранительных органов несвойственное ему место «замыкающего». И только начавшаяся перестройка несколько изменила ситуацию.

В правовом государстве наш суд действительно должен быть, как Вы заметили, вершиной в системе правоохранительных органов и по форме, и по существу (первый среди равных). Действительно, суд наиболее демократичный из всей системы правоохранительных органов. В отличие от следствия, например, он открыт для граждан, осуществляет правосудие принародно, у всех на виду, гласно. Верховный суд — высший судебный орган СССР и вместе с тем последняя судебная инстанция. Значит, именно за ним последнее слово в правовом конфликте.

— Думаю, сотрудникам Верховного суда небезразличным будет то, каким станет новый Закон о Верховном суде СССР. Что нового в нем предвидится?

— Прежде всего хотелось бы, чтобы Верховный суд СССР избирался Съездом народных депутатов. Мы вносили такое предложение и отстаивали его на комиссии законодательных предположений. Но результатов это не дало. Действующий же ныне Закон принят в 1979 году, когда умиротворенно считали, что все в нем близко к коммунистическому идеалу и менять ничего не стоит. А ведь делать это стоило, тем более, что Закон явился практически повторением старого положения о Верховном суде СССР 1956 года(!)...

— Сергей Иванович, в скором будущем планируется создание Комитета конституционного надзора. Функцию такого надзора во всех высокоразвитых в правовом отношении странах (США, Канада, ФРГ) выполняют именно верховные суды. Почему бы у нас эту важную функцию не передать Верховному суду СССР? Ведь, по сути дела, родится еще одно ведомство со своим многочисленным штатом. Резонно ли это?

— Вопрос, к сожалению, запоздалый. Закон об учреждении Комитета конституционного надзора уже принят 1 декабря 1988 года. Сейчас важно другое — что из себя будет представлять этот комитет, каковы будут его полномочия? Знаем только, что он будет избираться на 10 лет из числа специалистов в области политики и права (председатель, заместитель и 21 член, включая представителей от каждой союзной республики).

Что ж, это новация, и аналогов я не припомню. Но важно, чтобы комитет ни в коем случае не превратился в консультативный орган при принятии законопроектов! Комитет не должен участвовать в формировании новых законов, за которыми потом надзирать придется **ему же.** Иначе получится комитет, надзирающий «сам за собой».

Но, несмотря на предстоящее создание указанного комитета, мы высказали мнение о том, что ряд функций конституционного надзора должен быть придан Верховному суду СССР, ибо комитет будет просто не в силах (да и не вправе) по каждому судебному спору разъяснять конституционность законотворческого «шедевра» какого-нибудь ведомства. Арбитром в этих случаях должен быть именно наш суд.

— Сегодня в судах страны много внимания уделяется вопросам реабилитации людей, пострадавших от сталинских репрессий. Какова роль Верховного суда СССР в этом процессе?

— Наш суд работает в очень тесном контакте с Комиссией Политбюро ЦК КПСС. Реабилитированы сотни тысяч необоснованно осужденных и репрессированных во внесудебном порядке (без суда и следствия). Работа еще предстоит большая, так как «залежи» пока велики. С целью ускорения реабилитации принято специальное постановление. Этим актом отменены все решения, вынесенные так называемыми «особым совещанием», «тройками». Это крайне своевременный акт. Без него реабилитация невинно репрессированных растянулась бы на десятки лет... Кстати, Верховный суд СССР уже затрагивал этот вопрос в своих предложениях в директивные органы и в партийной печати (журнале «Партийная жизнь» № 9 за 1988 г.).

— Сергей Иванович, еще раз коснемся тех тяжелых, страшных времен. К сожалению, в репрессиях против советских граждан участвовал не только НКВД, фальсифицировавший материалы следствия. Когда читаешь публикации, в них встречаешь практически одну и ту же фамилию — Ульриха — председателя Военной коллегии. Но ведь были же и другие.

— Честно говоря, Вы затронули самую больную страницу в истории и деятельности Верховного суда СССР. Действительно, фигура Ульриха одиозна. В те годы Военная коллегия, входившая в состав Верховного суда СССР, по сути своей была автономным подразделением — «государством в государстве». Правитель этого «государства» Ульрих общался непосредственно с самим Сталиным, обо всем ему докладывал и вносил соответствующие предложения, так как репрессивный аппарат того времени был под его неусыпным контролем. Это лишний раз доказывает, что Сталин не мог не знать, что творилось в Верховном суде государства.

Но вместе с Ульрихом за одним судебным столом, на котором штамповались сфабрикованные дела, сидели и другие, мало кому известные люди. Я могу назвать составы Военной коллегии 30-х, 40-х и начала 50-х годов, ибо в этом нет никакого секрета. Существуют открытые к опубликованию документы, где указаны фамилии, с которыми можно было бы давно ознакомиться.

Вторая сессия Верховного Совета СССР 17 августа 1938 года избрала 45 членов Верховного суда СССР, из них члены Военной коллегии — Детистов Л. Д., Кандыбин Д. Я., Клемин Ф. А., Матулевич И. О., Орлов А. М., Романчев М. Г., Суслин А. Г., Зарянов И. М., Буканов В. В., Чепцов А. А.

Нет сведений о персональном составе и численности Военной коллегии за печально известный 1937 год. С 1940 по 1946 год Верховный суд СССР не переизбирался. Вызвано это было войной. Но и после этого состав суда, устраивавший Сталина, остался неизмененным. 15 марта 1946 года из новых появился всего лишь один — Сюльдин В. В. На выборах 1951 года Ульриха и многих других членов Военной коллегии не стало. Ульрих сам попал в немилость к Сталину, который отстранил его от работы. Ульрих перешел на работу в другое место и вскоре неожиданно скончался. У нас нет сведений, что кто-либо из бывших членов тех составов остался в живых. Но деятельность каждого должна быть подвергнута анализу. Необходимо пересмотреть архив. Впрочем, до 1953 года все они были своего рода заложниками за судейским столом.

— Ваше отношение к смертной казни в нашем государстве? Оправдана ли данная мера в борьбе с преступностью?

— В принципе я за отмену смертной казни. Эффективность этой меры практически равна нулю. Количество убийств при отягчающих обстоятельствах у нас еще высоко. Путь к преодолению преступности еще далек, и вопрос этот крайне сложен. Согласен, нельзя лишать жизни человека, преступившего Закон. Тем более не судом эта жизнь и дарована. Вопрос в другом: гуманно ли по отношению к обществу снова делать полноправным членом нашего государства убийцу, насильника, человека с садистскими наклонностями? Гуманно ли это будет по отношению к семье человека, который, возможно, будет убит тем же, выпущенным после «отсидки», преступником? Гуманно ли это будет по отношению ко всему обществу? Вот в чем вопрос.

— Но преступление преступлению рознь.

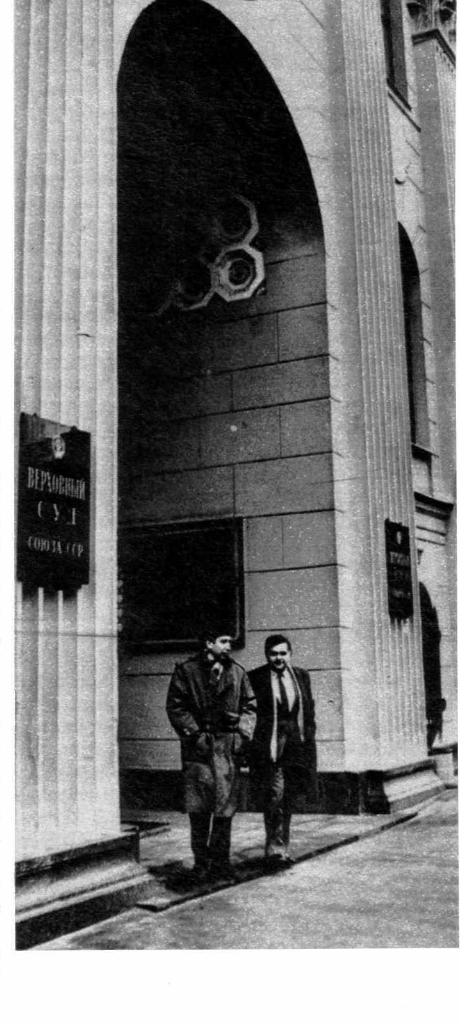
— Согласен. Вот поэтому-то в проекте Основ уголовного законодательства СССР предусматривается исключение применения смертной казни за экономические преступления (хищения в особо крупных размерах, взятки и тому подобное). За умышленное же убийство при отягчающих обстоятельствах, за изнасилование малолетней и отдельные государственные преступления отмены смертной казни, по всей видимости, пока не предвидится.

— Сергей Иванович, Вас не смущают сроки содержания под стражей подследственных? Иногда люди сидят под следствием по нескольку лет! Я уже не говорю о состоянии самих тюрем. Да и как можно сегодня вести речь о правовой защищенности подследственных, если многие, не видя иного способа избавиться от тюремного режима, кроме как поскорее попасть в места для отбытия наказания, идут на самооговор.

— Не только смущают, но и возмущают. Заключая под стражу подследственного на длительный срок (а он у нас не должен превышать по Закону 9 месяцев с учетом продления Генеральным прокурором СССР) мы забываем о презумпции невиновности, смысл которой общеизвестен.

По сути дела, в условиях, далеких от «домашних», на протяжении длительного времени содержится невиновный человек. (Невиновный, потому что «преступником» его может назвать один лишь суд.) Но имеем ли мы право лишать его общения с родственниками, занятий общественно полезным трудом? Ведь он еще не преступник. Поэтому считаю, крайне необходимо изменить условия содержания в следственных изоляторах, сделать их ПРИБЛИЖЕННЫМИ К ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ. Сделать это содержание более гуманным,

ЫЙ СУД

чтобы человек не терял своего человеческого обличья и достоинства.

Теперь о сроках. Прежде всего их нарушение связано с поспешностью ареста, особенно по делам об экономических, в том числе должностных, преступлениях. В этих случаях сам арест и заключение в следственный изолятор с условиями, далекими от нормальных, являются подчас средством добывания доказательств. То есть от ареста идут к добыванию улик. Это, согласитесь, выглядит авантюрно. Хотя все должно быть наоборот: сначала нужно иметь надлежащие доказательства. Далеко не редкость, что сроки содержания под стражей превышают 9 месяцев.

— Каковы же здесь причины?

— Их несколько: слабая подготовка ряда следователей, входящих в так называемые следственные бригады, отсутствие надлежащего планирования расследования, недостаточная совместная подготовленность следователей и оперативных работников, гигантомания — погоня за личной славой, громкими делами. Все эти огрехи с длительным содержанием под стражей порой прикрываются демагогическими фразами о необходимости усилить борьбу с преступностью, ссылкой на особую сложность дела. Да, есть сложные дела, и их надо правильно формировать, своевременно направляя в суд.

— С волокитой, конечно же, пора кончать. Но какие конкретные пути Вы здесь видите?

— Прежде всего постановка под судебный контроль продления срока содержания под стражей. Правом продления свыше 9 месяцев должен обладать только Верховный суд СССР. Есть и еще один выход, против которого, думаю, будут возражать ученые-процессуалисты. Имеется в виду ограничение пределов следствия в отношении особо опасных преступников (рецидивистов, бандитов, расхитителей в особо крупных размерах). В этих случаях требуется быстрое реагирование: немедленно расследуются основные эпизоды преступления, а руководство Прокуратуры СССР может тут же направить дело в суд. Судьба же остальных, не основных, эпизодов решается ими в рамках уголовно-процессуального законодательства вплоть до прекращения. Конечно, нежелательно, чтобы эти эпизоды остались неисследованными вообще. Но раз уж мы ведем речь о сроках, то выход вижу и в этом.

— То, о чем Вы рассказали нам в отношении содержания под стражей и сроков, невольно заставляет задуматься о роли адвоката, донкихотствующего подчас на судебных процессах. Целесообразно ли его участие с самого начала следствия, когда подозреваемый лишается свободы и ему предъявлено обвинение?

— Я бы не сказал, что они донкихотствуют на процессах. Акции адвокатуры поднимаются, и это один из атрибутов перестройки. Адвокатура создает свою ассоциацию, и было бы желательно, чтобы эта ассоциация стала важной авторитетной частью Союза юристов СССР, который мы, надеемся, скоро создадим. По крайней мере Верховный суд будет одним из его учредителей.

Что же касается работы адвоката с начала следствия, то присутствие его в камере рядом с подзащитным считаю необходимым. Именно тогда адвоката можно будет с уверенностью назвать настоящим «защитником», как его и именуют в народе. Сделать это бы нужно именно с момента задержания, так как нарушения закона чаще происходят на самых ранних стадиях следствия.

— Юридическое невежество у нас доходит порой до такой степени, что подследственный не знает, что он имеет право воспользоваться услугами того же адвоката. Может ли наше государство при сегодняшней юридической безграмотности населения быть в полной степени правовым?

— Я бы сказал мягче. Не юридическая безграмотность, а неосведомленность. И проистекает она от нашего неумения пропагандировать Закон, в том числе и средствами печати, радио, телевидения. И о какой пропаганде Закона можно вообще говорить, если по телевидению передача «Человек и закон» длится лишь полчаса, да и то один-два раза в месяц. А уж о каких-либо «круглых столах» и говорить нечего. Больше других передачам на правовую тему уделяет, пожалуй, Московская программа телевидения. Но в целом ситуация ненормальна. Так что слово за средствами массовой информации. И «Огонек» здесь не является исключением.

Но печатание одних негативных материалов положения не изменит. Нужна еженедельная юридическая газета. Необходим, как воздух, журнал.

Случается, что столкнувшийся со следствием человек действительно не осведомлен о праве воспользоваться услугами адвоката. Хотя, правда, и адвокатов-то у нас в государстве — мизер. В отсталой царской России их было значительно больше. Их, если не ошибаюсь, всего 25 тысяч человек на такую огромную страну...

— Интересно, почему?

— А потому, что роль адвоката, как и самого суда, была принижена со времен Сталина. Почитайте стенограммы выступлений адвокатов Комодова, Казначеева, Брауде и других на процессах 1937—1938 гг. и соприкоснетесь не с защитительными, а по сути своей обвинительными речами. Приоритет был отдан карательному аппарату, а не суду и защите. К чему это привело, мы знаем. Но старые стереотипы живучи. Не случайно в Узбекской ССР только за 3,5 последних года 445(!) человек были незаконно привлечены к уголовной ответственности, после чего оправданы. Расплачиваться-то пришлось государству, выплатившему потерпевшим около 800 тысяч рублей.

Кстати, и сейчас в печати появляются статьи отдельных юристов-практиков из прокурорско-следственного аппарата, которые стараются все свои просчеты и беспомощность переложить на адвокатов и на суд.

— Нужен ли, на Ваш взгляд, суд присяжных в нашей стране? И может ли в принципе повыситься качество рассмотрения дел от количественного состава судебной коллегии?

— Сразу хочу подчеркнуть, что я не отвергаю «с порога» идею создания у нас суда присяжных. Был такой суд в царской России, есть он в США и ряде других стран мира. Насколько я знаком с судом присяжных в США, с мнением их теоретиков и юристов-практиков, то смею утверждать, что добрая их половина полагает, что «коронный» суд, суд профессионалов, предпочтительнее. Споры на этот счет продолжаются и по сей день. Впрочем, дискуссию «нужен — не нужен» у нас вести поздно. Как Вам известно, уже приняты решения о народных заседателях, которые уравнены в правах с судьей.

— И все-таки не могли бы Вы рассказать о работе суда присяжных на примере одной из стран?

— Пожалуйста. Присяжные (12 человек) в американском суде, например, решают один вопрос о виновности. Меру же наказания в конечном итоге все равно определяет один человек — судья, он и ведет процесс. Правда, американцы, приверженные суду присяжных, говорят, что их система более демократична из-за количества присяжных, которые могут разобраться в деле по-житейски лучше, чем судья, представляющий государство. При этом судья не несет ответственность за вердикт присяжных о виновности, а стало быть, не несет таковую и государство (то есть этим подчеркивается большая независимость суда). Кроме того, как считают в США, этим достигается процессуальная и материальная экономия, в связи с чем требуется меньше коронных судей, которые, стало быть, очень высоко оплачиваются. Говорят еще и о том, что такой суд ограждает судью от «соблазна» получения взятки, так как он не участвует в совещании присяжных и не знает их вердикта. Думаю, мы не должны чураться опыта работы судов других стран, перенимая все лучшее из их практики.

— Очень много писем в нашей почте, касающихся оправдательного приговора. Велик ли их процент, если взять все вынесенные судами приговоры? Этот вид приговора в некоторых судах воспринимают подчас как ЧП. Как Вы думаете, почему?

— Если бы не было оправдательных приговоров, то не было бы и правосудия. Отсутствие их придавало бы судам карательный оттенок. Не случайно статья 309 УПК РСФСР специально предусматривает оправдательный приговор, который постановляется в трех случаях: если не установлено событие преступления; в деяниях подсудимого нет состава преступления или не доказано участие подсудимого в совершении преступления. Оправдательный приговор — это нормальное явление. Вместе с тем он воспринимается порой как чрезвычайное происшествие...

— Почему же? Ведь Закон, как Вы только что сказали, предусматривает этот вид приговора.

— Да. Но Закон не предусматривает другого — амбиций и обид следственных органов. Но обижаться следует только на себя. Важно быть корректным и тем более к такому оппоненту, как суд. Спорить можно, не выходя за рамки процесса. Но когда сказал свое слово Верховный суд СССР, ненужную дискуссию надо прекратить.

Подчас суды, находясь под одной «крышей» и в одной партийной организации с прокуратурой, не желают вступать в конфликт. Ведь что означает, скажем, для прокуратуры оправдательный приговор? Это прежде всего признание несостоятельности следствия, это брак в работе надзирающего прокурора. Поэтому-то подчас вместо оправдания подсудимого, вина которого не установлена, суд оставляет за ним хоть какое-то обвинение либо необоснованно возвращает дело на доследование прокурору. Последний же и прекращает его в тиши кабинета.

Полбеды, если обвиняемый не подвергался аресту до суда и оправдан, здесь можно говорить не об ошибке, а о том, что следователь «переигран», и суд оправдает подсудимого. Бездумные, преждевременные аресты должны влечь за собой строгую ответственность. Напомню, что есть соответствующее постановление ЦК КПСС по этому поводу, предписывающее исключить из практики необоснованное привлечение граждан к ответственности. Оно не отменено, но кое-кто об этом забыл.

И все-таки лед, считаю, тронулся. Если в 1983 г. судами было оправдано 946 человек, то в 1987 г.— 2206, а за первое полугодие 1988 г.— 1171 человек. Всего же число лиц, признанных судами невиновными, в 1983 г. составило 1515 человек, в 1987 г.— 4771, а в первом полугодии 1988 г.— 2107 человек.

— Часто вынесению справедливого оправдательного приговора мешает пока «телефонное» право, которое, думаю, трудно упразднить и при обновлении законодательства. Обладатели такого права трудноуловимы. Особенно тяжело с ними бороться

в «глубинке». На Верховный суд СССР, находящийся на самой вершине судебной пирамиды, видимо, трудно оказать давление. И все-таки... Неужели никогда не приходилось испытывать на себе тяжесть такого прессинга?

— Верховный суд СССР, к счастью, не признает «телефонного» права. Что касается судей районного да и областного звена, то вмешательство в рассмотрение судебных дел там пока не изжито. Полагаю, что по мере осуществления правовой реформы, укрепления принципа независимости судей этот атавизм отпадет. Хотя произойдет это, думаю, не скоро...

— Но ведь помимо «телефонного» права существует еще один способ влияния на Ваших коллег до принятия судебного решения. Это выступления в прессе. За примерами далеко ходить не надо. Например, Генеральный прокурор Сухарев А. Я. принес протест в Верховный суд СССР по так называемому «делу Хинта». Ваши коллеги еще даже не рассмотрели протест, не вынесли какого-либо решения, а «Правда» уже дает поспешную публикацию о том, сколь преступен И. Хинт. Не касаясь этого случая (к которому редакция вернется после решения суда), хотелось бы знать Ваше мнение о досудебных публикациях.

— Если говорить в общем, опасность таких публикаций прежде всего в том, что разжигается общественное мнение. На этот счет А. Кони удачно заметил, что есть общественное мнение и есть общественные страсти... Именно страсти и рождаются досудебными публикациями, предвосхищающими приговор суда. Ибо только суд имеет право назвать подсудимого преступником.

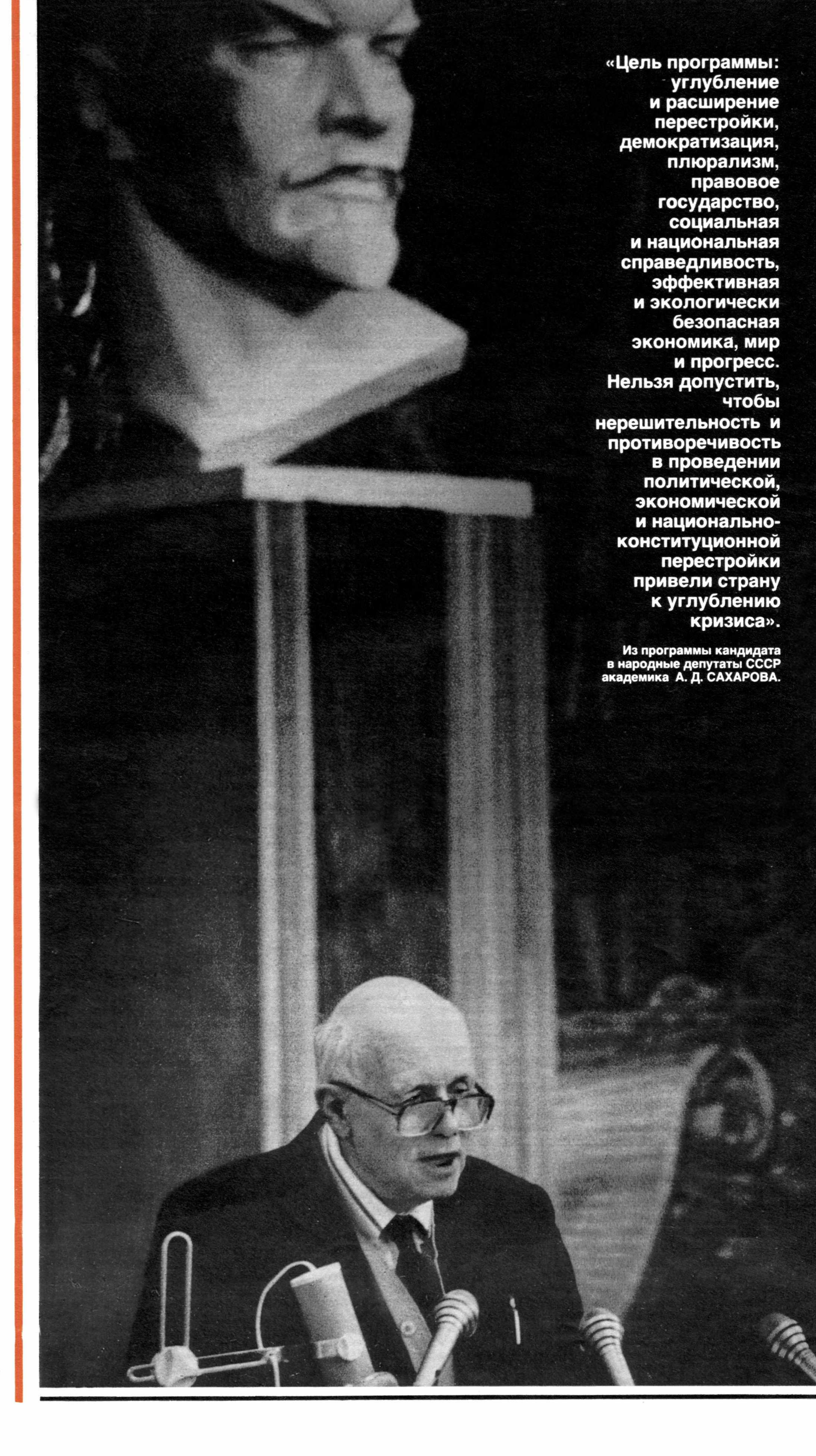
— Сергей Иванович, давайте немного пофантазируем. Каким Вы видите Верховный суд будущего?

— Будущее Верховного суда СССР сегодня мне видится более отчетливо и в лучшем свете. Прежде всего Верховный суд СССР должен быть непоколебимо сильным и авторитетным. В обозримом будущем он мыслится мне судом с более широкими, чем ныне, полномочиями. Что я имею в виду? Во-первых, возможность принять к своему производству любое дело.

Во-вторых, сделать возможным, чтобы каждый гражданин любой союзной республики мог принести жалобу по судебному делу в Верховный суд СССР, когда все судебные инстанции Верховного суда республики пройдены. Пока что действует «пресекательное» правило, запрещающее обращаться в наш суд до того, пока гражданину не будет отказано в принесении протеста по делу соответствующим постановлением Президиума или Пленума Верховного суда республики (за исключением дел, рассмотренных по первой инстанции Верховным судом республики. Такие дела мы рассматривать вправе). На день сегодняшний, хотим мы того или нет, право на правосудие в высшем суде государства при отказах руководства республиканских судов об опротестовании у таких граждан нарушено. Здесь играет свою роль местничество. И об этом стоит серьезно подумать, исходя из межнациональных отношений.

Нуждается в усовершенствовании и деятельность Пленума Верховного суда СССР. Надеюсь, что в Верховном суде будущего решения будут приниматься ⅔ голосов, но не простым большинством. А принцип голосования по конкретному делу будет поименным, чтобы ни один из голосовавших не оставался в тени единодушного большинства. Это, так сказать, желаемые фрагменты к Закону будущего.

Но самое важное для деятельности Верховного суда СССР в будущем — это соблюдение принципа разделения властей, которое подчеркнул М. С. Горбачев: «...Законы, повторю, пусть пишет наш парламент, пусть исполнительную власть вершит правительство, а правосудие творит суд».

«Цель программы: углубление и расширение перестройки, демократизация, плюрализм, правовое государство, социальная и национальная справедливость, эффективная и экологически безопасная экономика, мир и прогресс. Нельзя допустить, чтобы нерешительность и противоречивость в проведении политической, экономической и национально-конституционной перестройки привели страну к углублению кризиса».

Из программы кандидата в народные депутаты СССР академика А. Д. САХАРОВА.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Кандидатом в народные депутаты его выдвинули более 80 организаций страны, в том числе и знаменитый автозавод в Горьком, городе, где еще совсем недавно (до конца 1986 года!) Андрей Дмитриевич Сахаров находился в ссылке. Я была на многих из этих предвыборных собраний, где одним из первых, а иногда и единственным называлось имя академика. Видела до отказа заполненные залы академических институтов и рабочих клубов, слышала шквал аплодисментов, когда к микрофону шел, застенчиво улыбаясь, этот чуть сутуловатый, но такой несгибаемый человек. Я стояла в тысячной толпе на Брестской улице возле Дома кино и вместе с другими жителями моего района, не попавшими в зал, вписывала в список для избирательной комиссии «за Сахарова» и свою фамилию. Сахаровский список был самым длинным, многие сотни москвичей расписались на нем.

Конечно, ни на секунду не сомневалась я в искренности людей, оказавших ученому доверие. Но почему-то упорно всплывали в памяти горькие пастернаковские строки: «И с пылкостью тою же самой, как славили прежде, клянут». Здесь все происходило наоборот: славили того, кого раньше кляли. Однако боль не проходила. Боль за наше общество. Ведь совсем недавно ученого, взывающего к правде, совести, гласности, клеймили в газетах, журналах, по радио, не без обличающего публицистического пафоса называли «отщепенцем», «клеветником», «антисоветчиком». Разве можно журналисту после всего этого сегодня писать о Сахарове? Даже если орган печати, где ты работаешь, ни словом не осудил тогда академика... Каждый читатель вправе сказать: «Пиши, пиши, теперь можно».

Пусть о жизни этого удивительного человека расскажут документы — подлинные бесстрастные свидетели времени. Многие из них публикуются в нашей печати впервые. И еще. Пусть войдут в этот материал рассказы об академике только тех, кто и тогда, всегда, так думал, писал, говорил про Андрея Дмитриевича Сахарова. Но сначала слово ему самому.

А. Д. Сахаров: Я родился 21 мая 1921 года в Москве. Мой отец — известный преподаватель физики, автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще всего Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходился со сверстниками.

С отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 году, в эвакуации в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекессом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 года был направлен на большой завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 году, работая на заводе, написал несколько статей по теоретической физике и послал их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 года я аспирант в Физическом институте АН СССР имени Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, крупнейший физик-теоретик — Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 году включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был Тамм. Последующие двадцать лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью...

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВЫДАННОЙ АКАДЕМИКУ А. Д. САХАРОВУ ФИЗИЧЕСКИМ ИНСТИТУТОМ АН СССР: **«Занимал ряд руководящих должностей — последние годы должность заместителя научного руководителя института. Выдвинутая им и разработанная совместно с И. Е. Таммом в 1950 г. идея магнитного термоядерного реактора легла в основу работ в СССР по управляемому термоядерному синтезу. Трижды (в 1953 г., 1956 г., 1962 г.) он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Является лауреатом Государственной (1953 г.) и Ленинской (1956 г.) премий. В 1953 г. избран действительным членом Академии наук СССР. Впоследствии избирался также членом ряда зарубежных академий; является почетным доктором многих университетов.**

В 1969 г. вернулся на работу в Отдел теоретической физики ФИАН, где ранее проходил аспирантуру, работает сначала в должности старшего научного сотрудника, а ныне — главного научного сотрудника. Им выдвинут ряд основополагающих идей по физике элементарных частиц, космологии, теории тяготения».

Но продолжим рассказ Андрея Дмитриевича о своей жизни.

А. Д. Сахаров: В 1953—1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953—1962 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым. Я был одним из инициаторов Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т. е. в атмосфере, в воде, в космосе). Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 году я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966—1967 годам относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОГРЕССЕ, МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЕ». 1968 г.

«Разобщенность человечества угрожает ему гибелью... Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций — безумие, преступление. Лишь всемирное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высших нравственных идеалов социализма и труда с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов отвечает интересам сохранения цивилизации...

Три технических аспекта термоядерного оружия сделали термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Это огромная разрушительная сила термоядерного взрыва, относительная дешевизна ракетно-ядерного оружия и практическая невозможность защиты от массированного ракетно-ядерного нападения...

Капиталистический мир не мог не породить социалистического, но социалистический мир не должен разрушать методом вооруженного насилия породившую его почву — это было бы самоубийством человечества в сложившихся конкретных условиях. Социализм должен облагородить эту почву своим примером...»

Доктор физико-математических наук Б. Л. Альтшулер, ученик Андрея Дмитриевича, так рассказывал о нем в 1981 году, когда травля была особенно сильной: «О Сахарове я слышал с детства. Помню глупую частушку, которую спел по радио новогодний конферансье 31 декабря 1953 года (трансляция из Колонного зала Дома союзов): «Кто-то там с большим стараньем каблуками стук да стук? Это молодой избранник Академии наук». (Сахаров никогда не танцевал, а академиком действительно стал очень рано — в 32 года). Таким образом он был упомянут среди прочих знатных людей страны. Секретная фамилия при этом, разумеется, названа не была, и тогда я запомнил эту частушку чисто механически. Впоследствии мне объяснили, кто имелся в виду.

Познакомился я с Андреем Дмитриевичем в 1968 году, когда он согласился быть оппонентом моей кандидатской диссертации по общей теории относительности. Мне тогда было 29 лет...

Отличие Сахарова от многих других в том, что для него никогда не существовало дистанции между убеждением и действием, между словами и главной стратегией жизни. Каждое очередное ядерное испытание вследствие повышения общего уровня радиации в атмосфере Земли влечет за собой в долгосрочном плане тысячи безвестных жертв. По свидетельству самого Сахарова, именно из этих соображений он начал выступать за запрещение атомных испытаний. В стране, где людей не «считали», такая мысль была достаточно «странной», а тем более конкретные действия, этой мыслью порожденные. Сахаров же чувствует личную ответственность за трагедию людей...

Тезис гуманизма лежит в основе всех общественных выступлений Сахарова. Когда стали известны масштабы массовых репрессий прошлых лет, он пережил это как личную драму. Такое не должно повториться. Сахаров никогда не ощущал себя «маленьким человеком», знающим, что «все равно ничего не изменишь», и в полной мере возлагал на себя ответственность за происходящее...

Для Андрея Дмитриевича, насколько я могу судить после многих лет знакомства, такая внутренняя позиция — часть его личности.

Лето 1964 года,— продолжает Альтшулер.— Выборы новых членов Академии наук. Один из кандидатов — Нуждин, ставленник Лысенко, бывшего тогда фаворитом Хрущева. Просит слова академик Сахаров: «Пусть за Нуждина голосуют те, кто хочет разделить ответственность за самую позорную страницу в истории советской науки». Сахарова поддержали и Нуждина забаллотировали. Это микропроявление академической независимости имело макроскопические последствия. Лысенко в качестве компенсации «за причиненный моральный ущерб» потребовал у Хрущева, чтобы его выбрали вице-президентом Академии наук. Когда же президент Академии наук М. В. Келдыш разъяснил Хрущеву, что это невозмож-

Окончание на стр. 30.

ДЕСАНТН

ИЛИ «СТРОЙБАТ В ГОЛУБЫХ БЕРЕТАХ»?

Владимир КУЗНЕЦОВ, собственный корреспондент «Огонька».
Фото автора

ЕЩЕ ВЧЕРА ВСЕ, ЧТО БЫЛО СВЯЗАНО С АРМИЕЙ, СКРЫВАЛОСЬ И В БУКВАЛЬНОМ И В ПЕРЕНОСНОМ СМЫСЛЕ ЗА ВЫСОКИМИ ЗАБОРАМИ. НО СЕГОДНЯ «АРМЕЙСКИЕ БУДНИ» ПОПАЛИ ПОД ПРИСТАЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА И ЖУРНАЛИСТОВ В ТОМ ЧИСЛЕ. В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ «ОГОНЬКА» БУДЕТ ОПУБЛИКОВАН ФОТОРЕПОРТАЖ О СОВЕТСКОЙ АРМИИ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА «ЛАЙФ», ПОБЫВАВШЕГО В ОДНОЙ ИЗ НАШИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ. А ПОКА ЧТО МЫ ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, ОБ ИХ ПРЕСТИЖНОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИИ, ОКРАШЕННОМ КРАСКОЙ РОМАНТИКИ И МУЖЕСТВА. ТАК ЛИ ЭТО?..

Прыжок с парашютом, каким бы он ни был, первым или тысячным,— это всегда трудное испытание. О предстоящем прыжке думает и «обстрелянный» боец, и еще не нюхавший высоты новобранец. Хотя для большинства будущих солдат десанта главным прыжком становится самый простой прыжок с вышки, с высоты в двадцать метров. Но и эта высота не всем покоряется. И побеждает ее только воля. Воспитать волю десантников и есть главная задача командиров. Они учат солдат с раннего утра и до позднего вечера. И все-таки времени не хватает: десантникам постоянно приходится заниматься посторонними делами. Я слышал, как солдаты десанта с обидой называли себя стройбатом в голубых беретах.

— Армия — это двухгодичная школа,— определил в разговоре со мной командир одного из десантных подразделений,— в которой прежде всего учат военной профессии. Не буду спорить, есть талантливые ребята, которые за армейский срок в совершенстве овладевают профессией, с которой уходят и на гражданку. Но их гораздо меньше, чем посредственных середнячков. И два года для них потерянное время. Думаю, нетрудно представить, если в серьезном бою встретятся «недоучки» и профессионалы, пришедшие в армию добровольно, отдающие ей не два года, а куда больше. Вот вы говорите, мои солдаты называют себя «стройбатом в голубых беретах». А почему? Вчера подписал приказ о направлении группы солдат на целину, сегодня несколько человек уезжают на цементный завод. Мы заводу — рабочую силу, они нам — стройматериалы, иначе тонуть гарнизону в грязи. Нужда заставляет меня вступать в прямые контакты с предприятиями, способными помочь снабжением, ремонтом и т. д. Скажете: есть тыловые службы и чем они занимаются? Отвечу: вопрос не по адресу, я бы и сам хотел это знать. Перестройка в нашей армии — процесс неизбежный. Будь моя воля, упразднил бы мотострелковые части, оставил бы одних десантников и готовил их на все случаи боевых действий. Только с одной серьезной поправкой — иметь при этих подразделениях хорошие службы обеспечения. Тогда каждый будет заниматься своим делом: солдат-десантник — совершенствовать боевое мастерство, солдат обеспечения — выполнять хозяйственные работы.

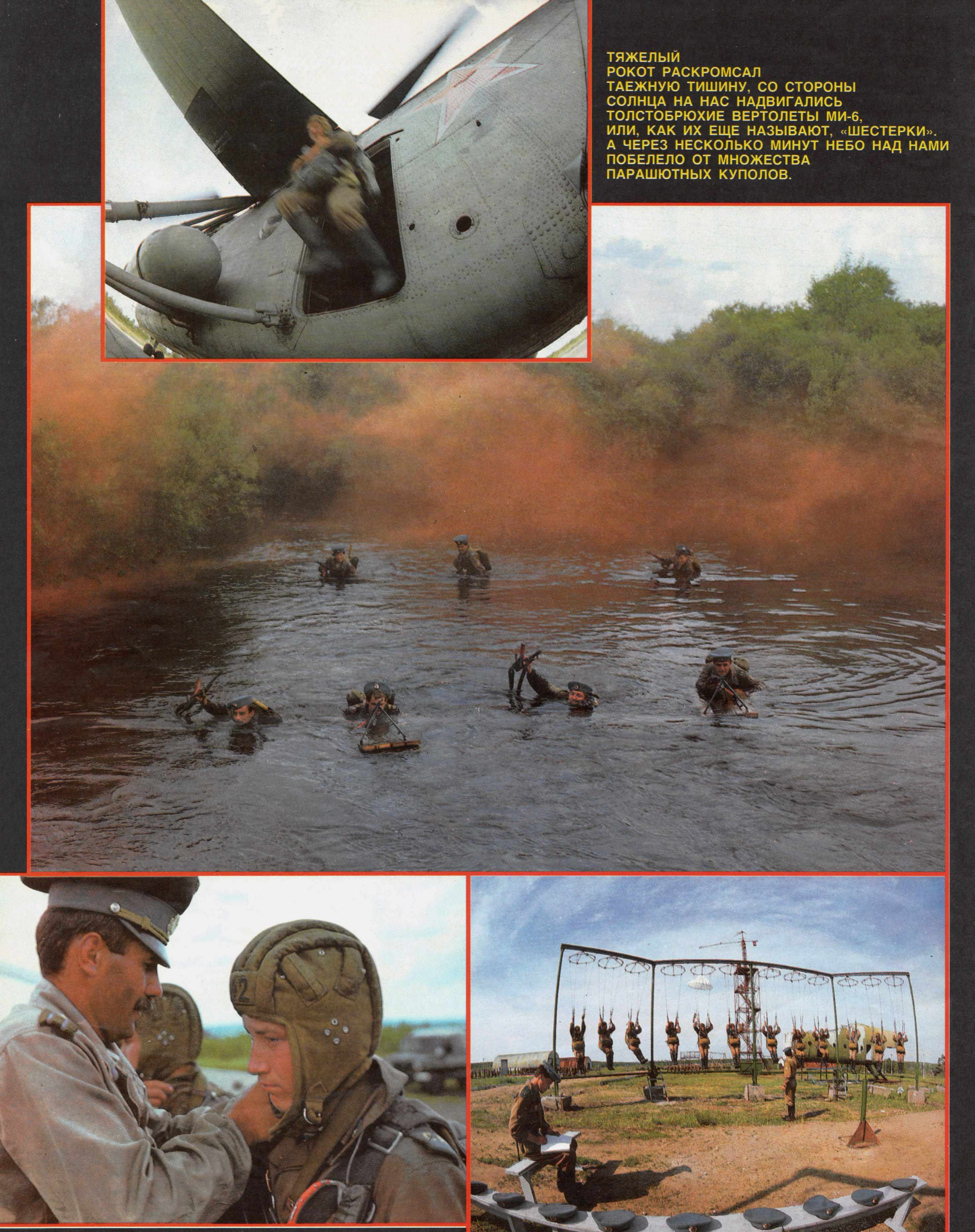
Словом, проблем у командиров да и вообще у ВДВ хватает. Хотя бы те же бумажные «сражения», что выдерживает командир ежедневно. На них уходит по четыре, пять часов рабочего времени. Толстые папки на столах к концу суток накапливают по полтора-два десятка различных приказов, распоряжений, указаний из вышестоящих штабов. Бумаги нередко дублируют, а иногда и исключают друг друга. Но каждая «весточка» армейской бюрократии требует внимания, стоит на контроле, и на каждую он обязан отреагировать, доложить в соответствующую инстанцию. Ибо командир несет полную ответственность за все.

Я долго жил среди солдат десанта, наблюдал их службу: полеты, прыжки, многокилометровые марш-броски, бывал с ними на учениях и тренировках, снимал ночные стрельбы и рукопашные бои, со многими и о многом беседовал. Ребята с болью говорили о, казалось бы, простых вещах: об изношенных кирзовых сапогах, которые не меняют ни в 30-градусную жару, ни в 50-градусные морозы. Жаловались и на невозможность купить за свои деньги потерянные береты, порванные или украденные тельняшки — нет этих товаров ни в одном солдатском магазине. Жаловались на нехватку десантных комбинезонов. Чтобы выбить их, приходится по трое суток не слезать с телефонов, связываясь с тыловыми начальниками. Да заглянуть бы в статью расходов, узнать, почему так плохо обеспечиваются солдаты, на что содержатся полки полковников без полков и по меньшей мере батальоны генералов без армий. Кто бы объяснил, почему обществом военных охотников-любителей командовать должен генерал-лейтенант. Почему генералы командуют и Центральным Домом Советской Армии, и военным ансамблем песни и пляски, и военной торговлей, и военным музеем... Ну-ка прикиньте, сколько стоит содержание одного генерала?

Сегодня мы много говорим об армии, предлагаем смотреть на нее честно, избавляться от полуправды, требуем конструктивных перемен, а не косметической подкраски. Волнует и вопрос: какой должна быть наша армия? Оставаться ей на прежних принципах или перенимать вариант добровольности? «Но допустимо ли такое у нас,— говорил мне один большой военный начальник,— допустимо ли, чтобы наш солдат, скажем, водитель танка или бронемашины, служил шесть, восемь лет и получал за это деньги? А парни в тридцать лет командовали отделениями?»

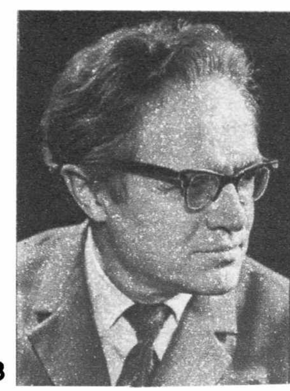
Не знаю, может быть, по мнению некоторых военных начальников, это и недопустимо, но, думаю, вряд ли станут они оспаривать то, что тридцатилетний сержант с десятилетним стажем куда опытнее двадцатилетнего «недоучки».

ИКИ

ТЯЖЕЛЫЙ
РОКОТ РАСКРОМСАЛ
ТАЕЖНУЮ ТИШИНУ, СО СТОРОНЫ
СОЛНЦА НА НАС НАДВИГАЛИСЬ
ТОЛСТОБРЮХИЕ ВЕРТОЛЕТЫ МИ-6,
ИЛИ, КАК ИХ ЕЩЕ НАЗЫВАЮТ, «ШЕСТЕРКИ».
А ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ НЕБО НАД НАМИ
ПОБЕЛЕЛО ОТ МНОЖЕСТВА
ПАРАШЮТНЫХ КУПОЛОВ.

ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ СТИХИ ПОЭТОВ — УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Борис
КУНЯЕВ

ФУНДАМЕНТ

После XX съезда партии при строительстве химкомбината фундамент бутили бюстами Сталина

Те люди не казались грустными.
Чадила «Примою» бригада.
Фундамент засыпали бюстами,
Что оккупировали склады.

Приплясывали пятитонки,
Когда, насупив лбы по-бычьи,
Валились идолы бетонные
Во всем божественном величье.

Ефрейтор в позе независимой
Вертел легко ломишко ржавый:
— Держи окоп, генералиссимус,
Как те без звания держали!

Рубахи потные дымились,
Багрянцем наливались шеи...
Валились идолы, валились —
Взирали хмуро из траншеи.

Они не мстили, парни русые,
За тех, кто не на фронте пали...
Фундамент засыпали бюстами,
Чтоб стены трещины не дали!

1962 г.

МАЛЬЧИК С ВИНТОВКОЙ

Мальчик с винтовкою на ремне,
Как часто ты ночью приходишь
ко мне.
Не видно бульваров, нет фонарей —
Каска помятая до бровей.

Худой, почерневший в дыму и огне,
Ты жмешься щекой к раскаленной
броне.

В ребячьих глазах любопытство —
не страх,
Обмотки не держатся на ногах.

В солдатской шинели колючий еж,
Как часто за сердце меня берешь.

Тебе бы у речки вдвоем при луне,
Мальчик с винтовкою на ремне.

А ты шагаешь в чужие края...
Мальчик с винтовкою, ты — это я,

Я без ранений, без седины...
Идет последний месяц войны.

1974 г.

МОЙ СОСЕД

Мой сосед кричал по ночам:
— Коля, танки! Бросай гранату!
Одеяло срывал с плеча,
Лишь под утро стихал виновато.

Закурить просил у меня,
Словно кукла в бинтах, весь белый.
А в глазах продолженье огня,
Той атаки, что ночью гремела.

И дрожала морщинок сеть:
— Зря девчонки лекарства тратят.
Лучше было бы там умереть,
Чем без пользы, вот так,
в кровати...

Ночью вновь задыхался в строю
И последней командовал пушкой.
Он действительно умер в бою,
Не подняв головы от подушки...

1975 г.

Юрий
РАЗУМОВСКИЙ

САПОГИ

Бежит и слышит за собой...
Пушкин «Медный всадник»

Я много лет бреду, не зная,
Куда направить мне шаги:
Иду, иду, а темень злая
И за спиною — сапоги.

Гудит под ними мостовая,
Да так, что стон стоит в ушах,—
Они идут не отставая,
Не отпуская ни на шаг.

Я изменяю направленье,
Я даже делаю круги,
А за спиной ни на мгновенье
Не замолкают сапоги.

Войну прошел я не поэтом
И не из трусов,— видит бог,—
Но знали б вы, как страшно это —
Всю жизнь конвойный стук сапог.

Однажды в выцветшей газете,
Где сплошь «победы» да «враги»,
Вождя увидев на портрете,
Я вдруг узнал те сапоги.

1953 г.

СЛОВО И ДЕЛО

Словом Россия уже овладела,
Но на авось свое делала дело —
К слову и к делу еще не привык
«Слово и дело» кричащий мужик.

Пил и вопил он, кружа у кружала,
Темень ночная его окружала.
— Да не кричи ты, дурак,
не кричи —
Вздернут на дыбу тебя палачи...

Но он опять свое: «Слово и дело!..»
Кровью зальется мужицкое тело —
Слово и дело венчали кнутом.
Это — вначале, на плаху — потом.

Сколько веков ты, Отчизна, терпела
Подлое слово и черное дело.

— Да не кричи, не кричи ты, подлец,
Хоть перед смертью пойми наконец:
Там, где донос — государства
основа,
Нет и не будет ни дела, ни слова...

1958 г.

СЛУЖЕБНЫЕ СОБАКИ

Не люблю я служебных собак —
Тех, что могут загрызть человека,
Даже если он старый калека:
Им-то что,— жизнь чужая пустяк.

И живут те собаки почище,
Чем иные собаки в стране:
Есть и дом, и особая пища,
И от прочих собак в стороне.

Кроме рабской к начальству любви,
Не нужна ни любовь им, ни дружба.
И клыки, и вся морда в крови —
Уж такая собачья служба.

Но какой у них барственный вид,—
Их ведь учат особой охоте,—
Даже серая шкура блестит,
Словно ходят они в коверкоте.

Пес такой не дурак, не слабак:
Он приказа вовек не нарушит,
Прикажи — и любого задушит.
Опасайтесь служебных собак!

1967 г.

ТЕЛЕФОННЫЙ СПРАВОЧНИК

Старый-старый справочник
листаю —
С ужасом гляжу на имена:
Тех сгубила стопочка простая,
Этих съела заживо война.

Голодало наше поколенье,
Било вшей в окопе и в тюрьме:
И в крови шагало по колени,
И по шею плавало в дерьме.

Там, где нас еще щадили пули,
Не щадил ни век, ни человек —
Мы такое, милые, хлебнули —
Вам и не приснилось бы вовек.

Всходит солнце, весело блистая,
Гладит ветер вешнюю траву...
Старый-старый справочник
листаю —
Удивляюсь, что еще живу.

1981 г.

Сергей
ОСТРОВОЙ

РЕШЕТКА

Пересеченье твердых линий.
Квадрат, упершийся в квадрат.
И хлещет, хлещет ветер синий
По спинам каменных оград.

Не спит казенная квартира.
И давят стены. Хоть умри.
Четыре шага до сортира.
И два аршина до двери.

И все. И выживешь едва ли
В свинцовой этой духоте.
Уж лучше на лесоповале.
Или на вечной мерзлоте.

За что тебе такая доля?
Решетка. Стража на посту.
По эту сторону — неволя.
И воля мнимая — по ту.

Припомнил, как бежал из плена.
Дошел. Дополз. А на беду:
Уже до третьего колена
Пересчитали всех в роду.

Их тоже утром. На рассвете.
Чтоб им не встретился никто.
А дети малые, а дети,
А этих — собственно — за что?

И нету меры тем минутам,
Тому проклятию, когда
Они скитались по приютам
И падали под поезда.

А ты опять придешь с допроса,
И будет маетно тебе.
Ах, как сидела папироса
У лейтенанта на губе.

Как улыбалась беспощадно,
Глазком багровым шевеля.
Ну, там фашисты били. Ладно.
А тут-то ведь своя земля.

И ты припомнишь рукопашный
Бой — раскаленный добела,—
Когда тебя той ночью страшной
Шальная пуля подсекла.

И ты упал, раскинув руки,
В беспамятство. В небытие.
Потом был плен. Побег из муки.
И вот — тюремное житье.

Лежишь в углу на грязных нарах.
Не шевельнуться в тесноте.
А за решеткой ночь в стожарах
И ветер в гулкой высоте.

ВОРЫ

Тут не сбиваются затворы,
А под покровом темноты —
Придут кладбищенские воры,
Украсть могильные цветы.

Потом загонят их по трешке.
Пересчитают барыши.
И в тихой старенькой сторожке
Спроворят за помин души.

И разойдутся восвояси.
И без стыда. И без суда.
На каждый день держа в запасе
Опять наведаться сюда.

Я так и вижу, как во мраке,
Без смуты и без маеты,
Крадут ночами вурдалаки
Незащищенные цветы.

СЛОВО О ПАМЯТИ

То вдруг возникнешь из огня,
То возвратишься из тумана,
Ты обмани сейчас меня,
Хоть я и не люблю обмана.

Раскрась все это в пышный флер.
Будь щедрой. Доброй. И злая.
А там хоть душу на костер,
За все грехи свои пылая.

Да мало ль было на веку?
Премного хожено по свету.
Тут лыко каждое в строку
Давно назначено к ответу.

Бери крупнее. В разворот.
От цели — до ее вершины.
И чтобы версты в полный рост,
А не тщедушные аршины.

Ты все сочтешь. Наперечет.
Но тяготея к строгим мерам —
Не ставь мне мелочи в зачет,
А по другим
суди
примерам.

Евгений
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок
Виктора
СКРЫЛЕВА

ТИХИЙ ГОРОД НАД РЕКОЙ

Осенью шестого ноября в зеленогорском железнодорожном буфете Василия Матвеевича ударил по лицу татарин Абдул Рамазанович, инвалид Отечественной войны.

— У шайтан! Иуда! Сучий потрох! — кричал Абдул Рамазанович, стучал костылем об пол, лез драться.

Их стали разнимать. Буфетчица вызвала дружинников. Был скандал. Василия Матвеевича сфотографировали на доску «Не проходите мимо», написали стихи. Из Зеленогорска Василий Матвеевич уехал в Борисов.

В Борисове он продержался недолго, снова выпил в людном месте, снова махал руками, рассказывал биографию, показывал шрамы. В Борисове его били два парня, студенты строительного техникума. Студенты отвели пьяного Василия Матвеевича на пустырь за фабрику-кухню, свалили с ног. «Что вы, хлопцы? Что вы?» — шептал Василий Матвеевич, закрывая голову руками.

Была ночь без луны, без звезд. С реки — мокрый ветер. В темноте белела серая, из силикатного кирпича, стена фабрики-кухни.

Василия Матвеевича били до смерти. Он пришел в себя только утром, почти неживой. Сколько-то времени — час, а может, три часа — лежал с открытыми глазами, с открытым ртом, не мог ни моргнуть, ни крикнуть — не было сил.

Он лежал на пустыре, на битом кирпиче, на почерневших от дождя опилках и стружках, еще пахнущих живым лесом, прямо перед ним в мотке арматурной проволоки валялась мятая банка из-под мясных кон-

сервов, он глядел в эту банку, красную от ржавчины, и там, как в волшебном фонаре, были ему будто видения голубого и сиреневого цвета. Он думал о себе, о парнях из строительного техникума, жалел себя и парней, еще он думал о женщинах, которые рожают головастых детей, истекают собственной кровью.

В милиции Василий Матвеевич отказался давать показания, он не хотел ничего вспоминать, не хотел, чтоб кого-то наказывали из-за него. Он не помнил никаких примет хулиганов, которые его избили.

— Это вы зря так себя ведете,— выговаривал Василию Матвеевичу участковый уполномоченный старший лейтенант милиции Будилевский.— За такие хохмы нужно наказывать самым строгим образом.

Через две недели Василий Матвеевич выписался из больницы, закрыл бюллетень, подал заявление об уходе. Его уволили, и он уехал в Тихий Город над Рекой. Вечером вышел из вокзала — в правой руке чемодан, в левой руке рюкзак,— остановился на каменных ступеньках над площадью, посмотрел налево, посмотрел направо и заулыбался, обрадовался вдруг, поверил ни с того ни с сего, что вот нашел наконец свой город, где проживет сто лет.

Было без четверти одиннадцать. В конце площади полз трамвай весь насквозь из пустых желтых окон.

Между прочим, в каждом городе водопроводная вода имеет свой вкус, совсем так же каждый город пахнет по-своему. Со временем эти запахи приедаются, но тем не менее существуют. Василий Матвеевич понимал и мог объяснить, что все это возникает из-за сложных атмосферных явлений и конфигурации местности: Свердловск пахнет горелым торфом, теплым подшипником и машинным маслом, Днепропетровск — мокрой зеленью, Таллинн — парикмахерской, Ужгород — жареными семечками и сбежавшим молоком.

Тихий Город пах рекой, чуть-чуть бензином, как бывает, когда по лесной дороге проедет грузовик.

Василий Матвеевич постоял, раздувая ноздри, повертел головой. Все здесь было приятным: вокзал, пустая площадь, темная лужа у автомата для продажи газированной воды. Слышалась музыка — где-то там танцевали незнакомые женщины, шуршали шелковыми платьями, думали о любви.

Первую ночь Василий Матвеевич ночевал в гостинице, один в четырехместном номере. Окно оставил открытым. Ночью был дождь. Проснулся он поздно, часов около десяти, и первый день его счастья был солнечным.

Во дворе, в каменном колодце разгружали машину с пивом. Бутылки блестели на солнце, шофер сидел в тени на земле, привалившись спиной к правому переднему колесу, и пил пиво.

Василий Матвеевич с голой грудью постоял у окна, пожмурился, крикнул вниз:

«Какое пиво, друг?»

«Жигули»,— тут же ответил шофер, посмотрел вверх, ослеп от солнца и не увидел Василия Матвеевича, повторил, улыбаясь,— «Жигули»...»

Василий Матвеевич отошел от окна. В комнате было прохладно и светло. От окна к двери прожекторной полосой сияло солнце, сверкали никелированные спинки всех четырех кроватей.

Василий Матвеевич позавтракал в диетической столовой. В зале было пусто, только в углу, у стойки с холодными закусками, две официантки резали бумажные салфетки, каждую салфетку на четыре части. Потом он погулял по городу, по центральной солнечной улице от гостиницы до парка, зашел на пустой стадион «Локомотив», сел в тени на мокрую скамейку. Перед ним на футбольном поле три пацана лет по пятнадцати били в пустые ворота. Кроме Василия Матвеевича, других зрителей не было. Он курил, качал головой, хотел, чтобы пацаны видели, что он наблюдает за ними, будто он сам футболист или даже футбольный тренер.

В то утро он подумал, что хорошо быть футбольным тренером, по утрам вот так вот сидеть на пустом солнечном стадионе, на холодной мокрой скамейке, смотреть, как мальчишки бьют в ворота, и слушать, как за спиной шумит город.

Он бы мог сидеть так очень долго. Сидеть и думать. Но нужно было делать дела, он спустился на поле, подошел к воротам, сказал, будто был тренером: «Главное, ребята, сила воли и напряженный труд»,— хотел сказать еще что-нибудь и передумал. Все-таки он не был тренером.

Через час в отделе кадров судоремонтного завода Василия Матвеевича оформляли на работу. У него был диплом сварщика. Его оформляли без испытательного срока, извинились, что отдельной комнаты дать не могут, пока только общежитие, но через год будет комната.

В Тихом Городе Василий Матвеевич начал новую жизнь. Прежде всего он перестал пить. Понял вдруг, что никотин действует только на легкие, а алкоголь сразу на весь организм.

Когда в общежитии распределяли плакаты, Василий Матвеевич выбрал себе плакат про пьянство, повесил над кроватью. Плакат его пугал. Там была изображена лиловая печень алкоголика, дряблая, как половая тряпка, а рядом — печень непьющего человека, собранная, сжатая, тугая, похожая на боксерскую перчатку.

Со второй получки Василий Матвеевич купил костюм, зеленую шляпу, хотел оформить кредит на приемник с проигрывателем, чтобы по вечерам слушать хорошую музыку. Жизнь налаживалась. На заводе его ценили, хотя он особенно не лез в маяки, но счастье кончилось вдруг неожиданно и страшно. Ему опять здорово не повезло, он даже предполагать не мог, что может такое случиться: он пошел в кино. Перед началом сеанса купил мороженое в стаканчике. Гулял по фойе, ел мороженое, рассматривал по стенам фотографии артистов. Потом, когда дали звонок, пошел в зал и вот тут-то перед самым входом столкнулся с Николаем Афанасьевичем Творожковым.

В фойе уже погасили свет, открыли дверь в зал, отодвинули тяжелые плюшевые шторы. В зале было сумрачно. Кругом толкались.

Творожков толкнул Василия Матвеевича, давай, давай. «Тише вы»,— сказал Василий Матвеевич, оглянулся и узнал Творожкова.

Конечно, это мог быть не Творожков. Мало ли есть похожих людей, но Василий Матвеевич отстал, а потом тихо позвал: «Николай Афанасьевич». Творожков оглянулся,— значит, это действительно был Творожков, и сразу узнал Василия Матвеевича, сощурил глаза.

Василий Матвеевич начал нервничать. Он понимал, что мог ошибиться. С какой стати настоящему Творожкову приезжать в Тихий Город над Рекой? Что он здесь потерял? Но Василия Матвеевича поразило сходство, потом он уже был уверен, что у того человека, которого он встретил в кино, были серые глаза и лысая голова, и хромал он на правую ногу, совсем, как настоящий Творожков.

Василий Матвеевич испугался. Три ночи подряд Василию Матвеевичу снился один и тот же сон: серое поле километра на полтора, в конце поля лес, одни сосны, и над соснами большие черные птицы. Три ночи подряд Василий Матвеевич просыпался от страха. Садился на койке, лязгал зубами — та-та-та, как швейная машина, и боялся разбудить соседей. Чуть успокоившись, натягивал брюки, не застегивая ремня, босиком шлепал на кухню, звенел пряжкой. На кухне он пил из тяжелого зеленого чайника остывший чай, сплевывал на пол чаинки. Всю ночь сидел в углу возле раковины, курил, а утром, когда по всему общежитию враз, как от детонации, начинали греметь будильники, выскребал из раковины желтые, раскисшие окурки, выбрасывал в форточку.

После третьей ночи он понял, что у него не в порядке нервная система, нужно идти к врачу, а то в один прекрасный момент можно взять и сойти с ума. Он даже представил себя сумасшедшим, как он сидит на вокзале в Горьком на каменном полу возле билетных касс. С площади несет сквозняком. Пол холодный, заплеванный. Он сидит, говорит глупости, кругом смеются, кидают ему в кепку медные копейки. Это было слишком. Василий Матвеевич пошел в поликлинику, но по дороге передумал, собрал вещи, забрал долг пятнадцать рублей, в бригаде сказал, что едет к сестре в Мариуполь: пришла телеграмма. Его не стали задерживать. Кому какое дело.

Теперь нужно было заполнить обходной лист, сдать в заводской медпункт прошлогоднюю подшивку журнала «Здоровье», получить в бухгалтерии расчет, а там ехать на все четыре стороны. Как нескладно получилось! Тихий Город ему здорово понравился. За три месяца он начал привыкать к широкой реке, к тихим улицам, к тому, что здесь много зелени и хороший климат. Если бы он не встретил Творожкова, жить бы ему в Тихом Городе до старости, до конца своих дней, долгие годы. Он попробовал посомневаться — стоит ли уезжать. Но если он встретил действительно настоящего Творожкова, то рано или поздно они встретятся еще раз. Творожков поинтересуется, где он работает, пойдет на завод. Что будет дальше, он знал.

Если бы у него была сестра в Мариуполе, он бы поехал в Мариуполь, но сестры у него не было. Он не знал, куда ехать. Ему было почти все равно куда. Он пошел на автобусную станцию, ознакомился с расписанием, купил билет до Ново-Ставрополя, это от Тихого Города четыре часа езды, отправление в 12.40, прибытие в 16.50.

Возле расписания висела таблица — схема расположения мест в автобусах разных марок. Василий Матвеевич спросил у кассирши, какой автобус идет до Ново-Ставрополя.

— Я не знаю. Какой дадут,— ответила кассирша.— Там у Хорохорина дорогу ремонтируют. Объезд. Трактор дежурит. Я не знаю, какой автобус дадут.

— То есть почему вы не знаете? Вы должны знать,— сказал Василий Матвеевич.— Это ваша работа.

— А вы не грубите,— сказала кассирша.

— А я не грублю,— сказал Василий Матвеевич,— я интересуюсь, я пассажир, потому что мне уезжать.

Тут в разговор вмешался гражданин, стоявший у кассы сразу за Василием Матвеевичем, человек лет шестидесяти. «Ладно, ладно,— заторопился гражданин,— не задерживай давай, не ты один»,— и плечом попробовал отодвинуть Василия Матвеевича от кассы. У него была морда с узкими глазами, маленькие уши, слепленные, как пельмени.

— Склочник,— сказал Василий Матвеевич и сделал вид, что ему очень это смешно смотреть, как сердится гражданин с пельменными ушами.

— Ладно,— сказал гражданин и тоже посмотрел на Василия Матвеевича и сделал вид, что ему очень смешно.

Василий Матвеевич взял билет, когда пересчитывал сдачу, еще раз стиснул зубы, посмотрел на старикашку, но тот уже протиснулся к кассе, не заметил его взгляда.— «Склочник!»

До отправления оставалось почти два часа. Василий Матвеевич пошел в гастроном напротив автобусной станции, купил банку тушеной баранины с рисовой кашей, две пачки печенья «Крокет», пачку «Прибоя». Он очень понравился продавщице. Она долго сдавала ему мелочь. Он спросил, как торговля, назвал продавщицу березонькой. («Как торговля, березонька?» Она совсем покраснела, попробовала посмотреть ему в лицо, сказала: «Мы только открылись».)

Он всегда нравился женщинам. Привык. Не велика радость. Высокий седой мужчина с шальными глазами. Женщинам нравятся такие глаза. Ему ничего не стоило поиграть с этой девочкой, но ему было некогда. Он запихал в рюкзак банку тушеной баранины, две пачки печенья «Крокет», вернулся на автобусную станцию, потолкался в зале ожидания, поспорил с усатым грузином, почем весной яблоки в Ленинграде, объяснил двум цыганкам, как заранее взять билеты в кассе предварительной продажи, много говорил, острил, сердился, хотя и усатый грузин, и бестолковые шумные цыганки со всеми своими яблоками и билетами не отвлекали его от главного. Все-таки он уезжал не откуда-нибудь, а из Тихого Города над Рекой, где можно было прожить сто лет, но вот не получилось. Жизнь шла вперекос.

Он всегда пил нечасто. Гордился, что может пить нечасто, потому что в его положении всякий слабый мужчина давно бы спился и потерял бы человеческий облик до полной опустошенности, а он не терял человеческого облика, держался в рамках. В Тихом Городе он совсем не пил. Но теперь он должен был напиться как последний коногон. Так он решил, чтоб облегчить нервную систему. В его чемодане под нестираными рубашками лежали завернутые в махровое китайское полотенце, припасенные на этот случай ноль пять «Московской». Нужно было выпить и отойти. Он должен был потрясти своей сиротской жизнью. Нужна была компания и заинтересованность. Он начинал издалека. Он торопился после первой же рюмки, не закусывал, не крякал. Боже упаси! Он был при деле. Он вспоминал.

Когда Василию Матвеевичу было семь лет, а его отцу двадцать семь, взорвалась шахта «Мария», про которую, кто не знает, поется в песне «На шахте «Крутая Мария» однажды случился обвал...»

Неделю в шахтном клубе стояло двенадцать красных гробов. Их не открывали, чтоб не показывать, что осталось от людей. (Шахтеры знают.)

В клуб свозили венки со всего бассейна. Выступали начальники и все, кто хотел выступать. На двух грузовиках привезли оркестр с медными трубами.

Отец был десятником по вентиляции. Отца взяли в тот же день. Приехали на машине, остановились перед палисадником.

Дома сделали обыск. Потом в газете писали, что отец и еще сколько-то там человек из шахтного руководства вредители.

Мать не взяли, была на сносях. Ходила пузатая, старухи говорили: будет двойня.

В день похорон Василия Матвеевича поколотили свои же мальчишки. Он не отбивался. Здорово ему досталось маленькому. А потом вечером к ним пришли активистки из женсовета. Все пьяные.

Активисток было четверо. «Заходите в хату»,— сказала мать, засуетилась, выпячивая свой живот. Председательница Клавка Ковалева, здоровая тетка с базарным голосом, потянула мать за руку: «Вот ты, гидра!» Но ударила не Клавка. Ударила соседка Тимченко, тихая худая женщина, мастерица печь пироги, ее приглашали помочь по хозяйству, у кого свадьба. Мать упала, уже на полу ее по-всякому били ногами в лицо, в живот — пьяная Тимченко, у которой в шахте погиб муж, а вокруг стояли три другие активистки, но не били, топали и визжали на разные голоса. Вот так вот, дорогие товарищи и граждане, спрашивается, есть ли у человека повод на свои сто пятьдесят грамм, если в семь лет остался он без отца, без матери, при таких суровых обстоятельствах личной жизни, спрашивал он и пригибал голову, и сжимал зубы.

Василия Матвеевича жалели, наливали ему еще. Разговор поворачивал в другую сторону, говорили, какое было время, какие были срока, за что Кирова убили и почему Клим Ворошилов молчал.

Десять лет, до сорок первого года, Василий Матвеевич жил у тетки, а в семнадцать лет пошел служить и о том, что это была за служба, рассказывал обстоятельно, все по порядку с того самого утра, когда толстый немецкий фельдфебель в золотых очках, как у доктора, подобрал ему шинель, плащ-палатку, летнюю пилотку, зимнюю пилотку, фуражку, две пары исподнего, такого же, как носят у нас, только не белого, а полосатого — были у Василия Матвеевича подштанники в синюю полоску,— еще полагались ему четыре пары носков, байковые портянки, кобура для пистолета, пистолет выдали наш же ТТ, к нему две обоймы, снаряженные, и пятьдесят патронов россыпью в промасленном мешочке. Ремень был с белой пряжкой, на нем немецкими буквами Gott mit uns. Хороший ремень, а сапоги тоже кожаные, но дрянные.

Первым делом Василия Матвеевича повели в баню. Голый Василий Матвеевич стоял в предбаннике со всей выданной амуницией, дожидаясь своей очереди. Из-за двери, окованной цинковыми листами, валил пар. Слышались немецкие слова и песня. Немцы пели. Получалось у них гулко, весело.

В предбаннике на лавках вдоль стен лежали аккуратно сложенные, один к одному солдатские мундиры с крестами, без крестов, с серебряными значками за ранения, под каждым мундиром чуть ниже — застиранные солдатские подштанники, на полу строем — сапоги с портянками на голенищах.

Ждать пришлось долго. Но вот песня прекратилась, двери распахнулись, из пара начали выскакивать розовые, чистые немцы. Немцы хлопали друг друга по задам, смеялись, посматривали на Василия Матвеевича с любопытством. Он стоял абсолютно голый, такой же, как они, только еще не мытый, прикрывал ладошкой свой срам, переступал с ноги на ногу.

Ранним утром он прошел по поселку первый раз в форме полевой немецкой жандармерии. На нем была высокая фуражка, колючий зеленый мундир. Он расстегнул два крючка на воротнике. Он не спешил. Над степью уже поднималось солнце. Верхушка кряжа светилась золотом. Василий Матвеевич прошел в конец поселка, за новую школу, вышел к третьей шахте, туда, где вдоль подъездных путей стояли итээровские дома. Всего было четыре дома, каждый на две семьи. Ковалева жила в третьем справа.

Василий Матвеевич вытер ноги на крыльце. На терраске залаяла собака. Он сказал: «Молчать!» — собака поперхнулась.

Ковалева сидела в первой комнате спиной к двери, чистила картошку, не оборачиваясь, спросила: «Кто там?»

Василий Матвеевич не ответил. Он стоял в дверях, как в раме. Правой рукой уперся в притолоку, левую положил на кобуру.

Она видела его в форме первый раз и не знала, зачем он пришел, но поняла, что хорошего ей ничего не будет.

«Пойдем, Клавдия»,— сказал Василий Матвеевич и даже немного смутился, что называет ее не по отчеству. Но так ему велели. Ему **велели.** Он не от себя к ней пришел. Накинула платок. Вышла на крыльцо. Снова залаяла собака.

«Стреляй,— сказала Клавка и закричала: — А-а-а... Люди добрые...» Но ни одного окна не открылось, ниоткуда не вышли добрые люди.

Он стоял на крыльце на две ступеньки выше ее, злости никакой не было, он сказал: «Иди, сука!»

Нужно ж было что-то сказать.

Василий Матвеевич отвел Ковалеву в комендатуру. На следующий день попросил Чигиря узнать, как дела, Чигирь вернулся весь зеленый. «Что с бабой сделали... Мешок кишок. Я, Вась, как увидел, чуть не сблеванул. Вот те крест!»

Мать перепугалась — тут неясность возникла в его рассказе, оказывается, мать еще была жива,— заплакала: «Ой, Вася, зря ты на такую работу пошел... Может, как бы и прожили, не нужна нам ихняя крупа, люди живут. Теперь нас Бог накажет».

Василий Матвеевич посмеялся, а очень даже зря. Через неделю мать заболела и умерла от гриппа, тогда говорили — от простуды.

На похороны никто из родственников не пришел, никто не жалел Василия Матвеевича, и он подумал, а что если действительно есть на свете Бог, который видит правду и все замечает, и есть светлые божьи ангелы и вечная мука до без конца?

— Я в господних руках оружием тогда был,— сказал Василий Матвеевич военному прокурору подполковнику Силантьеву во время следствия.— Люди не мстят. Бог мстит.

— Ой ты,— сказал подполковник,— верующий больно,— но кричать не стал, не ударил, подвинул пачку «Казбека»,— кури.

Кроме Клавки, Василий Матвеевич вроде никого не тронул, на совести у него ни крови, ни чужих слез.

Он служил в патрульной команде. У них было четыре мотоцикла ДКВ. Патрулировали по ночам, проверяли документы, пару раз стояли в оцеплении, когда за Балуевом стреляли евреев.

Попался Василий Матвеевич глупым образом весной сорок четвертого уже в Западной Украине. Ночевал в пустом хуторе, один в хате с разбитыми окнами, с проломанной крышей. Утром проснулся — стрельба и сквозь туман — ура-а-а... Понял — **наши,** кинулся в окно без сапог, без оружия. Совсем дурак спросонья. Бежал по полю к лесу, проваливался в талом снегу, резал ноги, а поле не кончалось и не было сил, а он все бежал туда, где далеко впереди стояли серые сосны и над соснами кружились черные птицы.

Василия Матвеевича не расстреляли на месте только потому, что был он в немецкой форме. На сборный пункт вел его наш сержант в распахнутом ватнике, в ушанке, тыкал автоматом в спину, спрашивал: «Фриц, Гитлер капут?» И сам отвечал: «Капут».

Сборный пункт помещался во дворе школы. Вдоль забора были свалены парты, столы, классные доски. У ворот дымила походная кухня, два повара — один главный, другой помощник — варили гороховый суп из трофейных концентратов.

Василия Матвеевича продал артиллерийский унтер-офицер с медалью за зимнюю кампанию. Сначала унтер все ходил рядом, приглядывался, больно щипал Василия Матвеевича за плечо, отходил и шептался со своими. Василий Матвеевич сидел у забора, помалкивал.

Когда всех пленных выстроили во дворе и показался начальник конвоя, унтер дернулся вперед, приложил пальцы к пилотке, мотнул головой в сторону Василия Матвеевича. Василия Матвеевича вывели из строя.

Пока немцев грузили на машины, он сидел в караулке. Там было тепло и накурено. В углу стояло мягкое кресло, обитое малиновым шелком. Два солдатика смотрели на школьный двор, как пленные грузятся в машины. Сыпал мокрый снег. Земля раскисла, и, выезжая со двора, все машины по очереди буксовали в воротах караулки. На оконное стекло летели брызги. «Ребята,— сказал Василий Матвеевич,— дайте закурить». Ему дали.

Потом был трибунал и тундра. В пятьдесят седьмом году Василий Матвеевич, слава богу, отмотал свой срок, вышел живым, здоровым и начал ездить в разные города. Из Тихого Города над Рекой он уезжал автобусом.

По радио объявили, что посадка на новоставропольский автобус со стороны перрона, до отправления остается пять минут. Пассажиров было немного. Говорили, что у Хорохорина посреди пути объезд, это еще час ждать трактора, такая грязь. Ехали только те, у кого были срочные дела.

Первым в очереди стоял тот самый склочник, с которым Василий Матвеевич поругался у кассы, рядом с ним у самого автобуса перед закрытой дверью расположились один на другом штук шесть одинаковых чемоданов. Склочник стоял с одной стороны чемоданов, с другой стороны стояла девочка лет десяти, внучка склочника.

Следующим в очереди был парень в синих тренировочных штанах, в соломенной шляпе с дырочками. Был этот парень крепкий, как гриб-боровичок, смотреть на него было приятно. За парнем стоял Василий Матвеевич с чемоданом в одной руке, с рюкзаком в другой. За Василием Матвеевичем пристроились три старушки в чистых белых платочках. Других пассажиров не было.

По радио на всю площадь еще раз объявили, что от второго перрона отправляется новоставропольский автобус, билеты продаются во всех кассах. Пришел шофер, пожилой, солидный мужчина, позевал, забрался к себе за стеклянную загородку, отодвинул занавеску, сказал громко, чтоб все в автобусе слышали: «Кому какая нужда в пути будет, стучите — остановлю».

— Ладно, трогай,— сказал парень в соломенной шляпе.— Надо будет, постучим.

Старушки, все три, все разом хихикнули. Василий Матвеевич тоже хихикнул, устраиваясь удобней к окну в середине автобуса, там, где трясет меньше всего, хотел сказать что-нибудь такое же веселое, как сказал парень-боровик, но не успел. Загудел мотор, автобус медленно скатился на шоссе.

Объехали автобусную станцию, проехали мимо гастронома, Василию Матвеевичу показалось, что сквозь витрину он увидел девушку, которой очень понравился два часа назад, когда покупал банку тушеной баранины и две пачки печенья «Крокет». Проехали мимо гостиницы, где Василий Матвеевич ночевал первую ночь один в четырехместном номере. Потом — мимо белого Дворца спорта, мимо стадиона «Локомотив», мимо железнодорожного вокзала...

Василий Матвеевич отвернулся. Нужно было отвлечься, почитать или поговорить.

Боровик закрылся газетой. Три старушки сидели в самом конце автобуса, жевали белый хлеб с полтавской колбасой. Смотреть на них было противно, такие они были жвачные верблюды. Склочник прилип к окну, рассматривая окрестности, и все приглаживал реденькие волосики на затылке.

Василий Матвеевич встал, подошел к шоферу.

«Хозяин, курить можно?»

«Кури, раз начал»,— сказал шофер, не посмотрев на Василия Матвеевича.

«Сам закуришь?» — Василий Матвеевич сунул руку в карман, ногтем поддел папироску.— На, держи. Я, между прочим, кроме «Прибоя», ничего не мешаю. Как в прошлом году прекратил «Беломорканал», так все. Перешел на «Прибой», мягче».

«Не хочу»,— сказал шофер.

Василий Матвеевич положил папироску у ветрового стекла, не хочешь, как хочешь, отвернулся, сел на ступеньку возле двери, курил, смотрел, как папиросный дым втягивается в щель между створками двери, как его крутит сквозняком.

Когда Василий Матвеевич возвращался на свое место, Боровик уже кончил читать газету, двумя пальцами постукивал по подбородку, смотрел на Василия Матвеевича, как Василия Матвеевича кидает из стороны в сторону и он идет, хватается за спинки кресел.

Василий Матвеевич улыбнулся, подошел, сел рядом. Парень подвинулся.

«В Ново-Ставрополь?» — спросил Василий Матвеевич.

«Ну».

«Спешите?»

«Да нет, не спешу».

«Тогда, извините, очень непонятно. Почему вы не пароходом. Я тут все выяснил, интересовался, пароходы намного экономичней и приятней. Сегодня утром ушел «Добролюбов»...

«Река не море».

«Не море в каком смысле?»

«Двенадцать баллов, дядя, не шторм, я в Кронштадте служил. Это тебе не «Добролюбов».

Парень полез в карман за фотографией или за документом, но на полпути передумал, сказал:

«Я на малых охотниках ходил»,— и снова взялся за газету.

Дорога на Ставрополь скучная. Вдоль дороги по обочинам бетонные столбы, а там лес, главным образом, елки. Катят навстречу колхозные грузовики. Везут картошку. В кузовах сидят бабы, таращат глаза. Плачут от ветра. Места тихие. Что говорить о море.

— Между прочим, для партизан самая подходящая обстановка,— сказал Василий Матвеевич.

Если б Боровик ответил хоть полслова, начался бы разговор, но Боровик смотрел в газету. Чуть погодя Василий Матвеевич спросил:

«У вас еще чего почитать есть?»

«Нет»,— сказал Боровик.

«Обидно. Но на нет, как говорится, и суда нет»,— сказал Василий Матвеевич, посидел рядом с Боровиком, посмотрел в окно на елки, вернулся к себе, попробовал уснуть, закрыл глаза и очень быстро понял, что не уснет.

Ему было беспокойно и неловко. Сидеть с закрытыми глазами без сна он не мог. От этого бывает еще хуже. Начинаешь гадать, как неразвитая старуха, для сердца, для дома, что было, что будет... Он не хотел думать о том, что будет. Говорят, Ново-Ставрополь скучный город, но это не имело никакого значения. Он не собирался задерживаться там надолго. Задача была — подработать денег и уехать куда-то далеко, найти Тихий Город, найти хорошую женщину, чтоб был свой дом, чистые простыни, буфет с чашками, с тарелками, по воскресеньям пироги с рисом, все, как у людей, и чтоб были дети. Две дочки, врунихи и ябеды. Пятьдесят лет — возраст, но люди женятся и в шестьдесят, и счастье бывает у людей, да и нет ему пятидесяти.

Начинался дождь. Укачивало. Василию Матвеевичу хотелось уснуть, увидеть Тихий Город над Рекой, молодую, добрую женщину, но не в постели, конкретную, с руками, ногами, а тень в светлом окне, за занавеской.

Вот он приходит с работы, сидит на лавочке во дворе, не спеша покуривает, посматривает в свои окна, видит сквозь занавеску женщину в цветном халатике, но только изображение становилось четким, он всякий раз стукался коленкой о чемодан, просыпался, таращил глаза, думал спросонья, что надо бы убрать чемодан наверх, на полку над окном или хотя бы на свободное сиденье рядом. Но было лень. Дождь укачивал. Все спали.

Склочник с внучкой устроились совсем удобно, разлеглись на соседних местах, там в проходе торчали с одной стороны маленькие серые сандалии, а рядом напротив — большие ступни в полосатых носках. Старик снял свои ботинки, поставил на полку. Над окном болтались шнурки.

Старушки спали, сбившись все вместе. Разложили руки и ноги по узлам, чтоб не украли. Парень в соло-

менной шляпе тоже спал. Шляпа сползла ему на нос. Теперь он был еще больше похож на гриб.

Василий Матвеевич попробовал закурить. Во рту было сухо и не курилось.

Если бы он остался в Тихом Городе над Рекой, сегодня вечером он бы пошел в парк. Не один, а как раз с той самой продавщицей, которая влюбилась в него с первого взгляда и так долго сдавала сдачу. Если бы он не уезжал, он бы назначил ей свидание. Спросил: «Во сколько мы закрываемся?» Или: «А что мы делаем вечером?»

Он вспомнил ее волосы из-под белой шапочки, как у медсестры, представил ее без этой формы, без платья, какая она — грудь, живот. Получилось ничего. Он мог закрыть глаза и увидеть ее рядом. Он закрыл глаза.

Совсем глупая девчонка. Она будет рассказывать ему про своих подруг и про то, какие у нее все строгие дома. Он будет курить, слушать и помалкивать. Потом все будет так, как он захочет.

Если он привяжется к этой девчонке, то когда-нибудь возьмет, расскажет про всю свою жизнь. Она поймет, у женщин свой ум.

Вот если бы у него был друг, такой же, как он, тертый человек, то не он, а друг рассказал бы ей. Знаешь, дурочка, твой не мальчишка, взрослый мужчина, у Васи было много неприятностей, сказал бы друг. Жизнь такая. Твой Василий Матвеевич кое-что видел. Он строил вторую ТЭЦ на Воркуте, был в Норильске, это черт его знает где, как далеко. Он прокладывал дорогу под Красноярском, болел цингой в Халмер-Ю, а брюшным тифом — в Ухте. Он теперь умный. Он теперь, доченька, дошел своим умом, что, когда дома скандалят, бегать к соседям ни к чему. Твой Василий Матвеевич теперь все понимает, сказал бы друг. Но такого друга не было, чтоб мог говорить такие слова. Василий Матвеевич зашмыгал носом, закрыл глаза.

Он отбыл свой срок, поехал домой. Дома у него никого не было. Ехал он по инерции. Как все. Принято считать, что человека тянет на родные места. Может, оно и так.

Вместе с ним в том же самом поезде в другом вагоне ехал Чигирь. Тоже возвращался домой. Сроки у них совпали.

Сначала Василий Матвеевич увидел Чигиря из окна на остановке где-то перед Валуйками. Потом Чигирь прошел по коридору в вагон-ресторан за папиросами и назад из вагона-ресторана, в каждой руке по две пачки. Василий Матвеевич не хотел, чтоб Чигирь узнал его.

К Дебальцеву подъехали часа в три. Ветер уже пах углем и степью. Была весна, только-только рассвет. Василий Матвеевич спрыгнул на перрон, рядом из другого вагона вот так же, в таком же сером бушлате спрыгнул Чигирь.

На перроне было много народу. Толпа. Всех несло к выходу в город, к калитке в железной ограде. Какими-то неведомыми путями Василия Матвеевича с Чигирем соединяло и соединяло медленно, но точно и вдруг, не поднимая головы, не глядя в сторону, Василий Матвеевич удивился и понял, что Чигирь рядом. Вот он. Локоть к локтю их втиснули в калитку. Сзади напирала толпа.

«Домой?» — спросил Василий Матвеевич.

«До хаты», — сказал Чигирь.

Вышли на площадь к скверу. Сторговали машину, домой приехали уже совсем утром. Шахтеры шли в смену. У кого в руке головка от лампы, из кармана у кого — полотенце, у кого — мочалка.

Чигиря встретила сестра. Выпили за встречу. Днем походили по поселку, а вечером к ним пришли трое. Все трое свои, здешние, но никого, кроме Творожкова, бывшего командира партизанского отряда «За Родину», Василий Матвеевич не знал. Были те двое тоже партизанами, может, даже воевали вместе с Творожковым.

— Заходьте, — сказал Чигирь, встал к гостям, потому что он был хозяином, — присаживайтесь.

— Вот что, — сказал Творожков, не слушая Чигиря. — Мы не чай пить. По делу. Дается тебе, Чигирь, и тебе, Васька, двадцать четыре часа на размышление, ультиматум. Там сами решайте. Мы тут ничего не забыли. Законом вас простили, это правительство верно решило, им там в государственном масштабе видней, понимаем, а наша частная память дольше. Митьку Калашникова кто повесил — помним и как Клавку Ковалеву пытали, как стреляли... Так что вот в двадцать четыре часа не уберетесь, в пионерском сквере собственной рукой повесим. Так что сами решайте.

В ту ночь, весной пятьдесят седьмого, начались его странствия. И где он только не был, где только не искал свой Город.

Вообще-то с самого начала он понимал, что нужно ехать куда-то далеко, может, даже в сельскую местность. Село это неплохо в смысле климата, природы, но все-таки он был городским жителем. Село пугало неизвестностью, бескультурьем, хотя по газетам он знал, что сегодняшнее село совсем не то, что раньше — хорошие мастера нужны и в селе, а он был хорошим мастером, мог работать слесарем, токарем по дереву, по металлу, мог шофером, у него был диплом сварщика седьмого разряда. Он был рабочим человеком на все руки, но на лацкане выходного коричневого пиджака носил купленный за двадцать рублей на старом рынке в Баку синий институтский значок. Когда его спрашивали про образование, он назывался механиком или геофизиком (сидел с ним один геофизик). Василий Матвеевич хотел выглядеть интеллигентным человеком. Не его вина, что ему не пришлось окончить институт. Он любил галстук, шляпу, интеллигентные разговоры, при случае мог поговорить насчет Чикаго, где на улице никогда не отличишь, кто начальник, кто миллионер, а кто простой механик или геофизик.

Сам себя Василий Матвеевич считал человеком рассудительным. Старался говорить немного; когда не получалось, он раздражался, злился и мучился ужасным образом. Та нереальная женщина, которую он видел в освещенном окне своего дома, должна была понимать его и относиться к его разговорчивости снисходительно. Прощать ему. Когда он закрывал глаза, она появлялась совсем нерезко, потом постепенно и быстро тень ее становилась вполне четкой, но он всякий раз стукался правой коленкой о чемодан, просыпался, некоторое время смотрел, ничего не соображая, прямо перед собой. Первая мысль была о том, что надо бы убрать чемодан наверх на полку или куда в сторону. Но Василий Матвеевич закрывал глаза и дождь укачивал.

Разбудил Василия Матвеевича шофер. «Вставай, земляк», — сказал шофер, потряс за плечо.

Василий Матвеевич почмокал губами.

«Вставай, земляк. Вставай, приехали».

Василий Матвеевич открыл глаза, некоторое время смотрел перед собой не мигая, вид у него был очень смешной, шофер улыбнулся.

В автобусе горел свет. Передняя дверь была открыта, оттуда тянуло холодным сырым сквозняком.

Автобус стоял в лесу, слева в сумерках совсем рядом сквозь деревья светилось шоссе, в той же стороне садилось солнце. Дождь уже кончился, но с деревьев еще капало. Когда капли попадали на крышу автобуса, звук получался сильный, звонкий, как по корыту, а когда попадали в траву, то вроде бы никакого звука не было, только тихий шорох.

Со сна Василию Матвеевичу сделалось вдруг страшно, он не подрассчитал голоса, попросил, почти крикнул:

«Где это?»

«Ты чего? — удивился шофер. — Ты не кричи. У Хорохорина стоим. Вставай».

«Нервы у меня», — сказал Василий Матвеевич, смутившись.

«Нервы с перепоя».

Вдвоем вылезли из автобуса, шофер легонько подталкивал Василия Матвеевича. Постояли у кустика.

Василий Матвеевич развел руками: раз-два, а на счет три-четыре поднялся на носках и сразу почувствовал в себе бодрость. Теперь нужно было закурить. Он закурил, сказал:

«Природа в лесу отличная. Очень».

«Да, — согласился шофер, тоже развел руками раз-два, а на счет три-четыре приподнялся на носках. — Воздух в лесу медицинский. За границей, во многих странах, мне говорили, лесной воздух накачивают в бутыли, а потом продают в пыльных городах за деньги».

«Это немцы, на них похоже. Только не в бутыли, наверное, а в баллоны. Накачал под давлением, ниппель поставил. Даже умно. Можно для запаха добавить елки. Хвою отрясти».

«Здоровый запах».

«Или мокрой осины».

«Лучше всего в лесу пахнет дымом».

Василий Матвеевич протянул шоферу пачку «Прибоя». Шофер закурил. Они шагали рядом, курили, папиросный дым стлался следом и пах удивительно. В городе, на улице курится совсем не так. Здесь дым был плотный, тянулся длинными почти облаками, долго не теряющими своих очертаний.

— Как из самовара или от костра так же, — усмехнулся Василий Матвеевич, — в лесу костер, картошечки испечь, это очень приятно.

— Люблю, — захохотал шофер. — За чем дело-то стало? Можно сообразить. Картофель рядом. Поле, оно вон. Пару кустиков отрусим. Пока трактор дадут, испечем. Я приветствую.

Вдвоем они собрали хворост. Шофер начал раскладывать костер, по-солдатски первым делом разгреб мокрую траву, положил вниз сухих шишек, обрывки газеты, обмотал берестой три прутика, поставил их шалашиком в центр, так, чтоб разжечь костер от одной спички. Шофер стоял на коленях, раскладывал костер. Смотреть на него было приятно.

Вокруг костра стали собираться пассажиры, первым подошел парень-боровик, Василий Матвеевич послал его за картошкой. Парень сказал: «Есть, товарищ начальник!» Склочник вместе со своей девочкой пошли собирать хворост. А старушки стояли рядом все вместе, глядели, как Василий Матвеевич вместе с шофером, оба на коленях ползают вокруг костра, дуют в пламя, подкладывают прутики.

— Ох вы мои молодушечки, — смеялся шофер, подмигивая старушкам, — картошечки захотели, птички мои! Цып, цып, цып...

Старушки потолкали друг дружку локтями, поулыбались. Самая бойкая старушка сказала: «Всем вкусненького хочется».

— Ой, кокетка! — очень громко, очень весело захохотал шофер, толкнул Василия Матвеевича в бок, Василий Матвеевич тоже захохотал очень громко.

— Кокетки... ох...

— Старушечки-хохотушечки, которую полюбить?

Склочник принес охапку хвороста, свалил под деревом, долго молча отряхивался, всем своим видом показывая, что хоть он человек строгий, но не против такой хорошей компании, когда дело. Вон сколько хвороста притащил.

— Молодец, папаша, — сказал Василий Матвеевич.

Картошка им досталась великолепная. Клубни были большие, все телесного цвета. Боровик обтер каждый клубень травой, сложил в свою соломенную шляпу. Ветер с шоссе шевелил его волосы. Волосы падали на глаза, Боровик мотал головой.

— Ох ты мой завхоз... От молодец, — веселился шофер. — Дай я тебя по темечку поглажу.

И действительно, погладил, но не по темечку, а по плечу. Всем сразу стало весело. Василий Матвеевич подумал о шофере: «Компанейский малый» и тоже погладил парня по плечу.

Картошку закопали в золу. По правилам, конечно, нужно было бы пригасить пламя, чтоб светились одни угли, но Василий Матвеевич сказал: «И так сойдет». Никто не стал возражать. Василий Матвеевич взял команду на себя. Ему все подчинялись.

Темнело. Шоссе чуть угадывалось за деревьями ровной серой полосой. Высоко над елками мигала первая звезда.

— Трактор вроде идет, — сказал Боровик.

Все прислушались. Ветер шуршал мокрой хвоей. Капало с деревьев. Потрескивал костер.

— Это костер, — сказал шофер.

— Трактор так быстро не пришлют. Жди, — сказал старик и вздохнул. — Под печеную картошечку по сто грамм бы...

Василий Матвеевич вздрогнул. Лицо его пошло пятнами. Медленно он провел взглядом по всем, кто был у костра. Он разложил все, как будет. У него в чемодане ноль пять и банка тушеной баранины в рюкзаке. Три старушки не в счет. Их четверо мужчин. А что, если действительно?

— А что, если действительно? — сказал Василий Матвеевич и встал.

Никто не возражал. Его не поняли. Было непонятно, что он предлагает.

— Хорошо, конечно. А магазин-то хорохоринский закрыт, да и далековато, если пешему, — начал шофер.

— Я угощаю. У меня все есть, — заторопился Василий Матвеевич, закивал головой. — Сейчас, сейчас...

Движения его стали быстрыми, четкими, он уже был не один, он уже все видел вперед. Нужно было торопиться.

Он вбежал в автобус, поднял на сиденье чемодан, никак не мог попасть ключом в замок, закусил губу, дышал носом и все старался улыбаться, потому что на него смотрели, хотя, подумав, он мог бы догадаться, что издали никто не разберет его улыбки.

В чемодане все было на месте: бутылка, завернутая в махровое полотенце. Было мгновение, он испугался, что там, у костра, передумали, наклонился к окну, но не успел ничего разглядеть, одной рукой сгреб чемодан, из-под крышки торчал кусок полотенца, другой рукой подхватил рюкзак.

Он спрыгнул на траву, пошел мелкими частыми шагами, в ногах уже была какая-то бабская слабость, когда коленки расходятся сами по себе, помимо воли, потому что так надо и ничего тут не поделаешь. Все это было знакомо ему и каждый раз начиналось именно с того, что отнимались ноги.

Его появление с рюкзаком и чемоданом у костра встретили радостным гулом.

«Во дает, — заорал шофер. — Во дает!»

Все засуетились. Старик сбегал в автобус, пожертвовал компании круг домашней колбасы. Молодец, папаша! Шофер принес бублик и два бутерброда, один с салом, другой с яичницей, Боровик — копченую рыбину, всю перетянутую шпагатом, шофер заорал: «От завхоз, от дает!» Старушки из еды ничего не добавили, но пошептались и самая бойкая старушка принесла четыре новенькие рюмки, еще с заводскими наклейками на донышках. Расстелили газету. На мокрой траве газета размякла и поползла. Василий Матвеевич открыл бутылку.

«Бабушки-голубушки, пригубите...»

«Та они ж не могут, у них климакс».

«Ой, похабник».

«Ха, ха, ха...»

«Давай подымем,— сказал шофер.— Мне много нельзя. По одной!»

«По единой»,— поправил папаша.

«Сейчас,— сказал Боровик.— Одну минуточку».

Он начал разламывать рыбину на куски, затараторил:

«У нас в экипаже капитан-лейтенант был, тот еще мужик, так он учил — напиться всякий дурак может, а ты заготовь бутерброд, подготовь пищевод. Такой артист...»

«Давай, давай...»

«Ну, с Богом!»

«Не храните деньги в сберегательной кассе!» — сказал шофер.

Выпили первую. Сразу во всем теле стало тепло и жарко. Воздух сделался холодней, а небо — выше. Теперь уже было совсем темно, кругом звезды. Всем захотелось говорить много и весело.

«Хорошо получилось»,— сказал Василий Матвеевич.

«На здоровьеце пошло».

«Рассыпчатая мамочка».

«Вот я вам скажу, в Брянской области самогон...»

«Ха, ха, ха... В Брянской области...»

Налили по второй. Выпили. Теперь уже было самое время, Василий Матвеевич сказал: «Немецкий шнапс против нашей водки метаморфоза».

Все согласно закивали, о чем разговор: «У них в вермахте, надо сказать, все довольствие выдавали регулярно и свои сто пятьдесят граммов получи. Фельдрационом предусмотрено, так что каждый день в обед, или как получится, фельдфебель, который по снабжению, все тебе выдаст...»

«Ты давай закусывай»,— сказал папаша.

«Ну их к лешему, всяких там фрицев, гансов,— сказал шофер.— Я на них четыре года насмотрелся. От Смоленска до Берлина, как медный котелок в танковых войсках».

«Ты насмотрелся, а я у них служил,— сказал Василий Матвеевич.— В особой команде кодовое название «Ост драй унт фирцих», слава богу, знаю, что и как. У нас и форма была немецкая и все ихнее довольствие, фельдрацион. Утром завтрак, в обед суп и пудинг, на ужин тебе или колбасы или сто граммов португальских сардин. Еще на день давали по пять сигарет. А шнапс нам положено было каждый день, после облавы там или оцепления, или если мороз — фюрерская добавка. Еще сто граммов».

«Ты давай закусывай»,— сказал папаша.

«Я ихний порядок знаю, я у них служил».

«Ну тебя к лешему,— обиделся шофер,— давай разливай. Мне не надо, иначе угроблю вас всех».

«Гробь,— сказал Василий Матвеевич и повторил совсем громко, так, что все уставились ему в лицо.— Гробь! Сколько, думаешь, я угробил? Сколько на моих руках крови?»

«Ой, дядька, перестань»,— сказал Боровик.

«Ты давай закусывай. Ты их не слушай»,— сказал папаша.

Теперь все смотрели на Василия Матвеевича. Еще никто ничего не понимал.

Василий Матвеевич поднялся над костром во весь свой рост.

Если бы он был в компании в хорошей закусочной или в пивной где-нибудь в полуподвале, когда свет проникает сверху из мутных окон и по липкой клеенке бродят дурные мухи, он бы начал издали, как убили батьку, как в дом к ним пришли активистки из женсовета, но теперь было некогда. Нужно было спешить. Он не был пьян. Глупости, после второй-то рюмки. Все видели, что он не пьян, а просто не в себе. «Ты подожди, ты успокойся»,— сказал шофер.

«Как же!— заорал Василий Матвеевич.— Успокойся, да? А что мне успокоение? Я большую зарплату получал. Я большим начальником был...»

Он пошел выкладывать, что было и чего не было, что видел со стороны по долгу своей службы или слышал от других, но рассказывал так, будто был он в команде с кодовым названием «Ост драй унт фирцих» самым главным начальником.

Если бы он только стрелял, это как два пальца застудить, это вроде как и не ты убиваешь. Пуля летит. Все убивают, не видно, кто кого. Вешать, это верно, это тяжело. Он завелся, говорил, не слышал своего голоса, только смотрел, кто будет первым, чтоб быть с руки.

Все было проверено и рассчитано. Кто-нибудь должен сорваться первым, а потом его начнут бить ногами в морду, под ребра, он будет глотать свои зубы, кататься по траве, закрывая голову руками.

«Подумаешь, стрелять. Не ты убиваешь — пуля. Вывел, поставил, трахнул и готов. Другой раз попросишь, чтоб под руку не трепался. А то начинают некоторые — жена, сестренка. Помолчи, просишь, тебе же хуже. Потерпи миг, секунду одну потерпи, глаза закрой, дай хорошо приложиться, чтоб сразу тебе свет погас. Для нас привычно, не ты первый. Нажимаешь спусковой механизм. Пару патронов для страховки и чисто...»

Старушки уже шмыгали носами. Папаша слушал, обхватив руками колени, на шее у него вниз-вверх, как винтовочный затвор, ходил острый кадык. Папаша должен был ударить первым, а там ему помогут, навалятся все трое, нужно упасть спиной на траву, подтянуть к себе ноги, кататься и выть мразным голосом.

Костер разгорался. Трещало пламя. В глазах у старушек блестели слезы, глаза их в темноте были прекрасны, а лица казались совсем молодыми. Кожа была ровной, без морщин. Василия Матвеевича еще не били при женщинах. Такого еще не было. Он смотрел в их удивительные глаза и чувствовал, какой сладкой и легкой будет его боль. Господи! Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

«Вешать хуже, чем стрелять. Противно. Обслюнявится весь... В поносе. Человек смерти боится, от этого злость на него».

«Сволочь ты»,— сказал папаша.

Василий Матвеевич откинулся назад, чтоб папаше было удобней. Но тут он не подрассчитал. Папаша не ударил, даже не замахнулся.

«Сволочь я, да? А ты на мое место лезь. Как будет?— взвизгнул Василий Матвеевич.— Сволочь?..» — и схватился рукой за щеку. Ударить не ударил. Плюнул и ушел.

Следом за папашей поднялись старушки. Боровик, тот отошел еще раньше.

«Соплю-то сотри»,— сказал шофер.

Василий Матвеевич вытер лицо и заплакал. Он сидел близко к огню, слезы подсыхали на полпути, не добираясь до середины щеки. Все ушли. Потом через несколько минут пришла самая бойкая старушка, забрала рюмки.

Наверное, нужно было затушить костер. Все уже сидели в автобусе. Шофер зажег огни, посигналил три раза — бип, бип, бип...

Василий Матвеевич затоптал костер, так, чтоб из автобуса его не могли увидеть, как он плачет и мотает головой. Уже в темноте он застегнул свой чемодан. Возле дороги у железобетонной трубы вымыл лицо, вытерся полой пиджака, пошел по обочине в ту сторону, где был Ново-Ставрополь.

Чемодан был тяжелый, Василий Матвеевич часто менял руку. Утром он пришел в Ново-Ставрополь, а через полгода объявился в Сыктывкаре. Он сидел в аэропорту, ждал погоды. У него был билет до Воркуты. Он ходил к дежурному, говорил, что спешит, что у него семейное несчастье. Ему верили, но был мороз -42° и ветер. Аэропорт Сыктывкар пятый день не принимал и не выпускал ни одного борта.

Все эти дни Василий Матвеевич не выходил из здания аэровокзала, спал в аэрофлотовском кресле с гнутыми хромированными ручками, утром пил водку в ресторане, потом в буфете зала ожидания закусывал, пару раз нарывался к грузчикам из отдела перевозок, рассказывал биографию. Его слегка били. Первым же самолетом он улетел в Воркуту.

В Воркуте он пробыл меньше месяца. Устроился проходчиком на шахту, поселился в гостинице. Работа была не так, чтоб очень, но ему обещали место на ремонтном заводе. На Новый год он познакомился с хорошей женщиной. Она работала в библиотеке Дворца шахтеров. У нее была комната на проспекте Ленина, как раз напротив центрального гастронома. Он даже собирался переселиться к ней. Она была не против. И как раз в тот день, когда они решили жить вместе, он шел к себе в гостиницу за вещами и вдруг, нужно было так случиться, носом к носу столкнулся с Творожковым.

ОТ АВТОРА.

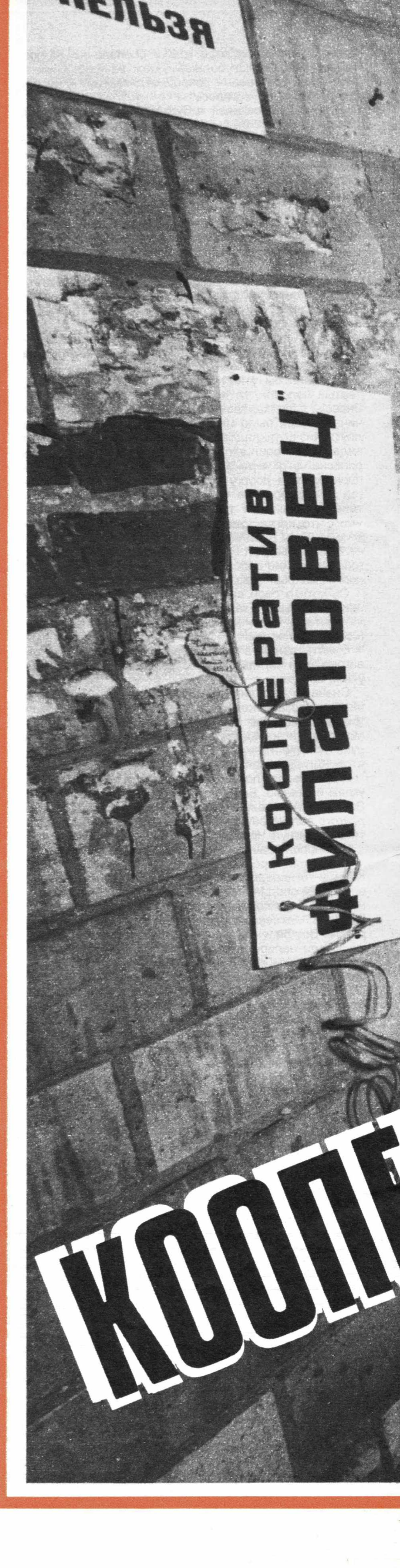
Этот рассказ написан в шестьдесят седьмом, значит, двадцать лет прошло, даже больше. Это я из командировки вернулся, из Воркуты, где встретил одного человека, и он рассказал мне свою биографию.

Я носил этот рассказ по всем редакциям, где его только не читали! Мне говорили какие-то хорошие слова, его набирали, обсуждали на редколлегиях, платили мне по пятьдесят процентов, как за не прошедшее не по моей вине и в поощрение, как я теперь понимаю, пусть молодой человек пишет, но не печатали. Я упорно не понимал, почему, и мудрые редакторы вдалбливали мне в мою юную голову: «Время такое». При чем тут время? Время — это мы! — выступал я. Стыдно-то как...

Друзья посоветовали обсудить рассказ в Союзе писателей и пригласить на обсуждение литературное наше начальство, что мы и сделали. Не помогло.

Была попытка опубликовать рассказ где-нибудь в сборнике, пусть с купюрами, пусть как. Тоже не получилось, как задумывалось. Опять же ссылка была — время...

Сегодня на дворе другое время, поэтому и предлагаю этот свой злополучный «Тихий Город» в том виде, как он был написан двадцать два года назад.

В СВОИХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПИСЬМАХ ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ НА ОЧЕРЕДНУЮ СЕССИЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ВОПРОСА О СООТВЕТСТВИИ ЗАКОНУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВМИНА СССР ОТ 29 ДЕКАБРЯ 1988 ГОДА

...РАТИВЫ ЗАКРЫВАЮТСЯ

Майра САЛЫКОВА

Фото Игоря ГАВРИЛОВА.

Можно определить, сколько противоречий содержит данное постановление по отношению к закону, можно подсчитать ущерб, нанесенный кооперативам, которые, попав под постановление, фактически прекращают свое существование. Но кто сможет с точностью сказать, сколько людей в результате этого отказались от намерения заниматься кооперативной деятельностью и какие в связи с этим государство и экономика понесли потери?

Кто подсчитает, какое количество социальной энергии потеряло общество, когда ему было продемонстрировано, как просто, без объяснений, можно еще в нашей стране в период перестройки и демократизации отменить всякое прогрессивное начинание? Сейчас в области кооперации. А завтра?..

Если учесть, что на территории нашей страны не было зарегистрировано ни одного кооператива по изготовлению любых видов оружия и изготовлению и реализации наркотиков, можно легко понять, против кого в действительности было направлено это постановление. Ибо далее следуют: оказание некоторых видов медицинской помощи, организация общеобразовательных школ, издательская деятельность, производство кино- и видеопродукции и т. д. У любого здравомыслящего человека, ознакомившегося с документом, возникает законный вопрос: почему?

Однажды такой же вопрос задал в нашем дворе шестилетний малявка верзиле пятикласснику, который забрал у него клюшку. Верзиле вопрос не понравился, но он, пусть лаконично, все же ответил. Он сказал: «Потому!» — и для того, чтобы поставить точку в этом разговоре, дал малявке по лбу.

В связи с этим хочется заметить, что никаких вразумительных объяснений не было предъявлено не только **до** выхода постановления, но даже спустя месяц **после** этого. Объяснений никто не дождался, но зато мы уже имеем сегодня кооперативы, которые благодаря этому документу фактически оказались вне закона и прекратили свою деятельность.

В детском лечебно-диагностическом кооперативе «Филатовец» при Московской детской клинической больнице им. Н. Ф. Филатова меня ознакомили с приказом по больнице, подписанным главным врачом Г. Лукиным. Документ гласил, что «на основании приказа МЗ СССР № 785 от 27.10.88 г. и приказа Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома № 683 от 17.11.88 г.... запретить сдачу в аренду кооперативам дорогостоящего, высокоэффективного диагностического и лечебного оборудования, аппаратуры и приборов... в связи с невозможностью исполнения администрацией больницы и кооперативом «Филатовец» условий договора... договор считать расторгнутым с 11 января 1989 года...»

Как видите, в данном случае даже не пришлось апеллировать к постановлению. Ведомственных приказов оказалось вполне достаточно для того, чтобы кооператив «Филатовец» оказался на улице. Но вместе с кооперативом на улице оказались больные дети. В период зимних каникул в «Филатовце» можно было встретить родителей с детьми со всех уголков нашей страны. Ведь в отличие от Филатовской поликлиники кооператив обслуживал не только москвичей, а всех граждан, обращающихся к ним за помощью.

Противники медицинских кооперативов часто упрекают их в высокой цене за оказываемые услуги. Но в кооперативе «Филатовец», например, средняя стоимость консультации с диагностикой — 16,9 рубля. Тем родителям, которые заплатили за билет в Москву и обратно 300—500 рублей, которым приходится жить в Москве неделями, используя свой отпуск для того, чтобы обследовать своего больного ребенка, разговор о таких деньгах кажется просто смешным. Конечно, кому-то это дорого. Но ведь с появлением при Филатовской больнице кооператива очередь для исследования ультразвуком, например, сократилась для обычных посетителей более чем в три раза. Раньше нужно было ждать шесть месяцев, а сейчас — полтора месяца. Просто кооперативы обслужили часть пациентов за плату (в вечернее время, выходные дни), а для остальных она автоматически сократилась. И такая же ситуация с очередью к врачам-специалистам. Раньше в Филатовской больнице не было своего эндокринолога, но он был в кооперативе. И в рамках сотрудничества этот эндокринолог вел бесплатный прием в районной поликлинике. Кооператив предлагал предоставить и других специалистов, которыми больница не располагает. И теперь страдающей стороной в равной степени являются и пациенты Филатовской больницы, и пациенты кооператива «Филатовец». Кроме того, больница лишилась ежемесячного отчисления от прибыли кооператива в одну тысячу рублей, которые могла бы использовать на улучшение медицинского обслуживания детей.

Раньше, до появления медицинских кооперативов, чтобы попасть к высококлассному специалисту, простому больному требовались связи, звонки и т. п. Правда, можно было еще обратиться в приемную Минздрава СССР, где люди со всего Союза днями ждали направления, прихватив с собой в Москву кучу всевозможных справок, необходимых для оформления. Обратившись в кооператив за помощью, человек ничем никому не обязан. Можно ни разу не воспользоваться услугами медиков-кооператоров, но при этом совершенно необходимо, чтобы у нас все-таки был выбор. Это право выбора и является основой экономической свободы граждан. И именно оно является надежным гарантом нашего человеческого достоинства.

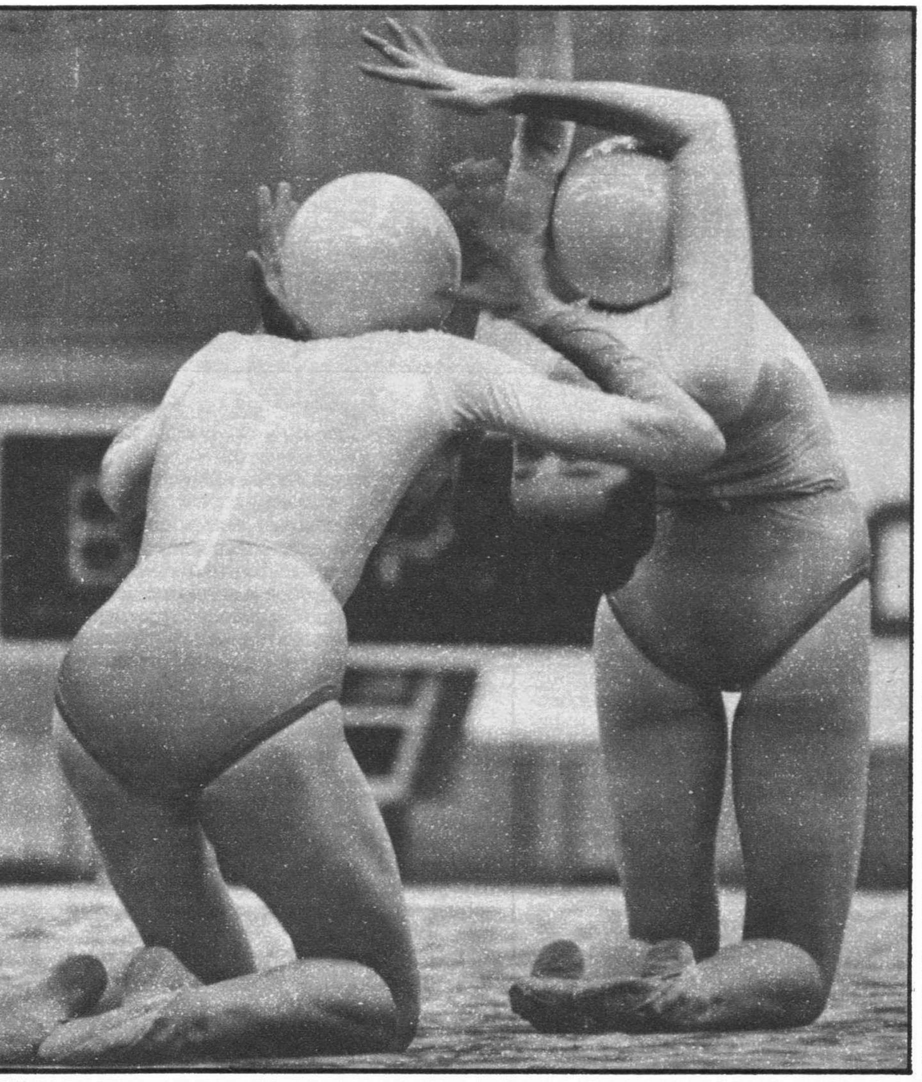
Весь январь в приемной «Филатовца» телефон буквально разрывался от звонков. Люди недоумевали, спрашивали, возмущались. Все задавали одни и те же вопросы: «Куда теперь обращаться? И кто поможет?» «Филатовец» на эти вопросы ответить уже не может. Вопросы нужно задавать тем, кто сделал все, чтобы лишить этот кооператив возможности оказывать помощь нуждающимся.

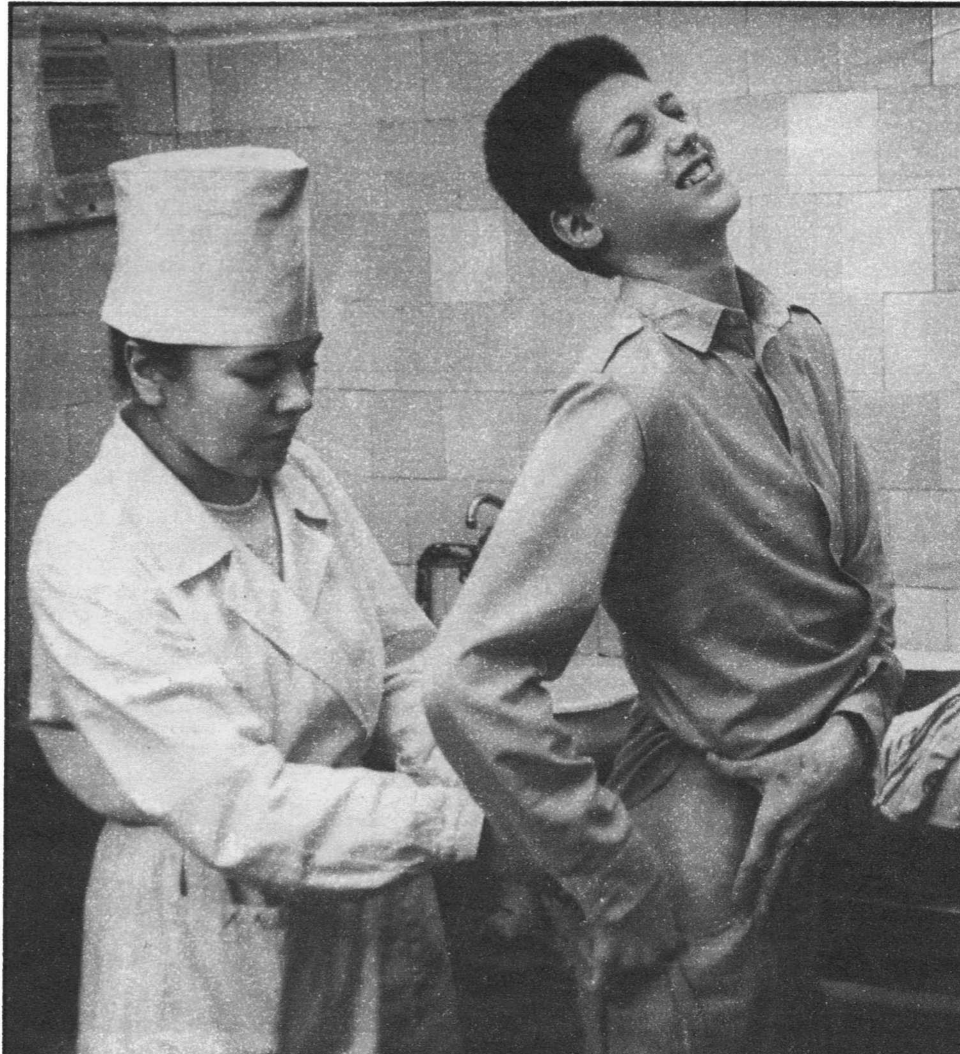
Илья Аронович Елуашвили, заместитель председателя кооператива, гру-

Продолжение на стр. 25.

Взгляд.
Фото Сергея СУПИНСКОГО

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

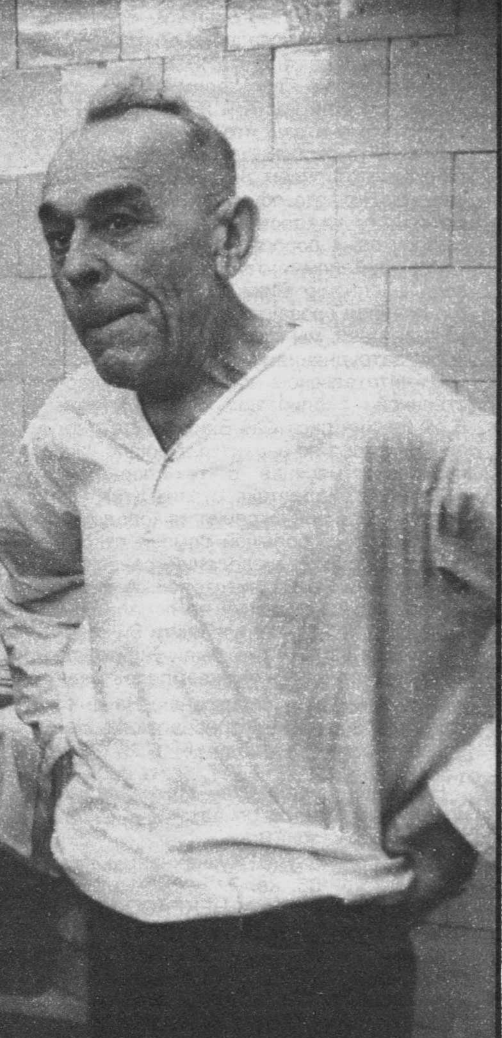
На празднике в райцентре... Фото Валерия ИНЮТИНА

•

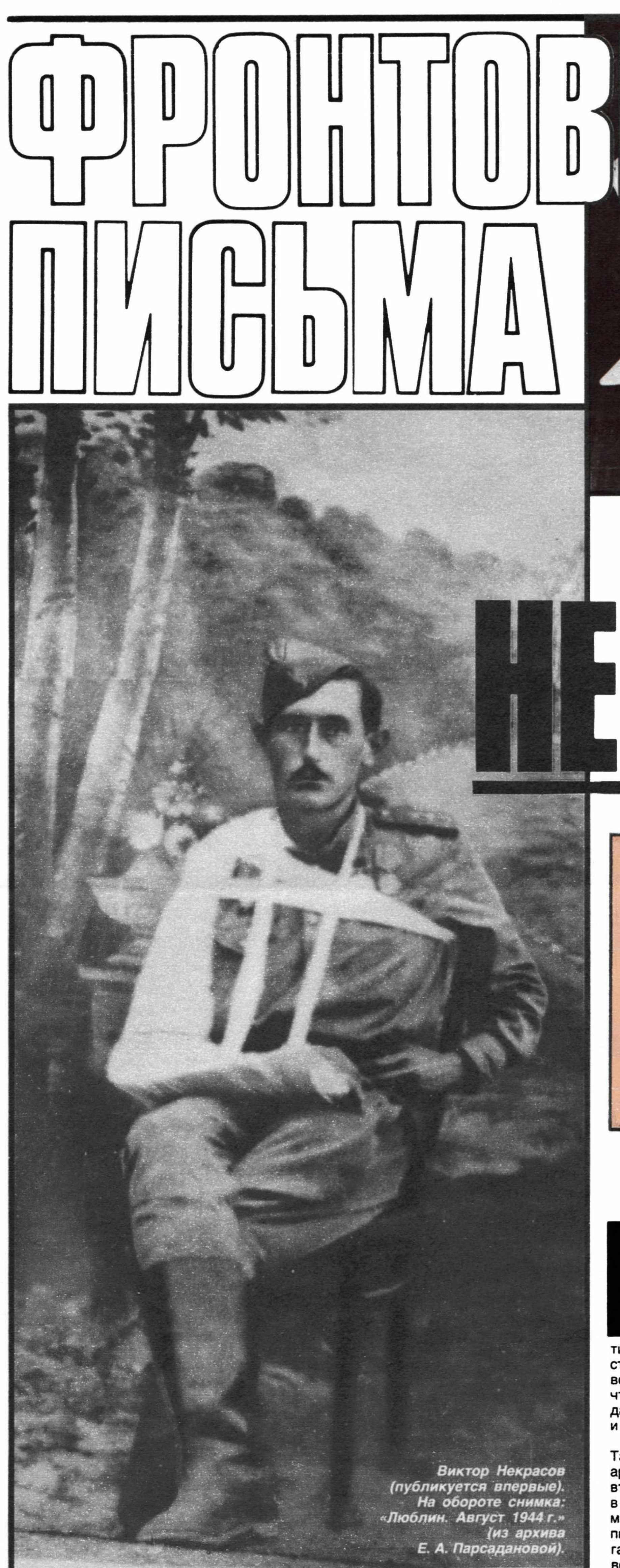
Не потерять голову...
Фото Александра ДЖУСА

•

Где наша
не пропадала...
Фото Валерия НАМЯТОВА

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ВИКТОРА НЕКРАСОВА

Виктор Некрасов (публикуется впервые). На обороте снимка: «Люблин. Август 1944 г.» (из архива Е. А. Парсадановой).

— Конечно же, мы читали «В окопах Сталинграда». Замечательная книга. Но посудите сами: по радио твердят — враг; в газетах пишут — враг... Но не могла, не могла я уничтожить его письма. Боялась? Конечно...

Н. АНИСТРАТЕНКО.

Когда Виктор Платонович Некрасов вынужден был уехать из Советского Союза, его квартира в Пассаже, в самом центре Киева попросту осталась бесхозной. А потом в узкий проезд дома № 15 по Крещатику въехал самосвал. В кузов летела старая мебель, нехитрые домашние вещи. И рукописи. Соседи вспоминают, что были тут и первые экземпляры, даже подбирали кое-какие листы. Были и вырезки из газет, журналов.

А потом грузовик уехал на свалку. Так перестал существовать домашний архив Некрасова. Вскоре в квартиру въехали новые жильцы. И вот тогда в портфеле на балконе Наталия Владимировна Анистратенко обнаружила письма, фотографии, открытки, старые газеты. И не испугалась — сохранила все это.

Старый коричневый пузатый портфель — с таким сейчас постыдятся выйти на улицу. Сотни писем. Среди них — военные треугольники, серо-голубые конверты с обратным адресом: такая-то полевая почта, В. Некрасову.

Мы сердечно благодарим людей, сохранивших для нас эти письма.

Принято считать, что письма писателя какие-то особенные, непременно отличаются от писем людей других профессий. Нет, это обычные письма сына матери о тяжелом воинском труде, о фронтовых дорогах, друзьях.

Хороший комментарий к эпистолярному наследию Виктора Некрасова — его военная проза, но, пытаясь ознакомиться с ней, мы столкнулись с серьезными затруднениями.

В читательском каталоге Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина писатель Виктор Платонович Некрасов не значится. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как в Главной библиотеке страны (так называет свое учреждение руководство библиотеки) с большой помпой открылась выставка произведений, ранее закрытых для наших читателей. А книги Некрасова на выставку не попали.

По акту № 220—76 все книги Виктора Некрасова в 1976 году были уничтожены, а единственные их экземпляры оказались в сейфах «спецхрана». На днях принято решение о переводе книг Некрасова в общий фонд.

Но вернемся к письмам. Некрасов направлял их матери по адресу:

КИЕВ
ул. Горького (б. Кузнечная),
38, кв. 7.
Зинаиде Николаевне НЕКРАСОВОЙ.

Сюда она с сестрой переехала после того, как немцы сожгли их дом 24 по той же улице.

«...свернем за угол на родную мою Кузнечную,— писал Некрасов в «Го-

Виктор Некрасов с матерью Зинаидой Николаевной — снимок конца сороковых — начала пятидесятых годов (публикуется впервые).

времени. И пользоваться ею надо очень осторожно. Герой не из воска, чего угодно из него не вылепишь, он по-своему живой, с мускулами, кровью, сердцем. И очень раним. Он не переносит насилия. И если уж он не полюбит писателя, то читатель и подавно. Кажется, чего уж проще — взял и перебросил своего героя, как я, например, позволил себе сделать, из одного времени в другое, из Одессы в Сталинград: сиди на новом месте и делай, что тебе приказывают... Оказывается, нет. На фронте мне куда легче было приказать Валеге, чем в книге. В книге он мне мстил за всякое своеволие, и мстил правильно, умно. И спасибо ему за это...

Нет, в искусстве, в литературе одним «так было» не обойдешься. Оно необходимо, оно основа любого реалистического произведения. Но чтоб произведение стало, кроме того, и художественным, нужно еще и другое — «этого не было, но если б было, то было бы именно так»... В этом и заключается различие между романом, повестью, рассказом и записками, дневниками или документальной прозой».

В. Некрасов «Три встречи»

1 марта 1944 г.

Урра! Сегодня вернулся после 5-дневной командировки и нашел на окне сразу 6 писем — из них 3 от тебя, дорогая мамочка. Ты не можешь себе представить, как я им обрадовался! Измятые старинные конверты «от присяжного поверенного Н. М. Александрова» и на них мой адрес, написанный твоим почерком, почерком, который я уже 2½ года не видал и к которому так привык до войны. И вот он опять появился в моей жизни — размашистый, неразборчивый, но такой близкий и дорогой. Но почему их так мало — этих писем? Неужели отправили из резерва обратно...

Чертова война, как она надоела! Не может быть, конечно, никакого сомнения, что раньше или позже я к вам приеду (я почему-то глубоко уверен, что все мы доживем до конца войны и даже дольше), но как бы хотелось, чтоб это поскорее произошло и чтоб я приехал к вам не на 6 дней, а навсегда, чтоб мы могли по-человечески устроиться и жить все вместе, без долгов, рубки дров и хождения за водой и на базар. Это будет, я знаю, но, боюсь, не 1 мая, а немного позже. Черчилль, сукин сын, даже на этот год не обнадеживает.

А все-таки я счастливый человек! Все-таки мне удалось побывать дома и повидать вас. А не рана моя — этого б никогда не случилось. И все равно я верю в свою счастливую звезду — все-таки 2½ года я провоевал, в самых адских котлах перебывал (позапрошлогоднее наступление, затем отступление, Сталинград, Донец в этом году) — и все-таки жив остался и вас повидал. Ну разве это не везение?

Целую.

Ваш Вика

родских прогулках».— Метров сто вниз — и мы у тридцать восьмого номера. Сюда перебрались мать с теткой после того, как немцы сожгли двадцать четвертый. Седьмая квартира... О, что это была за квартира! Шесть лицевых счетов. И шесть счетчиков в квартире. И шесть лампочек. И в кухне тоже шесть, и в уборной шесть. Кто-то из моих друзей, глядя на это лампочное созвездие, дал ему меткое определение — «гроздья гнева». Электропроводка в коридоре тоже достойна была внимания. Не только пожарников, но, пожалуй, и художников. Замысловатое переплетение проводов, будь под ними соответствующая надпись («Композиция 101») и окажись оно на какой-нибудь венецианской «Биеннале», безусловно, было бы отмечено художественной критикой. Думаю даже, что со знаком плюс.

Больше ничем тридцать восьмой номер не знаменит, а остановил я тебя, читатель, у этого дома только потому, что именно в нем, на четвертом этаже, в упомянутой седьмой квартире, я впервые обнял и поцеловал мать после двух с половиной лет разлуки. Она стояла в заставленной незнакомой мебелью комнате с черным, закопченным потолком, склонившись над печуркой, и варила суп из концентратов. Было это в декабре 1943 года. В августе 1944-го я вторично и окончательно вернулся в эту комнату, в которой прожили мы еще шесть лет и без всякого сожаления в пятидесятом году расстались».

Харьков 22.12.43

Наконец-то вчера вечером, на 6-е сутки мы добрались до Харькова. Думали 2—3 дня, а вышло шесть. Ехали в основном благополучно, хотя не без обязательных автомобильных происшествий. До Полтавы, можно сказать, ехали все время хорошо, без всяких инцидентов. В Полтаве же кончился бензин, и спас нас редактор полтавской газеты — Ленин знакомый,— давший нам 30 литров, которые и дотянули нас до Харькова. После Полтавы стала понемножку перегреваться машина и в 30 км от Харькова настолько в ней все поломалось, что мы уже было пешком двинулись дальше. Но все-таки в конце концов починить удалось, и мы с грехом пополам, вздрагивая от страха перед каждой попутной ямкой, добрались до Харькова...

...в квартире холоднее, чем у нас в Киеве. Дров тоже нет. Освещение тоже коптилочное...

Крепко вас целую. Надеюсь, что это письмо до февраля до вас все-таки дойдет.

Вика

13.1.44

Полевая почта 19240р

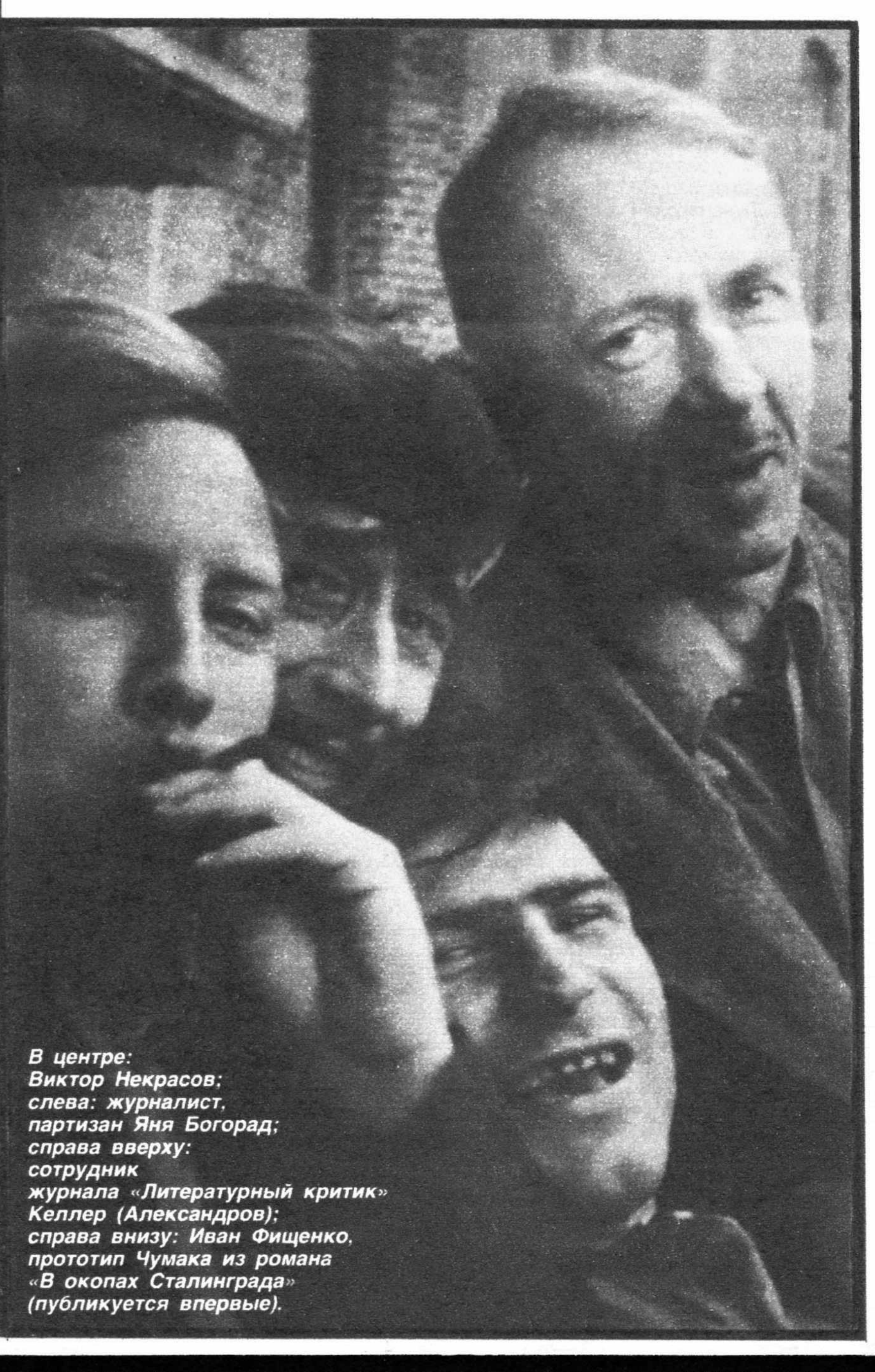
...Жизнь по-старому. Читаю «Войну и мир» — перечитывал в 39 году, на даче в Буче, а сейчас читаю с не меньшим, если не с большим интересом. Любопытно, что раньше мне интереснее были военные куски, а сейчас — наоборот. Вообще — какой-то удивительно успокаивающий роман...

Ну, крепко целую

Вика

«Счастье писателя,— а я не сомневаюсь, что это настоящее, большое счастье,— в том, что он может продолжить прервавшуюся по какимлибо причинам дружбу. Свою дружбу с Валегой я продолжил «В окопах Сталинграда»...

О пределе власти писателя над своим героем писалось уже много. Она не безгранична. Она до поры, до

В центре: Виктор Некрасов; слева: журналист, партизан Яня Богорад; справа вверху: сотрудник журнала «Литературный критик» Келлер (Александров); справа внизу: Иван Фищенко, прототип Чумака из романа «В окопах Сталинграда» (публикуется впервые).

Я всегда приходил в некое замешательство, когда почти восьмидесятилетняя Зинаида Николаевна Некрасова, мать замечательного писателя и больше чем сердечного друга моего Виктора Платоновича, обращаясь ко мне, когда я возвращался из театра Станиславского, где я тогда служил, спрашивала:

— Сима, а где вы поставили велосипед?

— Что поставил, Зинаида Николаевна? — изумлялся я.

— Ведь вы приехали на велосипеде.

— Откуда?

— Из Лозанны.

— Я — после спектакля.

Она начинала звонко и дробно хохотать, махать перед лицом, смущенным и виноватым, своими маленькими птичьими лапками:

— Какая глупость, какая чушь!.. Я все перепутала. Ну, конечно же, после спектакля, а что вы смотрели?.. Балет?

— Нет, Зинаида Николаевна, я был на работе, в своем театре. Мы репетировали во время спектакля. Сегодня шел «День чудесных обманов».

— Конечно-конечно, это где Боря Левинсон кривляется как клаун... Я прекрасно знаю... Викочка, когда мы пойдем любоваться на Борю Левинсона?.. Так где вы оставили велосипед, у дверей?

— Да, у дверей! — орет Вика.— Он приехал из Лозанны и оставил велосипед у дверей! — И, повернувшись ко мне, приказывает:— Подтверди,— а сам хохочет в усы, низко согнувшись, будто поправляет носок.

Неужели наступит тот возраст, когда давние времена выбегают из памяти гораздо охотнее, чем недавние?

Лозанна... Женева... Цюрих... В каких только городах я не побывал в те дни, недели, месяцы, когда Некрасовы жили у нас в Москве. Все ее рассказики бывали такими забавными, такими сиюминутными, словно события, о которых шла речь, произошли вот-вот, а не в самом начале нашего века... Плеханов, Ленин, Луначарский с сыном Тошкой, которого все звали почему-то Бобос, ближайшим товарищем маленького Вики, именовавшегося, к слову, в те времена Бубликом, Надежда Константиновна, Мария Ильинична, сестра Зинаиды Николаевны — Софья Николаевна... Господи, кто только не мелькал в ее рассказах!

И что читали, и что покупали, и что сколько стоило, и как поднимались в горы, опираясь на «очень удобные альпенштоки»... И я удивительно ясно представлял всю компанию в шляпах, с расстегнутыми воротниками, нащупывающую горными башмаками неподвижные камни, взмокшую от пота, посмеивающуюся друг над другом и пенящую Ленину, что он вовсе не любуется восхитительными вершинами.

Драматург Семен Лунгин.
Из воспоминаний.

15.2.44

Полевая почта 07226

Пишу вам сейчас из своего бывшего полка. Попал сюда совершенно случайно. Поехал в командировку на несколько дней и попал как раз в то село, где стоит сейчас мой бывший полк. Представляете, как я обрадовался! Встретил сначала старшину разведки, единственного оставшегося в живых со всей разведки. Он повел меня к саперам. Из моих бывших осталось только двое — мой бывший связной (негр вроде денщика) — Титков и еще один боец — Кузьмин. Других всех или ранило, или убило. В живых остался и комсомольский наш вождь — Вася Черников, с которым мы дружили еще в Сталинграде...

А все-таки приятно встречать старых друзей. Да и не только друзей. Я обрадовался даже лошадям, которые до сих пор еще живы, даже старым поржавевшим немецким минам, сохранившимся до сих пор как наглядные пособия...

Опять выпал снег, и подсохшая было немного грязь опять вся размазалась. Ох, как она надоела! Скорей бы настоящая весна!

Ну, крепко целую. Когда же наконец начну получать письма?

Вика

«По счастливой случайности я попал после госпиталя в саперный батальон той самой дивизии, в которой воевал еще в Сталинграде».

В. Некрасов «Три встречи»

«Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь. Маленькие, как будто незначительные, они как-то въедаются в тебя, вырастают во что-то большое, значительное, становятся как бы символом.

Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки. К губе его прилип окурок. Маленький, еще дымившийся окурок. И это было страшнее всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурок на губе. Минуту назад была жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть...»

В. Некрасов «В окопах Сталинграда»

3 мая 44

№ 15

1-е мая, к сожалению, нам не удалось встретить по-настоящему. Всю ночь шли... Но как шли. Такого ужаса в природе я, пожалуй, еще никогда не видал. Ночь, тьма, сумасшедший ветер, сбивающий с ног, и резкий, ни на минуту не прекращающийся, хлещущий прямо в лицо, дождь. Промокли до ниточки, продрогли... Всю ночь брели по скользкой, вязкой грязи, ничего не видя вокруг себя. К месту назначения прибыли часов в 9. С трудом нашли себе квартиры. Растыкались по 2—3 человека в комнатах и почти целый день занимались тем, что сушили вещи — сидели в одних мокрых грязных кальсонах... Вечером опять пошли...

Интересно, как вы встретили 1 мая. Были ли у вас хоть к этому дню деньги?

Привет всем. Крепко целую

Вика

«Это была последняя мирная ночь батальона. На следующую он выступал на фронт. А еще через две оказался на передовой.

Шла самая напряженная фаза боев. После долгого затишья наши войска форсировали Донец, захватили плацдарм и теперь расширяли его. Сплошной линии фронта не было. Была река с понтонными мостами, которые нещадно бомбились немцами, было одно накрепко захваченное большое село Богородичное, а остальное — рощи, лесочки, овраги, высотки, балки — заполнили передвигающиеся в разные стороны и часто находящиеся друг у друга в тылу части немцев и наши, которые то сталкивались, то расходились и опять сталкивались, только уже с другими отрядами, окапывались...»

В. Некрасов «Судак»

15.05.44

...Все по-прежнему. Война войной. Вчера вечером принесли очередную пачку писем. К счастью, оказалась свечка... Письма для нас сейчас самая большая радость. Сначала каждый читает свои письма, а потом начинаем читать друг другу. Вот так и живем...

Крепко целую

Вика

23.07.44

Представляю, как вы волнуетесь, не получая от меня писем. Но ейбогу, я с первого дня наступления все собираюсь, и буквально нет свободной минуты. Немец бежит так, что мы его и не видим. Мы делаем по 30—35 км в день и никак догнать не можем. Сейчас, если не тронемся дальше, напишу подробное письмо. А это на всякий случай.

Крепко целую
Вика

Подробного письма не было. Вообще открытка, написанная 23 июля, оказалась последней фронтовой корреспонденцией Виктора Платоновича Некрасова.

«...Мы расстались — я хорошо помню этот день — 25 июля 1944 года в Люблине. Он пришел на следующий день после моего ранения в санчасть, где я лежал, и принес мне ложку, бритвенный прибор, зубную щетку, мыло и планшетку с документами. Звали его Валега.

Мы провоевали с ним недолго, всего четыре месяца — апрель, май, июнь и неполный июль. Вместе прошли от Буга до Одессы, потом попали на Днестр, оттуда — в Польшу...»

В. Некрасов «Три встречи»

После ранения демобилизованный Виктор Некрасов, подобно его герою Николаю Митясову, вновь оказался в родном Киеве.

«Тридцать восьмой номер оказался именно тем домом, о котором подумал Николай. Вяз по-прежнему стоял на своем месте, и по-прежнему над ним вились вороны, а на тротуаре белели пятна. Дом был пятиэтажный, кирпичный. Маленькие тонконогие девочки, отчаянно визжа, играли на тротуаре «в классы»...»

В. Некрасов «В родном городе»

Среди писем, адресованных В. П. Некрасову, удалось обнаружить такое:

Копия

Уважаемый тов. НЕКРАСОВ!

Редакция газеты «Правда» переслала мне Ваше интересное письмо. С мыслями, высказанными Вами, я полностью согласен. Величественная и трагическая эпопея боев за Мамаев курган требует от архитектора, работающего над его планировкой, очень большого художественного такта и вдумчивости.

Включение в архитектурную композицию подлинных фрагментов окопов, огневых точек, блиндажей, ходов сообщения и т. д., сочетание их с монументальными произведениями архитектуры и скульптуры и мне представляется наиболее верным принципом решения этой ответственнейшей художественной задачи.

Академия Архитектуры Союза ССР разрабатывает сейчас генеральный план Сталинграда. Следующим этапом явится работа над отдельными ансамблями города, в том числе и над заповедником Мамаева кургана. Статья академика Щусева А. В. является выражением его личных взглядов на планировку города и не является программой для Академии.

Благодарю Вас за Ваше желание помочь делу воссоздания города-героя. Высказывание непосредственного участника боев на Мамаевом кургане для нас является очень ценным.

С товарищеским приветом

Академик К. С. Алабян

27 апреля 1944 г.
г. Москва

Копия верна, подпись

К сожалению, при создании Сталинградского комплекса не было «большого художественного такта и вдумчивости»...

«Я долго бродил по Мамаеву кургану. Прошло восемь лет с тех пор, как мы расстались со Сталинградом. Окопы заросли травой. В воронках квакали лягушки. На местах, где были минные поля, мирно бродили, пощипывая траву, козы. В траншеях валялись черные от ржавчины гильзы, патроны...

Обойдя весь курган, я спускался вниз по оврагу к Волге. И вдруг остановился, не веря своим глазам. Передо мной лежала бочка. Обыкновенная железная, изрешеченная пулями бочка из-под бензина.

В октябре — ноябре сорок второго года передовая проходила по этому самому оврагу. С одной стороны были немцы, с другой — мы. Как-то мне поручили поставить минное поле на противоположном скате оврага. Поле было поставлено, а так как вокруг не было никаких ориентиров — ни столбов, ни разрушенных зданий, ничего,— я на отчетной карточке «привязал» его к этой самой бочке, иными словами, написал: «Левый край поля находится на расстоянии стольких-то метров по азимуту такому-то от железной бочки на дне оврага». Дивизионный инженер долго потом отчитывал меня: «Кто же так привязывает минные поля? Сегодня бочка есть, а завтра нет... Безобразие!..» Мне нечего было ответить.

И вот давно уже прошла война, и нет в помине ни Гитлера, ни минного поля, и мирно пасутся по бывшей передовой козы, а бочка все лежит и лежит. (Только год спустя ее убрали, когда делали генеральную чистку Мамаева кургана.)»

В. Некрасов «Первое знакомство»

12 сентября 1974 года самолет Киев — Цюрих навсегда увез из нашей страны Виктора Платоновича Некрасова. Через два года были ликвидированы следы его пребывания в доме 15 по Крещатику. Пресловутый «акт 220—76» сделал его книги недоступными советскому читателю.

В 1987 году писателя не стало.

В 1988 году доброе имя В. П. Некрасова восстановлено. И хоть в Главной библиотеке страны указанный «акт» действует, на страницах наших журналов появляются произведения писателя.

Если б на год-другой раньше...

Публикацию подготовил
Владимир ПОТРЕСОВ

Когда этот материал был уже готов к печати, я получил ответ от Евгении Александровны Парсадановой. Ее письма к Виктору Некрасову за разные годы обнаружились в том коричневом портфеле. И вот я написал в Баку, попросил выслать, если возможно, письма писателя и его фотографии.

«Извините, Владимир Александрович, что задержалась с ответом, но эти события в Баку нас всех потрясли, а еще и землетрясение — все очень расстроены. Я писала это письмо с волнением, но что поделаешь: все-таки написала. Посылаю его открытки и фото.

Я до сегодняшнего дня не верю, что Вика умер... Мы были с ним в большой дружбе. После войны была у него в Киеве на Крещатике, познакомилась с его мамой. На комоде стояла фотокарточка, где мы сфотографированы вместе.

Познакомились мы так: Виктор Некрасов поступил в эвакогоспиталь № 5030 с ранением верхней трети левого бедра. Лечащим врачом была я. Вика был очень общительным, помню, ходили вместе на концерт Клавдии Шульженко. Вообще дружили мы втроем: я, Вика, Саша Кондрашев. С Сашей мы все еще дружим, переписываемся.

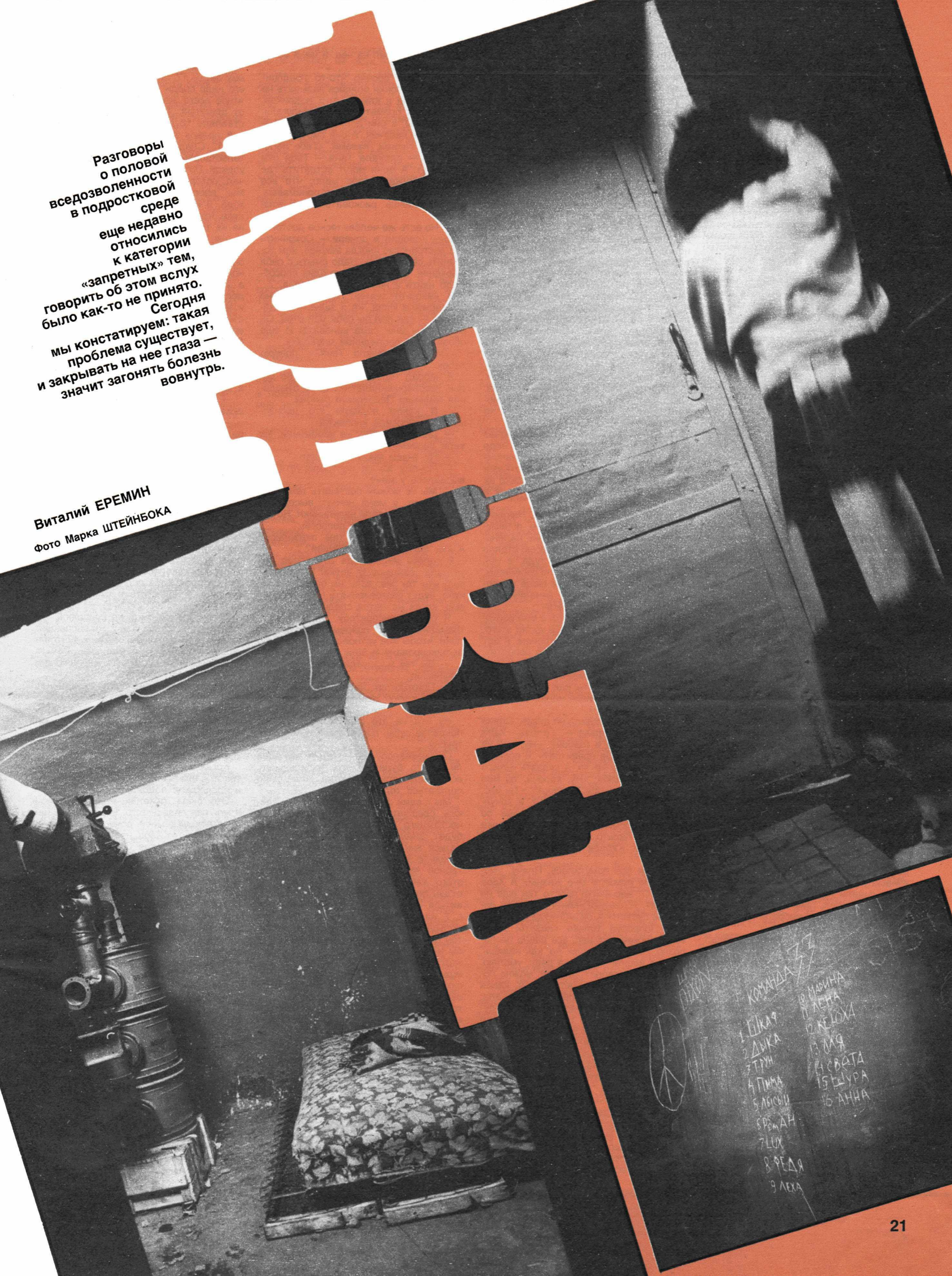
Когда освободили Киев, я дала Вике десять дней отпуска и, хотя его рана еще не зажила полностью, отпустила к матери, которая оставалась в Киеве,— он очень за нее волновался, но, слава богу, он увидел ее.

После Киева он снова был на фронте. Из Люблина прислал свое фото. Писать он не мог, так как был ранен в правую руку с повреждением нерва.

У меня сохранились его книги. Одна — с дарственной надписью «В окопах Сталинграда». Помню фильм «Солдаты», созданный по этой книге. Очень прошу повторить этот фильм...

Мне чрезвычайно больно, что Виктор умер не на своей родине, и, конечно, его место здесь, в России, которую он никогда не забывал.

Евгения ПАРСАДАНОВА,
участник
Великой Отечественной войны».

ПОДВАЛ

Разговоры о половой вседозволенности в подростковой среде еще недавно относились к категории «запретных» тем, говорить об этом вслух было как-то не принято. Сегодня мы констатируем: такая проблема существует, и закрывать на нее глаза — значит загонять болезнь вовнутрь.

Виталий ЕРЕМИН

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

1.

2 января 1989 года. 39-е отделение милиции Перовского района Москвы. Десятый час утра. Спрашиваю инспектора по делам несовершеннолетних. «Ее еще нет. Подождите».

В соседней с дежурной частью комнате молодой лейтенант беседует с девочкой, задержанной за употребление спиртных напитков. «В твоем возрасте пить вредно. У тебя мозги еще не выросли до определенного размера... А нам в период перестройки... И вообще ты знаешь, что можешь нести ответственность...» Лейтенант заученно перечисляет суммы штрафов. Девочка закатывает глаза, изображая, как ей все это надоело.

Но вот и инспектор. Прошу ее назвать адреса подвалов, где собираются подростки. «1-я Владимирская, 3; 2-я Владимирская, 12». «Еще?» — «Все!»

Других вопросов у нас нет. Садимся в машину и едем. Нам осталось только сфотографировать место происшествия. Все остальное уже сделал за милицию отец потерпевшей...

Вот его рассказ, записанный слово в слово.

«Года два назад, когда моей дочери было 13 лет, она спросила: «Папа, интересно, что ты будешь делать, если меня изнасилуют?»

Мы сидели на кухне вдвоем, ужинали. Я посмотрел Тане в глаза и понял, что она специально выбрала время, когда мы остались наедине.

«Почему ты об этом спрашиваешь? Тебе кто-то угрожает?»

«Нет,— сказала Таня,— но ты знаешь, сейчас это делается запросто. Только многие родители этого не знают».

Я тогда не понял, какой смысл был в каждом ее слове. Только почувствовал, что мне нельзя оставлять дочь беззащитной в ее, может быть, преувеличенных страхах.

«Если бы это, не дай бог, произошло, я бы отправил подонков на тот свет, а потом будь что будет».

Таня тяжело вздохнула. Но мне все же показалось, что это был вздох облегчения.

А 7 ноября прошлого года я пришел из гостей, заглянул в Танину комнату и увидел дочь зареванную, с синяком под левым глазом.

«Что случилось?»

Рыдания.

У меня внутри все оборвалось.

«Доченька, что случилось?»

Истерика...

Здесь я прерву моего собеседника. И спишу с магнитной пленки показания — другим словом этот рассказ не назовешь — подружки Тани, семнадцатилетней Инны.

«Мы поехали в кинотеатр «Слава», взяли билеты на фильм «Заклятие Долины Змей». И тут к нам подошли ребята. Двоим лет по семнадцать: одного звали Чеком, другого — Хабой. И двое лет по 14—15: Бычок и Голова. Когда мы знакомились, они, конечно, назвали не клички, а имена. Сначала они предложили: «Продайте билеты. Пойдемте лучше погуляем». Но мы отказались. Одолжили им 40 копеек. Они взяли билеты. Мы вместе посмотрели фильм. А потом нам снова предложили прогуляться и по пути посмотреть их «качалку». Ну, это такой подвал, где парни качают мускулы.

Мы, дуры, согласились. Чек и Хаба — ребята с виду хорошие, не хамы. Ну а Бычок и Голова — вообще еще дети. И тот, и другой Тане по плечо. Правда, Голова сорвал с подъезда флаг и обмотался им. Но Чек сказал, чтобы он не безобразничал.

Потом Хаба куда-то ненадолго исчез и принес две бутылки вина. Мол, надо же праздник отметить. Ну и за знакомство. Я отпила глоток. А Таня отказалась. У нее стали выяснять, сколько ей лет. Когда она сказала, что учится в 9-м классе, ей не поверили.

Потом нас завели в подвал. Никаких гимнастических снарядов там почему-то не было. А в дальней очень маленькой комнате с железной дверью стояла старая софа. Таню ввели туда, а Чек меня остановил и говорит: «Понимаешь, Инна, тут такое дело. Вас сюда привели не для того, чтобы качалку смотреть, а чтобы насиловать».

Я Хабе говорю: «Вы что, с ума посходили?» А Хаба: «Но мы все хотим этого. Ты не бойся, тебя мы не тронем. А вот Таню... Не мы, так другие ее испортят. Или по дружбе кто-нибудь».

Я рвалась в ту комнату, кричала: «Не трогайте ее! Она мне как сестра! Если на то пошло, уж лучше меня!.. Но никто не хотел слушать».

Таня: «Меня усадили на диван. Слева сел Бычок. Справа — Голова. Хаба встал напротив и говорит: «Ну, кто из нас тебе больше нравится?» Я поняла, что тут что-то не то, а сказать ничего не могу... А Хаба: «Ну, короче, ты мне нравишься. Давай!» Я говорю: «Ты что, в своем уме?» А он: «Давай, я хочу!» А Бычок шепчет: «Давай лучше со мной!» А Голова, щенок сопливый, уже лезет под пальто. Я — сопротивляться. А он мне: «Убери руки! По-хорошему говорю!»

У меня все помутилось. Плачу, умоляю: «Не ломайте мне жизнь!» А Хаба свое: «От нас никто просто так еще не уходил». Я говорю: «Меня родители домой не пустят!» А он: «Откуда они узнают? Попробуй только сказать! Даже если скажешь на нас, все равно бесполезно. Нас уже искали, но, как видишь, еще не нашли». Я снова реву, умоляю. Тогда Хаба говорит: «Ладно, можно по-другому. Я тебя оставлю такой, какая ты есть, но ты... Поняла?» Я закричала: «Нет!!» «Тогда,— говорит Хаба,— будем делать силой и то, и другое. Считаю до трех. Ну!» Я снова его умолять. А он: «Ну, ты меня вывела». Как даст мне кулаком в лицо. Потом ногой...»

Отец Тани: «Дочь спас случай. Кто-то из жильцов спустился в подвал и врезал этому Хабе. Девчонки успели выскочить наверх — и дёру.

Ну что тут говорить? Когда я понял, что все обошлось, конечно, стало легче дышать. Но видели бы вы, в каком состоянии была дочь. Надругаться над ней не удалось. Но какие унижения пришлось вынести. Какого страху натерпеться. Я смотрел на нее, и меня всего трясло.

Надо было срочно что-то предпринять. Но девчонки боялись называть не только имена и клички этих подонков, но даже их приметы. Так их запугали.

— Не мы, а они должны бояться! — убеждал я девочек. А они смотрели на меня вот такими глазами. «Тебе легко говорить,— плакала Таня.— Тебя они не тронут. А меня могут встретить где угодно. Неужели тебе мало, что все обошлось? Неужели ты не понимаешь, что начинаешь рисковать моей жизнью?»

— Но есть же человеческое достоинство,— говорил я дочери.— Сохранить это достоинство иногда важнее, чем сохранить себе жизнь. Надо смыть с себя унижения. И здесь только один способ. Надо найти и наказать этих гадов.

В какой-то момент меня невольно поддержала Инна. «А я знаю,— сказала она,— как вел бы себя мой отец. Он сказал бы мне: сама виновата! И еще обозвал бы последними словами».

«Ладно,— сказала Таня,— поверю тебе».

Я набрал телефон инспекции по делам несовершеннолетних 39-го отделения милиции Перовского района.

— В каком подвале это произошло? — спросила инспектор.

— Девочки дорогу не запомнили. Их вели дворами.

— Ну знаем мы этот подвал.

— Почему же не контролируете? — вырвалось у меня.

— Мы не можем поставить там пост.

Я думал, у меня начнут выспрашивать, как выглядели насильники. Но услышал совсем другие вопросы.

— А как девочки там оказались? А как фамилия потерпевшей?

В голосе инспектора отчетливо зазвучала обвиняющая нотка! Я представил, что так же, если не более бестактно, будут разговаривать с моей дочерью, когда начнется следствие...

Я сказал инспектору, что называть фамилию пока повремению. Главное пока, чтобы мое устное заявление было зафиксировано в 39-м отделении.

— Вы так все вуалируете,— сказала инспектор.

— Приходится. Девочке угрожали.

— Ну и что? Нам каждый день угрожают.

Ну что на это скажешь? Я сцепил покрепче зубы, попрощался и положил трубку.

Складывалось впечатление, что едва ли кто-то будет искать насильников, если была только попытка. Надо было полагаться только на себя.

Мы с вами договорились. И вы, надеюсь, сдержите слово. Ни фамилии, ни настоящего имени дочери названо не будет. Значит, и мне нет смысла стараться выглядеть лучше, чем я есть. Какое-то время я испытывал элементарное чувство мести. Думаю, найду этого Хабу и... Ну, если он не будет отдан под суд, то должно же осуществиться хоть какое-то возмездие. Ночь с 7 на 8 ноября я не спал. Но чем дольше прокручивал ситуацию мести, тем больше приходил к мысли, что, как бы низко ни поступил с моей дочерью этот подонок, негоже мне, взрослому мужчине, сводить с ним счеты физически. Разве это заставит его прекратить свои «развлечения»? Разве вызовет хоть какие-то угрызения совести? Самое большее, чего я мог добиться кулаком,— дать выход злости и обиде за дочь. А в этом было что-то недостойное.

В том подвале побывали дочери других родителей. И если мне не удастся обезвредить Хабу и его шайку (а разве остановлю я его кулаком?), этот подвал так и останется западней для легкомысленных молоденьких дурех. Нет, надо было подавить личные чувства, как бы они ни рвали душу, и строить план дальнейших действий совсем с других позиций.

Я уже примерно знал, в каком профтехучилище учится Хаба. Знал, сколько ему лет — 17. Это означало, что искать его надо среди третьекурсников. Вероятнее всего, кличка была производной от фамилии. То есть найти его не составляло труда.

8 ноября я свозил Таню в травмопункт. Следы побоев были засвидетельствованы и могли теперь служить уликой. Потом Инне позвонил Чек и начал осторожно выяснять обстановку. Мы просчитали вероятность такого хода, и Инна сказала, как мы условились, что на этот раз Хаба и его шайка не на тех напали. Никто их не боится. И они за все ответят.

Чек сказал, что надо поговорить. Но он не предполагал, что вместо девчонок ему придется говорить со мной. Ну а уж я постарался вытянуть из него достаточно дополнительных сведений и записал разговор на магнитофон. Чек очень внятно просил меня не сажать его друга Хабу. Сам факт этой просьбы был теперь второй уликой.

А на другой день Хаба приехал вместе с Чеком и просил извинить его, словно он нечаянно наступил на ногу в вагоне метро.

— От меня уже ничего не зависит,— сказала Таня.

— От тебя многое зависит,— напирал Хаба.

Прямо угрожать он уже не смел. И потому пытался оказать давление такими фразами, многозначительным тоном.

Известно, какова цена извинениям, принесенным только ради того, чтобы не получить срок. Но мне лично они пригодились. Она навели на мысль, как устроить Хабе ловушку.

Я сел и написал в двух экземплярах письменное извинение за нанесение побоев и покушение на изнасилование. Теперь оставалось выбрать ситуацию, при которой Хаба подписал бы это извинение в присутствии минимум двух свидетелей.

Особо раздумывать не пришлось. Ни улица, ни квартира Хабы, ни инспекция по делам несовершеннолетних 39-го отделения милиции не годились. Самым подходящим местом был кабинет директора профтехучилища.

Я попросил пригласить в кабинет замдиректора по воспитательной работе, мастера группы, где учатся Хаба, его друг Чек. Сказал, что все мои объяснения они получат потом, а пока попросил вызвать Хабу и включил магнитофон на запись.

Когда Хаба вошел, я протянул ему текст его письменного извинения и предложил подписать.

Это была тяжелая минута. Теперь я мог разглядеть того, кто едва не надругался над моей дочерью. Конечно, это был не тот Хаба, что тогда, вечером 7 ноября, в подвале. От того Хабы было только одно — грязные и, наверное, липкие руки с грязными ногтями. Куда девался тон, которым он командовал: «Считаю до трех!» Когда бил кулаком и ногой, заставляя девчонку умирать от страха.

Жаль, что в эту минуту рядом не было Тани. Может быть, ей стало бы чуть легче вспоминать о пережитом, если бы она увидела, как физиономию Хабы сводила судорога, как сглатывал он слюну, как стискивал пальцами ручку, как дрожал его голос, когда он спросил: «Где подписать?» Впрочем, она могла услышать его тяжелое дыхание и этот вопрос, если бы захотела прослушать пленку. Не захотела.

Это была тяжелая минута для насильника. Представляю, как лихорадочно шевелил он извилинами. Подписывать? Не подписывать? Но он правильно все понял. Лучше подписать, другого выхода нет. Иначе — возбуждение уголовного дела, суд, срок.

Он подписал оба экземпляра своего «извинения».

А примерно через два часа я уже знал, в каких школах учатся Бычок

и Голова. Стал известен и адрес подвала: дом номер 3 по улице Металлургов.

Вы сами можете судить по моим действиям. Я не мог остановить Хабу и его шайку. Я только нацелил на это педагогов и родителей. Но остановят ли они? Судите сами по записи моего разговора с ними.

Вот ответы на вопрос, какое нравственное воспитание получают подростки в училище.

Директор: «Первый курс проходит у нас через Горки Ленинские. То есть стараемся им что-то влить в головы».

Замдиректора: «Ездили в Ульяновск... Или в Казань? Поисковая группа...»

Директор: «Обсуждение газетных статей на классных часах. По подросткам. По наркоманам. По алкоголикам. По правовым... С особой там жестокостью... Сейчас не могу вам сказать названия статей. Когда вот там собаку убили, шапку сделали. Вот так мы только можем... Ребята к прессе не осóбо... Стараемся привить им свою точку зрения на все эти вопросы».

Я спросил, какое получают ребята правовое воспитание. Вот какие были ответы.

Замдиректора: «Сегодня я была в группе... Народный судья выступал. Они у нас практически постоянно. Или судьи, или следователи. У нас 39-е отделение постоянно... За каждым курсом закреплен офицер... Прокурор района... Из уголовного розыска...»

Мастер группы: «Обсуждаем определенные статьи. 206-я... 117-я... 145-я... То есть хулиганство, изнасилование, грабеж. С конкретными фамилиями, номерами училищ, где это произошло. За что был учащийся судим. Столько-то ему дали. И вот это мы обязываем ребят выучить».

Директор: «У нас даже конкурс правовой существует!»

Мастер: «И вот кто лучше знает это все, идет на конкурс среди курсов. Присутствует из отделения милиции человек. Каждому ставят оценки за эти знания. Проводится типа зачета».

Замдиректора: «От каждой группы выставляются пять сильных человек, самых эрудированных. Вот им уже идут оценки...»

А вот как пытались повлиять на Хабу.

Директор: «Ты скажи мне на один вопрос. Что тебе не хватает в училище? Что вам государство еще не дало? В чем дело? От жиру беситесь? Вместо того чтобы взять учебники, почитать, газеты посмотреть... В период гражданской войны таких, как ты, расстреливали. И сейчас с вами надо то же делать. Двух-трех расстрелять. Остальные были бы на должном уровне».

Мать Хабы: «Я сколько раз тебе говорила: «Гуляй хорошо!» Достукался? Как дала бы сейчас в рожу!»

— Были уже такие вещи? — спросила замдиректора у Чека.

— Да.

— По доброму согласию или как-то по-другому? Когда такие случаи были? Раз в месяц? Раз в год?

— Редко,— отвечал Чек.— Ну, может быть, раз в две-три недели...

— Ты больше гулять не пойдешь,— сказала Хабе мать.

Тут уж я не стерпел. Да это ли главное, говорю, чтобы они сидели взаперти? Они должны понимать простую вещь: что человек неприкосновенен! Их можно возить по музеям, на экскурсии, лекции им читать, конкурсы проводить. Но если они не понимают, что человеческое достоинство неприкосновенно, никакие музеи не помогут. И никакой домашний арест.

Но ни педагоги, ни родители эту тему не поддержали. Все-таки я как бы бросал упрек им...

— Что такое человеческое достоинство? — спросил я Хабу.

Он молчал. Вы слышите, как беззвучно прокручивается лента? Молчал не только Хаба. Молчали все...

— Не скажу, что сухари надо сушить. Но хорошего не жди,— сказал Хабе директор.— Тебе тут вроде поблажку делают. А мы, может быть, не захотим. Держать тебя в училище я считаю позором. Отправим туда, где Макар телят не пасет. Зачем нам уголовники?

Вот теперь и судите, остановят Хабу или не остановят. Лично у меня мало надежды. Потому и обратился к вам. И вообще, по-моему, за этим частным случаем стоит целое явление, которое тоже надо остановить. Если еще не поздно...»

2.

Мы ходили по лабиринтам подвалов. Мой коллега фотографировал места подростковых сборищ, комнатку с огромной железной дверью и старой софой, где едва не надругались над Таней. А у меня не выходило из головы, что сама проблема половой распущенности и половых преступлений несовершеннолетних является лабиринтом, в который мы до сих пор предпочитали не входить.

— Примерно две трети изнасилований девочек-подростков происходит в подвалах и на чердаках,— сказала мне начальник отдела по расследованию уголовных дел в отношении несовершеннолетних следственного управления ГУВД Мосгорисполкома подполковник милиции Руэрфа Владиленовна Данилова.— Обычно мы направляем в ДЭЗы и ПЖРО представления. Нам отвечают: мы устали вешать замки.

Ну это, мягко говоря, отговорки. Начальник 39-го отделения перечислил, например, что говорится в его представлении. Дверная коробка должна быть либо цельнометаллической, либо обитой жестью. Дверь — открываться не вовнутрь, а вовне, чтобы ее нельзя было вышибить плечом. Замок должен быть не навесной, который можно легко сорвать ломиком, а врезной. Дверная ручка — такой формы, чтобы нельзя было, ухватившись за нее, рвать дверь на себя. И т. д.

Ничего подобного мы не увидели. Всюду двери были открыты настежь. Добро пожаловать, перовская шпана!

А ведь в подвалах и бомбоубежищах совершаются не только половые преступления. Подростки пьют там спиртное, нюхают токсические аэрозоли, употребляют наркотики. Там скрываются бродяги, вовлекающие несовершеннолетних в свой подземный мир. Там устраиваются грязные притоны. Там, наконец, совершаются убийства.

По статье 226 [1] Уголовного кодекса РСФСР, организация, или содержание притонов, или предоставление помещений для тех же целей наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой. Но халатность коммунальников и лиц, ответственных за содержание подвалов, по сути, равнозначна «предоставлению помещений», а по некоторым последствиям (убийство, смерть подростка-токсикомана и т. п.) даже более серьезна. Однако никакому уголовному преследованию эта преступная халатность не подвергается. Как видим, коммунальники легко избегают даже административной ответственности, придумав оправдание (они, видите ли, «устали вешать замки»), которое звучит смехотворно для всякого здравомыслящего человека.

Ну а девчонки? Как они-то не понимают, что идти в подвал с едва знакомыми парнями опасно?

— Девчонкам трудно бороться с любопытством,— считает Р. В. Данилова.*— Им нравится быть в центре компании юношей. Это так естественно в их возрасте. Нужно учесть также, что многие насильники по своему внешнему виду вполне нормальные ребята.*

Приведу пример, и вы поймете, что надо остерегаться не только чердаков и подвалов. Праздничный день. Студентки-первокурсницы знакомятся с группой юношей. Погуляли по Москве. Потом один говорит: «Съездим ко мне на дачу. Там родители. Пообедаем. Отдохнем на природе. К вечеру вернемся». Девушки согласились. Но уже в электричке сделали попытку выйти на одной из станций. Парни с шутками преградили им путь. И девчонки растерялись. «Неужели вы не могли позвать на помощь? Ведь в вагоне было полно людей?» — спрашивала я их. А они мне: «Нам все равно никто не поверил бы».

В этом типичная особенность ситуации, предшествующей изнасилованию. Со стороны взаимоотношения насильников и жертвы могут выглядеть как добровольное дружеское общение. Во многих случаях выяснялось: потерпевшие не взывали о помощи, потому что были уверены, что никто не осмелится выступить против целой компании парней.

У нас сейчас находится в производстве страшное дело. 17-летний подросток совершил несколько десятков изнасилований. Но это редкий случай. Как правило, несовершеннолетний насильник не бывает один. Почти все половые преступления подростков — групповые. Два-три — пять-шесть... Иногда до 15 человек.

Всякие дела приходится расследовать. Но знаете, что больше всего потрясает? Пятеро-шестеро совершают насилие, а остальные семь-восемь находятся рядом, устрашают жертву одним только своим присутствием, не участвуют в преступлении, но и ничего не делают, чтобы помешать, дать девчонке возможность убежать. Стоят, слушают крики, мольбу, стоны и... с интересом глазеют!.. Я придерживаюсь твердого мнения: душевно здоровый человек не может совершать подобные преступления. Ну а тех, кто с интересом наблюдает, разве можно назвать душевно здоровыми? Запрашиваем характеристики — оказывается, вполне нормальные, обыкновенные ребята. В инспекции на учете не стоят. (Тут Р. В. Данилова как в воду глядела: фамилия Хабы в инспекции по делам несовершеннолетних 39-го отделения не значится!) В школе или ПТУ к ним особенных претензий нет. (И тут Р. В. Данилова попала в точку: тихим лодырем назвали Хабу в ПТУ, и только!) Может быть, действительно, одна из главных причин половой преступности не в индивидуальном, а групповом поведении?

Думаю, что здесь нам пора послушать ученого. Вот что сказал старший научный сотрудник ВНИИ МВД СССР Владимир Алексеевич Гришин:

— Лет тридцать назад мальчишки объединялись в свои уличные компании, девчонки — в свои. Со временем все большее число уличных групп становились смешанными. Все сильнее проявлялась акселерация. Взаимоотношения полов упрощались. Посмотрите, как происходит сегодня приглашение на танец. Парень хватает девушку за руку и говорит: «Пошли». Парень уверен, что девушка не посмеет ему отказать, какую бы антипатию она ни испытывала. Почвой «упрощения отношений» чаще всего бывает страх. Девушка боится быть избитой.

Одним из неизбежных результатов того, что уличные группы стали смешанными, является ранняя половая жизнь. Девчонка находит в группе защиту от другой группы. Она как бы считается «своим парнем». И не смеет отказать, когда ей начинают «по-хорошему» предлагать половую близость. Совсем не случайно в уличной среде возникло такое понятие, как «общие девочки».

А посмотрите, что происходит в молодежных женских общежитиях. Четырехкоечная комната. Сначала ночует один парень. Потом двое-трое. Четвертая девчонка обмирает от ночных звуков, зарывается с головой в подушку, отбивает все натиски. И каждую ночь слышит от подруг: «Да хватит тебе ломаться! Чем ты лучше нас?» Мне могут сказать: при чем тут общежитие, когда мы говорим о несовершеннолетних? А механизм насилия нормами поведения, утвердившийся в определенной среде, примерно одинаков. Что в молодежном общежитии, что в уличной компании, что в группе ПТУ. Везде девчонки слышат одно и то же от своих более бойких и распущенных подруг: «Да ладно тебе ломаться!» Этими же нормами среды уродуются и мальчики-подростки, превращающиеся либо в насильников, либо в соучастников насилия не потому, что они такие порченые, а потому, что и они не выстаивают против этого: «Да ладно тебе ломаться!» Девочки-подростки все меньше видят смысл в целомудрии. Мальчики-подростки все больше боятся быть твердыми в своей чистоте.

К сожалению, среди нас, криминологов, нет, пожалуй, ни одного, кто глубоко исследовал бы проблему половой распущенности несовершеннолетних и ее прямую связь с проблемой половых преступлений. Но эпизоды множества уголовных дел указывают на эту связь с очевидностью, которую трудно опровергнуть. «Общие девочки» становятся соучастницами изнасилований. Помогают сломить сопротивление, держат за руки, связывают... Потом, если жертва заявляет, что пойдет в милицию, «общие девочки» включаются в уговоры или угрозы. Вовсе не случайно я привлекаю внимание к этой категории девочек-подростков. Они создают для мальчиков-подростков фон сексуальной вседозволенности. Ребята привыкают, что им все разрешено, и свое отношение к «общим девочкам» переносят на «честных девчонок».

Вспомним, как много у нас неблагополучных семей. Не так уж редко бывает — после скандала и побоев девочка убегает из дома и становится бродяжкой. Чтобы выжить, она в буквальном смысле опускается на дно — находит себе приют в каком-нибудь омерзительном подвале, теплотрассе... Никакого насилия не происходит. Девочка-бродяжка отдается за банку рыбных консервов. И, случается, невольно растлевающе, провоцирующе действует на какую-нибудь компанию подростков, которая приютила ее в «своем подвале».

Еще более незавидна судьба тех девочек, которые после скандала в семье пытаются уехать в другой город. Своим телом они платят проводникам за проезд, попутчикам — за еду. Их легко находят на вокзалах участники тайных притонов... Мы почему-то не говорим об одном из самых распространенных последствий повторных браков, когда падчерицы становятся жертвами отчимов или родственников со стороны отчима. Не так уж редко девочка оказывается в условиях разврата, созданных собственной матерью.

Та самая душевная патология, о которой вела речь Р. В. Данилова, является, как видим, неизбежным следствием множества процессов, происходящих в подростковой среде и требующих специальных научных исследований. А пока... Пока такие практики, как Р. В. Данилова и ее коллеги, не только расследуют половые преступления, но и пытаются распознать, чем они вызваны.

— Однажды проводили мы анкетирование,— говорила Р. В. Данилова.— Был там и такой вопрос: почему ты совершил преступление? Какой, вы думаете, был наиболее часто встречающийся ответ? Не угадаете! «Потому что нечего было делать».

(Ну прямо как Хаба и его компания. Им тоже нечем было заняться, и они решили отметить праздник изнасилованием.)

— Иногда хочется просто поговорить с преступником, услышать от него хоть

какое-то объяснение. Ну почему он стал таким? Знаете, даже 15 лет назад подобные насильственные действия были иными. Не было такой жестокости, такого извращенчества. Приглашаем родителей. Но они ничего не могут сказать о своем сыне-насильнике. Чем занимается? Чем увлекается? С кем дружит? Где бывает? О чем думает? Ни-че-го не знают! Раньше перегородка между родителями и детьми была тонкой. Они еще могли разглядеть друг друга. Теперь эта перегородка стала просто непроницаемой. Проходящие через наши кабинеты подростки жили в своем обособленном мире. Они развивались в соответствии с ценностями и нормами своего уличного окружения, никак не воспринимая моральных ценностей и культуры в целом.

У внимательного читателя уже возник, наверное, справедливый вопрос. Если все большее число девочек начинают раннюю половую жизнь добровольно, откуда в таком случае столько сексуальных нападений? Вместо того чтобы рисковать свободой, не проще ли мальчикам воспользоваться доступностью «общих девочек»?

Есть три объяснения. Первое: «общие девочки» надоедают. И начинается, как выразился один криминолог, поиск «нового материала». Второе: бывает, что насилию подвергаются и «общие девочки». Ведь не каждая соглашается вступить в близость именно с тем, кто ее возжелал, или тем более с целой компанией. И третье, вероятно, самое глубокое объяснение: сексуальные нападения вызваны не столько требующей выхода сексуальной энергией, сколько злобой и неудовлетворенностью, порожденными душевным дискомфортом и чувством неполноценности, которые подросток испытывает в семье, школе, ПТУ, техникуме и даже в наиболее комфортной для него подростковой среде, где он также может постоянно подвергаться унижениям со стороны более сильных сверстников и испытывать подсознательную потребность превратиться из жертвы в насильника.

3.

За прошлый год 39-м отделением милиции было расследовано шесть попыток изнасилования несовершеннолетних. И только в одном случае факт насилия был доказан, и виновные предстали перед судом. Это сухое сообщение не вызвало у меня ни удивления, ни желания выяснять причины. И без того все было предельно ясно...

«При допросе потерпевшей следует избегать сухости и схематичности изложения. Наоборот, нужно стремиться к тому, чтобы в высшей степени эмоциональное переживание ситуации в момент совершения преступления нашло такое же эмоциональное отражение в протоколе допроса. Следователь должен помочь потерпевшей последовательно, достоверно и ярко сформулировать свой рассказ, не упуская ни одного из обстоятельств...»

Это строки из монографии, являющейся для следователей методическим пособием. Все здесь очень верно сформулировано. Иначе работать нельзя, потому что главная задача следователя — устранить противоречия в показаниях **одной** потерпевшей и **нескольких** насильников.

Но прочтем строки монографии еще раз и примем во внимание, что множество изнасилований совершается в извращенных и подчас садистских формах. У следователя масса дел. Иногда утомленным, иногда отрешенным и почти всегда будничным тоном он задает десятки, многие десятки вопросов. А бедной девчонке меньше всего хочется рассказывать, что с нею делали подонки, да еще «достоверно и ярко».

Все тем же будничным тоном следователь ставит потерпевшую в известность, что ее ждет впереди: медэкспертиза, очные ставки, наконец, суд. Огласка почти всегда неизбежна... То, о чем мы сейчас говорим, знает почти каждая современная девочка-подросток: если она попадет в беду, следствие будет душевной пыткой, суд обречет на позор, а родители будут считать вину ее, жертвы, большей, чем вину насильников.

Сколько же мучительных тайн остаются нераскрытыми. Ведь о множестве изнасилований становится известно только по «цепочке». Потерпевшая делится с лучшей подругой. Та советуется с матерью: может быть, надо что-то предпринять? Лишь через несколько дней страшное известие доходит до матери потерпевшей. Следствие начинается с опозданием. Многих улик уже не собрать. Жертва — одна, преступников — группа. Начинается групповое нагромождение фиктивных оправданий. Групповое давление на следствие, суд, родителей девочки, в особенности на нее, с целью добиться прекращения дела. И даже в тех случаях, когда уголовное преследование начато, это еще не означает, что негодяи получат по заслугам. Безнаказанность приняла уже такой характер, что бывают случаи, когда насильники вымогают у потерпевшей деньги, угрожая, что они сами разболтают о ее позоре.

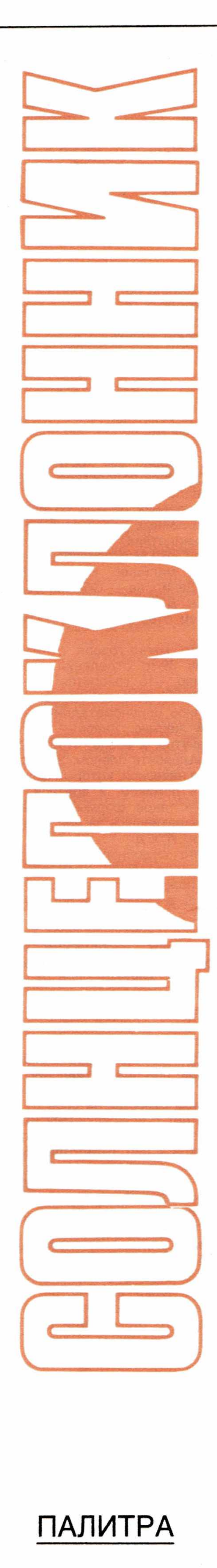
Попробуем измерить масштаб явления. Примерно каждый второй из подростков, содержащихся в воспитательно-трудовых колониях, осужден за преступление против собственности. За изнасилование — каждый восьмой. Цифра на первый взгляд не такая уж страшная. Но возьмем в расчет, что в Уголовном кодексе более двухсот статей. Ну и мы уже можем мысленно представить, какой процент половых преступлений либо остается неизвестным правоохранительным органам, либо не доказанным судом. Если бы наказание осуществлялось неотвратимо, за изнасилование сидел бы не каждый восьмой. Боюсь, что эта цифра уменьшилась бы наполовину.

Но здесь я ловлю себя на мысли: а что, собственно, изменится, если мы будем знать истинные масштабы скрытой половой преступности? Что изменится, если узнаем, сколько девочек делает аборты, сколько задерживается на вокзалах, в подвалах, теплотрассах, тайных притонах, сколько стоит на учете в кожно-венерических диспансерах? Что это нам даст, кроме еще большей уверенности в том, что половая распущенность и половые преступления — своеобразный барометр, указывающий на общую патологию, царящую во множестве семей, а также в методах школьного и пэтэушного воспитания? Что изменится, если искажен, изуродован сам смысл справедливости, заключающийся в том, чтобы защитить слабого от сильного и удержать сильного от насильственных посягательств, если этот смысл перестал быть нормой поведения и нас, взрослых?

Число насильников находится в определенном соотношении с числом их жертв. Можно предположить, что в обществе уже образовался слой женщин, которые в подростковом возрасте подверглись надругательству и скрыли это от родителей. Хорошо, если это не искалечило их психически. А если да? Какими женами и матерями они стали?

Не забудем также о провоцирующей, порой зловещей роли «общих девочек». Уж их-то слой наверняка потолще. Они ведь тоже становятся женами и матерями. Не их ли дочерей насилуют отчимы? Не их ли сынки становятся «мужчинами» в 12—13 лет?

Прибавим сюда слой родителей, не знающих других методов воспитания, кроме оскорблений и рукоприкладства, слой педагогов, неспособных развить в учениках элементарной душевной культуры, слой тех, по чьей вине больше половины наших подростков можно назвать детьми подворотен и подвалов... Перечень этот можно было бы продолжить. Но, по-моему, и так ясно. Насильники не появляются из ниоткуда. Они сами являются порождением насилия.

Он ушел из жизни 6 ноября 1985 года, накануне начинавшегося общественного обновления, разом оборвав муку. Анатолий Лимарев — одна из жертв эпохи застоя — оставил нам искусство, в котором солнцепоклонничество язычника соединилось с простотой едва ли не банальных сюжетов. Женщины чистят сливы, старуха сидит на ступенях крыльца, а ее внуки возятся в нагретой солнцем пыли, в тени стога отдыхают жницы — куда уж проще? Работы А. Лимарева не вписывались в официозные украинские экспозиции 70-х годов, в них нет эффектных ситуаций или сколько-нибудь героизированных персонажей. Но здесь фигуры необыденно светятся алыми и малиновыми цветами, а синева кобальта и пронзительность зелени подчеркивают соседство горячих тонов. Колористический дар высочайшей пробы...

В 1974 году Лимарев дебютировал в Киеве композицией «Весна». Живописец был полон надежд, радостного подъема, доверия к коллегам. Его весенний пейзаж, увиденный через окно, искрился светом и голубизной. Те, от кого тогда зависели судьбы художников на Украине, с досадой отвернулись от этого окна и весны: Лимарев был очевидно талантливее многих, чьи работы, соседствуя в экспозиции с «Весной», пожухли, как вылинявшие обои. Посредственность испытывала его изоляцией, но он оставался художником в самом строгом смысле этого понятия. Ему было чуждо циничное отношение к искусству как к средству обрести благополучие. Тем более невозможно представить А. Лимарева приспосабливающим свое мастерство к сиюминутным нуждам общественной конъюнктуры. Чистота его помыслов и поступков была постоянным укором тем, кто давно работал по принципу «чего изволите?», по инерции именуя себя художником. Именно «знатоки» из Худфонда УССР по многу месяцев оставляли его без заказов, унижая безденежьем, истязая полуголодным существованием, объявляя безумцем. От всего этого художник спасался перед холстом. «Нам, оказывается,— говорил Анатолий друзьям,— надо учиться многому. Мы неученый народ и надеемся на свой талант... Надо профессионально решать вопросы, если мы занялись живописью... Раз я заговорил об ответственности, то знаю, за что отвечаю. Пусть каждый знает, за что он отвечает в искусстве».

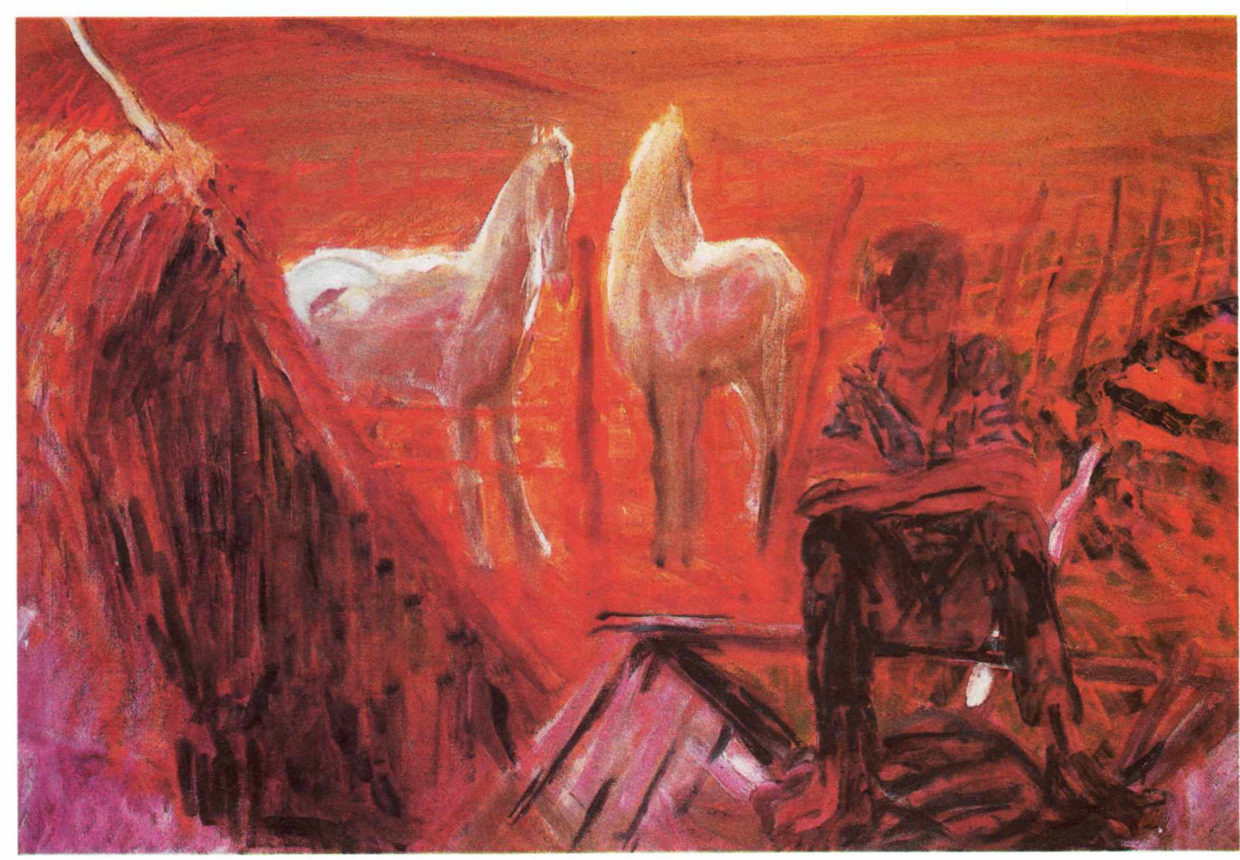
Лучше всего А. Лимареву работалось в поездках на Донбасс. Неизменно вдохновляли опаленная солнцем степь и душевное тепло земляков — пастухов, шахтеров, рыбаков. Романтик, влюбленный в красоту земли и первозданную чистоту цвета, художник сумел соотнести одно с другим. А. Лимарева часто называют украинским Ван Гогом. Безусловно, можно говорить не только об идентичности жизненных испыта-

А. Г. ЛИМАРЕВ. 1929—1985. БАНКИ. 1985.

ний и трагического финала, но в первую очередь о дерзком взгляде на солнце, в умении создать «портрет солнца». Тем, кто часто бывал в мастерской А. Лимарева, было видно, что автор по многу лет работал над каждой композицией, возвращаясь к ней вновь и вновь. Это был нескончаемый диалог, я бы даже сказала — роман с холстами, отношение к ним как к одушевленным существам.

Из-за длительной работы над каждым холстом, порой тянувшейся по пять — семь лет, многие композиции остались незавершенными. Однако как основательно в работах вписаны в пейзаж или интерьер фигуры, с какой безупречной точностью взяты цветовые отношения! Рисунок фигур часто груб, угловат, поверхностному взгляду покажется даже непрофессиональным. Но при том, какая изумляющая раскованность, почти недопустимое (в понятиях человека, прошедшего школу) обращение с краской, которая в чистом виде, из тюбика переносилась на холст и здесь благодаря колдовству А. Лимарева делалась не только цветом, но живой, трепещущей плотью мира!

Ретроспективный взгляд на творчество мастера позволяет увидеть,

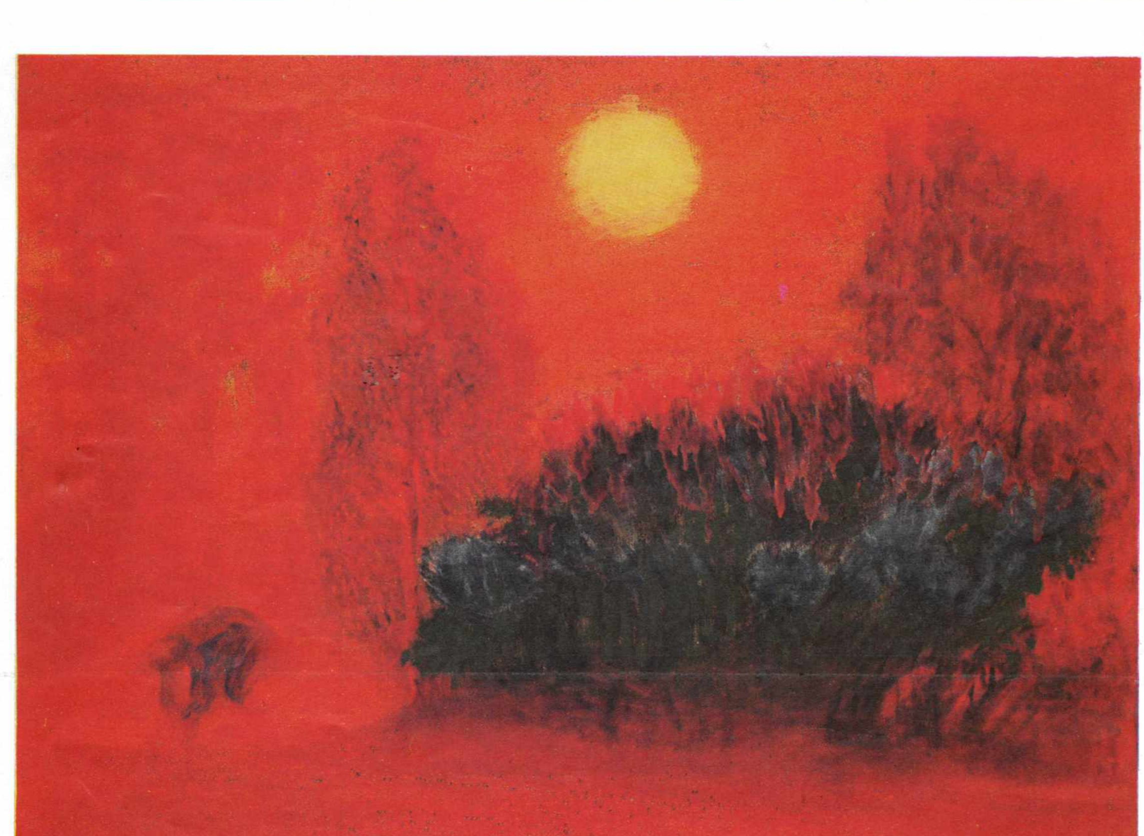

БЕЛЫЕ КОНИ. 1983—1985.

А. Г. ЛИМАРЕВ. У КОЛОДЦА. 1983—1985.

что оно шло по пути упрощения сюжетной основы и одновременного обогащения цветовой палитры. В композициях «Памяти М. Вайнштейна» (1982), «Туман» (1983), «Розовая земля» (1984—1985), «Белые кони» (1983—1985), «Банки» (1985) автор приходит к воплощению духовной сущности материальных субстанций. В коричневато-золотистой среде «Банок», где простота сюжета граничит с полным его отсутствием, справа намечены две массивные фигуры, склонившиеся над рядами сосудов. Весь левый угол композиции искрится вспышками, звездами бликов, играющих на поверхности стекла. Подобно древним китайцам, писавшим не тучи, а «волнение туч», А. Лимарев пишет не банки (что ему до них?), а сверкающий праздник. Этот устойчивый интерес к светоносным субстанциям мира, потребность их запечатлевать позволяют говорить о космичности мироощущения художника, о понимании им первоосновы гармонического жизнеустройства, прелесть которого художник познал наедине со степью, кустом шиповника, небом и холстом...

Ольга ПЕТРОВА

ПАМЯТИ М. ВАЙНШТЕЙНА. 1982.

КООПЕРАТИВЫ ЗАКРЫВАЮТСЯ

Начало на стр. 14.

стно заметил: «Постановление от 29 декабря — это реакция на конкурента: «бороться с ним не экономическими методами, а физическими — административными».

В кооперативе «ЛиК», о котором уже писал «Огонек» (№ 51, 1988 г.), в январе еще прерывали беременности. Женщин в гинекологическом отделении к вечеру было уже немного — те, кто пришел на операцию раньше, уже ушли домой. Заведующая отделением показала свое хозяйство: светлые, чистенькие двухместные палаты, в каждой — отдельный туалет и душ, есть комната отдыха.

Захожу в одну из палат. На кроватях, застеленных ослепительно-белым бельем, лежат две женщины — одна совсем молоденькая, другой чуть за тридцать. Первая делала аборт впервые. Вторая пациентка может сравнить обслуживание здесь и в обычной больнице.

— Сравнить просто невозможно... Пришла сюда в 12 часов в удобный для себя день. Сразу сделали все анализы, получила консультацию. Во время операции ничего не чувствовала, никакой боли, дали наркоз. Пришла в себя уже в палате и сразу — внимание. Сейчас пойду домой. Завтра на работу. За все заплатила семьдесят рублей и не жалею. В поликлинике я бы неделю анализы сдавала, неделю очереди бы ждала. В больнице: в палате десять человек, грязь, туалет на весь этаж один, когда на операцию идешь, жалеешь, что на свет родилась... А здесь слова грубого не слышала. Значит, говорите, завтра такой помощи не будет? А что будет?..

Реально ли такое обслуживание в государственных больницах? Думаю, что в ближайшее время нет. У нас в стране очередь на аборты. Очередь на госпитализацию плановых больных. И все это — недостаточность пропускной способности бюджетного здравоохранения.

Валерий Леонидович Гланц, первый заместитель председателя кооператива, объяснил, что они оказывали этот и другие виды услуг в рамках сотрудничества с Главным управлением здравоохранения города.

— Сейчас запрещены все виды хирургической помощи. И мы будем искать пути и методы, чтобы обойти это постановление. И не только потому, что не можем оставить без работы хирургов и гинекологов. Самое главное — что есть спрос на эти виды помощи. Постановление отсекает часть медицинских работников, которая просто не сможет подрабатывать. Все это приведет к падению престижа этих важных врачебных профессий. Как можно хирургам, которые у себя в клинике делают сложнейшие операции, запретить заниматься тем же в кооперативе?

В настоящее время «ЛиК» сотрудничает с Главным управлением здравоохранения Москвы. Уже сегодня работает однодневный детский стационар ЛОР. Этот стационар «ЛиК» предоставил москвичам. Условия прекрасные. Кооператив оплачивает и работу персонала, и эксплуатацию оборудования, и материалы. В общем, все. А главк распоряжается местами в стационаре, которые распределяет по районам столицы. Операции делают бесплатно, за счет кооператива. Зависимость здесь прямая — чем лучше будут идти дела «ЛиКа», тем больше лечебной помощи он окажет городу. Раньше «ЛиК», как и все другие кооперативы, отчислял городу от прибыли рубли. Теперь намеревается отчислять не деньги, а предоставлять часть своей непосредственной работы. Это сегодня нужнее.

Чего боятся ведомства, отрицая и не приемля столь очевидную выгоду для всех? Кооперативная медицина медленно, но верно встает на ноги. Уже в скором времени мы будем иметь (если кооперативы не запретят вовсе) параллельные системы здравоохранения: государственную, в которую входят бюджетная и хозрасчетная формы, индивидуальную и кооперативную. И это обязательно потребует введения действенного вневедомственного контроля за здравоохранением. По существу, такой орган уже есть — это комиссии исполкомов местных Советов по здравоохранению, комиссии Верховных Советов республик, комиссия Верховного Совета СССР. Но до сих пор реальная власть в руках ведомств, а не Советов. Именно поэтому ведомство решает, какие нам с вами нужны медицинские кооперативы, а какие нет.

Появление постановления можно объяснить только очень большой растерянностью тех, кто ни в коей мере не заинтересован в расширении и здоровом развитии кооперации в стране. А растеряться есть от чего, ведь развитие кооперации «цивилизованной» способствует отмиранию многих функций министерств и ведомств, нарушает их монополию.

Почему кооперативам запрещено производить кино- и видеопродукцию? Ведь она проходит то же утверждение, что и государственная кино- и видеопродукция. Мы, зрители, будем платить за билет на кинофильм, произведенный кооператорами, столько же, что и за любой другой. Наши с вами интересы тоже не нарушаются. Кто же тогда страдает от того, что эти кооперативы существуют?

Кооператив по производству и прокату фильмов «Подарок» при Киностудии имени Горького в настоящее время фактически прекратил свое существование. Здесь молодой, но уже достаточно известный режиссер Василий Пичул, автор фильма «Маленькая Вера», снимает свой новый фильм. Никаких проблем у кооператива не было. Их довольно быстро зарегистрировали, студия дала возможность использовать помещения и аппаратуру, нашелся покупатель, под поручительство которого банк предоставил кредит на полмиллиона рублей. Сняли уже одну треть фильма. Кстати, пленка, на которую они снимают, и кое-какая аппаратура поставляются им итальянской фирмой. С этой фирмой, согласно постановлению Совмина «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций», собирались 1 апреля этого года заключить контракт, но... 29 декабря вышло другое постановление. И как теперь объяснить иностранцам логику этого документа, если мы сами ничего понять не можем?

Председатель кооператива «Подарок» Марк Левин сейчас находится в сложной ситуации. Банк прекратил выплаты кредита.

— В начале января в районном банке мне объяснили, что мы не только лишены возможности пользоваться кредитом, но должны еще возместить банку ущерб. Это значит, что мы на сегодняшний день должны банку 79 тысяч рублей! А у меня их нет. У нас есть только треть отснятого нами фильма, и все. Еще у меня есть счета, которые я должен оплатить. Пока мы уговариваем людей работать без денег. Но еще немного, и все станут расходиться.

Один юрист, услышав от меня грустную историю про «Подарок», сверкая глазами, объяснял, что не кооператоры должны отдать банку 79 тысяч, а государство должно выплатить кооператорам компенсацию в размере приблизительной прибыли, которую они должны были получить. «Да, да,— кричал он,— только надо требовать!» — и при этом рубил воздух своей хилой, интеллигентской рукой. Он был прав, этот юрист. Прав в том, что нельзя ждать, когда вопреки всем законам с тобой разделаются окончательно.

И поэтому не случайно именно в те январские дни все-таки состоялся долгожданный учредительный съезд кооператоров страны, где был учрежден Союз кооперативов СССР. Председателем Союза избрали молодого члена Московской ассоциации кооперативов Владимира Сорокина.

— Сегодня усилились тенденции командно-бюрократической системы заорганизовать кооперацию. Поэтому родился естественный протест и кооператоры решили взять инициативу в свои руки. Наш съезд реально показал, как единодушно делегаты от многих регионов нашей страны высказались за идею создания Союза кооператоров. Постановление от 29 декабря нанесло удар по кооперации. Мне кажется, оно не отвечает и не соответствует тому направлению, которое взяла на себя сейчас партия. Мы подготовим документ, в котором будет осуществлен подробный анализ этого постановления, и передадим его в Верховный Совет СССР.

Система правовой защиты кооператоров необходима. И она должна осуществляться правоохранительными органами без требования кооператоров защитить их. Никакие коллективные письма и требования не заменят той системы, когда любой кооператор сможет быть защищен, как, впрочем, и любой гражданин, от произвола и беззакония. К сожалению, кооперативы, которые в основном попали под постановление: медицинские, кинопроизводства, издательские, педагогические,— еще толком на ноги-то встать не успели. Многие так и не дождались первых экономических результатов своего труда. И они в отличие от общепитовских, швейных и других, которые на виду у населения, просто не могли вызвать какого-то недовольства со стороны потребителей. А ведь основной мотив попыток хоть как-то оправдать запрещение подается через «многочисленные письма и обращения возмущенных граждан».

В письмах, которые редакция получила после Нового года, многие читатели спрашивают: неужели существование кооперативных школ больше попирало бы принципы социальной справедливости, чем репетиторство? Репетиторы, они что, на благотворительных началах работают? А чем руководствовались, когда вносили в «черный список» издательскую деятельность? Кооперативные издания и так в большинстве своем существуют на унизительных правах при государственных издательствах. Нет специальных фондов, которые обеспечивали бы кооперативы бумагой,— они вправе использовать только остатки от основного производства. Что уж тут запрещать, когда и так реально осуществлять достойную кооперативную издательскую деятельность просто невозможно.

Наверное, не надо искать логическое объяснение в тех вещах, где его просто нет. Не надо, торопливо защищая «хорошие» кооперативы, оставлять в списках постановления кооперативы «плохие». Ведь кооперация — это определенная форма организации, производства и распределения. И именно поэтому она должна стать действительно равноправной с другими секторами экономики страны. Это и заложено в Законе. А потому привязывание кооперативов к госпредприятиям (в списке № 2 постановления) просто лишено всякой логики и противозаконно, как отметили уже в публикациях юристы и экономисты. Кооператив действительно имеет право делать все, что не запрещено и государственным предприятиям.

А что касается того, что и так запрещено законодательством,— зачем это запрещать дважды? В «Известиях», обсуждая это постановление, ответственный работник Совмина СССР говорил, что людей возмущает и беспокоит фальсификация кооператорами некоторых медицинских препаратов. Там же приводится пример, когда в одном кооперативе обнаружили, что облепиховое масло было разбавлено на 50 процентов подсолнечным маслом. Что делать с этим кооперативом? Господи, да то же самое, что делают, когда в государственном магазине обнаруживают, что сметана разбавлена кефиром, а молоко водой! Не надо ничего придумывать специально для кооперативов. А если следовать логике запрещения этого кооператива, то тогда надо немедленно запретить не только продажу молока и сметаны в этом магазине, но и запретить всем остальным государственным магазинам заниматься торговлей навсегда.

По данным многочисленных социологических опросов населения, которые были проведены в последнее время, четко прослеживается тенденция «потепления» в отношении к кооперативам. Основой негативного отношения к кооперативам и кооператорам являлось и является непонимание действий реальных экономических законов. Инженера с окладом в 120 рублей возмущает, что бифштекс в кооперативном ресторане стоит шесть рублей. Тогда как стоимость сего блюда складывается из реального экономического подсчета. Возмущаться надо другим. Тем, что у нас инженер получает 120 рублей, и попытаться понять, из каких реальных подсчетов сложилась эта цифра.

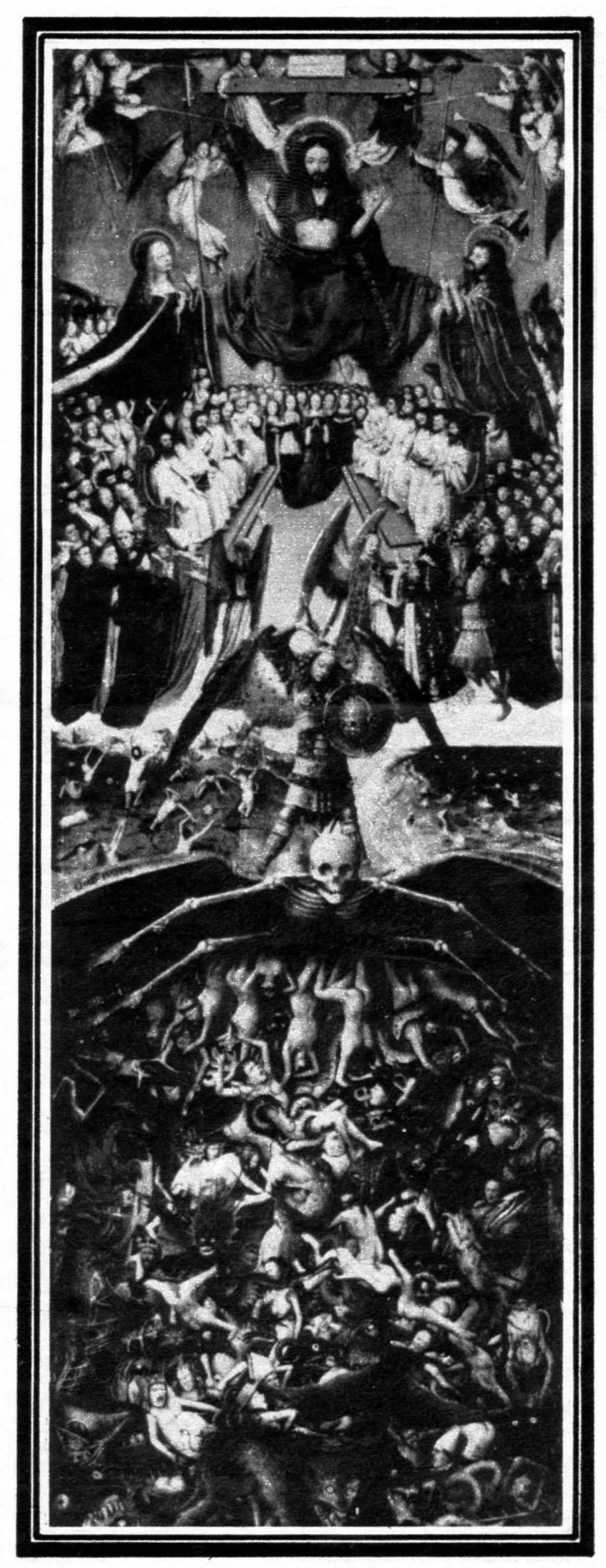
А пока налицо явный перенос отрицательной энергии населения на кооперативы. По подсчетам кооператива «Факт», только один из десяти человек, приходящий в кооператив, понимает, каким образом устанавливается цена. Но тот же «Факт» провел исследования, которые показали, что процент людей, считающих кооперативы делом нужным, растет из месяца в месяц. Увеличивается и число контактов населения с кооперативами, увеличивается число людей, желающих работать в кооперативе. Все это и многое другое способствует повышению культуры экономического сознания людей.

Постановление наносит вред не только тем, что оно что-то запрещает. Последствия его могут принять в скором будущем криминальный оттенок. Так, уже сейчас известны случаи, когда кооперативы вынуждены выплачивать значительную часть своей прибыли государственным предприятиям. Просто за заключение договора. Можно представить себе, к чему приведет делегирование полномочий Советам Министров союзных республик «определять при необходимости другие виды деятельности (помимо предусмотренных настоящим постановлением)». А скольких кооператоров постановление толкнет, из страха перед завтрашним днем, на зарабатывание денег любой ценой? До репутации ли, когда завтра, быть может, еще с десяток видов деятельности окажется под запретом?

«Цивилизованным кооператором» можно стать, только находясь в цивилизованных условиях выживания. Таких у нас пока для кооперации нет. Рычаги регулирования остаются прежними.

Александр МОСЯКИН

ПРОДАЖА

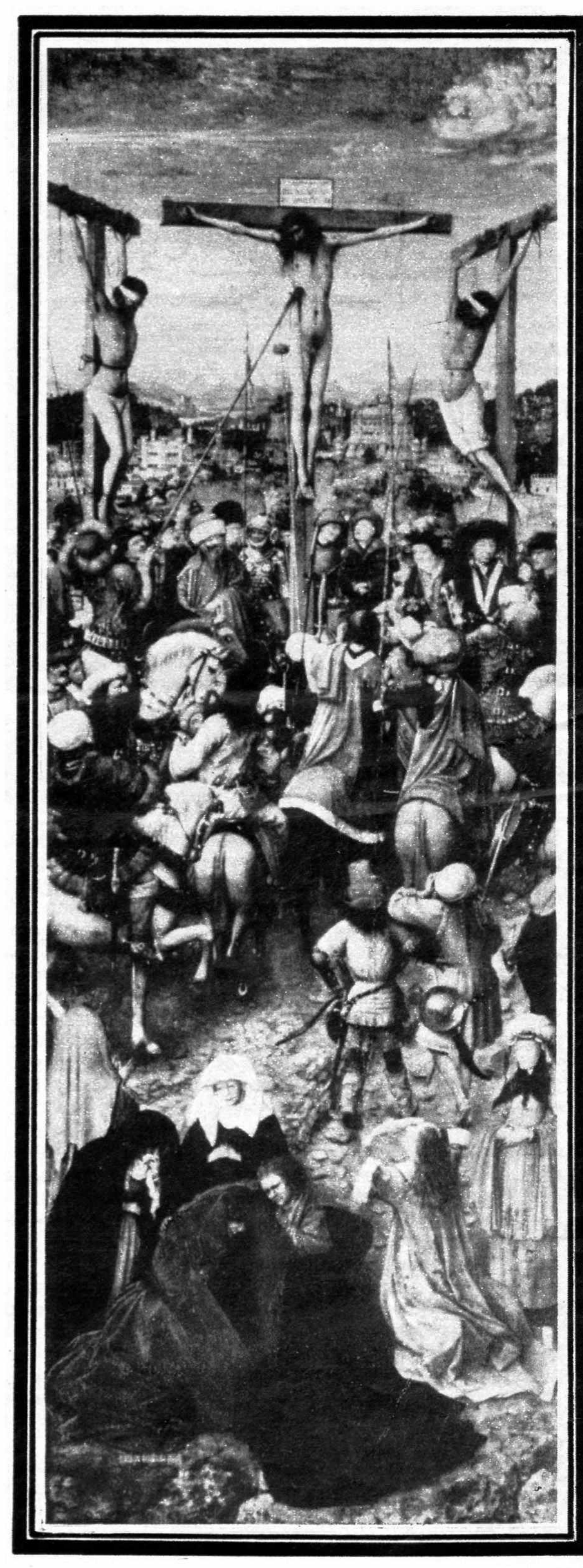
III. БИЗНЕС ПО-СТАЛИНСКИ

Что же произошло? Почему сокровища культуры, накопленные трудом поколений российских собирателей и мастеров, оплаченные пóтом и кровью народа и ставшие его достоянием, постигла такая участь? Каковы причины и цели случившегося и можно ли было сего избежать? От оппонентов мне доводилось слышать разное, но лейтмотивом звучали ссылки на объективные трудности и внешние обстоятельства, которые вынудили нас сделать это. На «костлявую руку» империализма ссылается и академик Б. Пиотровский, выстраивая на первый взгляд убедительное обоснование: кольцо врагов — благородные цели — альтернативы не было. Но так ли это? Обратимся к фактам.

Во всей совокупности описанных здесь событий можно выделить три основных периода с пиками в 1928—1933 годах и три группы взаимосвязанных аспектов: экономических, политических, идеологических. Видимо, идея использования культурных ценностей страны не только в культурных целях родилась вскоре после начала национализации частных художественных собраний, когда в руках подключенных к экспроприации ведомств (ВЧК, Наркомпроса, Наркомфина) оказалась масса неучтенных ценностей, равнозначно отчужденных как от бывших владельцев, так и от народа, а это порождало большие соблазны. И не случайно, едва взошла звезда экспроприации, как «бриллиантовые курьеры» из Советской России с секретными миссиями задерживаются в Риге и в Нью-Йорке. А весной 1922 года, в разгар кампании по изъятию ценностей из церквей, музеев и особняков, Л. Д. Троцкий записал: «Конфискация художественных ценностей из этих учреждений имеет особую задачу, для которой сейчас ведется политическая подготовка по разным направлениям. Вряд ли кто, даже самый отчаянный, представляет себе, сколь многообразные плоды может принести эта операция».

Первые сделки носили спорадический характер, и механика их весьма туманна. Но достоверно известно, что в 20-е годы одним из центров торговли художественными ценностями был Ревель (ныне Таллинн). Сюда со всех концов России легально и контрабандным путем стекались произведения искусства, бриллианты, платина, золото, которые отправлялись за границу в обмен на продукты питания и иные товары. Впрочем, каналы поставок были многообразны. Известно также, что в 1923 году партию антиквариата в комиссионный магазин Стокгольма (как, думаю, и партии бриллиантов в магазины Антверпена и Амстердама) завезла советская торговая делегация.

Факт знаменательный. Ведь именно торгпредствам, наделенным в 1925 году исключительными правами на ведение экспортно-импортных дел, суждено будет сыграть в этой истории ключевую роль. Через советское торгпредство в Берлине были организованы «немецкие аукционы», а о «культурной деятельности» в США знаменитого Амторга (глава П. Богданов, при содействии Саула Брона и Бориса Сквирского — главы Советского информационного бюро в Вашингтоне) можно писать детективные романы. Да это и была детективщина со спецагентами, тайными банковскими счетами, каналами утечки, пе-

ГУБЕРТ ВАН ЭЙК. «Страшный суд» и «Распятие». Створки триптиха. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

(Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 6, 7.)

ревалочными «базами хранения» (одной из крупнейших «баз» были подвалы Дома книги на Невском проспекте) и пр. Словом, была создана разветвленная «кровеносная система», по которой растекалась по миру река наших сокровищ. Сердцем и мозгом системы был Наркомат внешней торговли, который в 1926 году возглавил Анастас Микоян. И когда под его крышей взгнездилось Всесоюзное объединение «Антиквариат»,— гигантский насос по перекачке культурных ценностей за рубеж заработал. Зачем?!

Если цели были экономические, то речь идет о валюте, а значит, о состоянии нашей внешней торговли, от которой зависело валютное благополучие страны. Это была очень важная проблема, ведь поднять хозяйство на индустриальной основе было нельзя без достаточного ввоза машин и сырья. Но ввозить можно было только на деньги, вырученные от экспорта, ибо большим золотым запасом мы тогда не обладали. Поэтому XIII, XIV и XV съезды партии в своих резолюциях призывали: «Строить план внешней торговли с обязательной установкой на активный баланс. Активный торговый баланс наряду с увеличением добычи золота в стране является основным источником образования валютного резерва». Однако, выступая на XV съезде ВКП(б), Микоян заявил: «Наша внешняя торговля, наш экспорт и импорт по сравнению с довоенным временем являются наиболее отсталыми отраслями нашего хозяйства... А так как экспорт наш отстает, то мы не удовлетворяем нужд страны в импорте. Это касается и сырья, и машин, и средств потребления».

Но что мешало развиваться нашему экспорту? Многие валят все на экономическую блокаду. Это не так. Уже с 1922 года мы регулярно получали крупные кредиты от Международного кооперативного альянса, от частных банков и на правительственном уровне. Были, конечно, и трудности, доходило и до блокад. Но трудности чаще всего заключались в нас самих («виной тому — недостатки нашего торгового аппарата, неумение работать». А. Микоян), ну а играя на алчности и противоречиях капиталистов, мы успешно разрывали цепи любых блокад. Например, после известного ультиматума Великобритании СССР получил кредиты в Австрии на 100 млн. шиллингов, в Норвегии на 4 млн. крон, а с июля 1926 года начал пользоваться кредитом в 300 млн. марок, гарантированных правительством Германии. Так что корень зла не в этом. А в тех процессах, которые протекали тогда в жизни общества и в том числе на международной арене и которые коренным образом сказались на состоянии нашей экономики и внешней торговли. Они сейчас хорошо известны благодаря публикациям статей, где говорится о просчетах индустриализации и коллективизации в 20—30-е годы, поэтому я остановлюсь на тех вопросах, которые наши экономисты и публицисты пока не затрагивали.

В наших учебниках истории можно прочесть тривиальную фразу о том, как в феврале 1930 года папа римский, «муссируя ложь» о преследовании религии в Советском Союзе, призвал к «крестовому походу». На Советский Союз возводился поклеп, что он якобы применяет у себя принудительный труд, позволяющий ему выбрасывать на мировой рынок товары по ценам ниже себестоимости, с тем чтобы дезорганизовать хозяйство капиталистических стран... Эта кампания была заранее подготовлена и проводилась реакционными кругами ряда стран с целью свалить на СССР ответственность за тяжелые последствия для трудящихся мирового экономического кризиса. Не хочу спорить с авторами этой концепции. Уже отрицание религиозных гонений и принудительного труда в сталинское время ставит ее под сомнение. Но экспорт по заниженным ценам был, потому что был ГУЛАГ, производивший треть нашей экспортной продукции (лес и лесоматериалы, природное сырье, полуфабрикаты), и ее себестоимость включала лишь расходы на потребленные материальные ресурсы и исключала зарплату, которую узникам платить не полагалось, что позволяло занижать цены и повышать конкурентоспособность экспортных товаров.

Роль ГУЛАГа в экономической системе сталинизма у нас не исследована, а между тем она была значительной. ГУЛАГ решал ряд стратегических задач: существенно уменьшал массу свободных рабочих рук, а значит, и массу обращающихся денег, нанося удар по товарному голоду и инфляции и позволяя «безболезненно» понижать цены, повышать зарплату и отменять карточную систему; производил огромное количество дешевых товаров для внутренних нужд, а главное — на экспорт, повышая эффективность экономики и возможности накопления валютных резервов; работал на оборону и создавал в лице десятков тюремных КБ бесплатный конвейер научно-инженерных разработок; и, наконец, через карающие органы (вершина ГУЛАГа) оказывал устрашающее воздействие на людей, парализовывал их волю к проявлению недовольства. Ну а чтобы ГУЛАГ имел прочную базу и у народа не возникало сомнений в правильности курса, была раздута кампания во славу «вождя народов» и изобретена теория «кольца врагов» — внешних и внутренних,— на которых, как на козлов отпущения, списывали все грехи.

РЕМБРАНДТ. «Польский гетман». Национальная галерея, Вашингтон.

В январе 1933 года, когда людей, словно чума, косил жутчайший голод, на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) Сталин разглагольствовал о невиданном подъеме нашего сельского хозяйства, а в марте того же года решением коллегии ОГПУ были расстреляны без суда 35 руководящих работников Наркомзема СССР за «диверсионную деятельность» и «использование служебного положения для создания голода в стране». И так было всегда. Провалы в экономике рождали кощунственную демагогию; она нагнетала атмосферу подозрительности и страха, в которой НКВД собирал зловещий урожай в жернова ГУЛАГа; ГУЛАГ удерживал экономику на плаву. Он был дьявольской уловкой и «ангеломхранителем» сталинского режима, ибо не только олицетворял дичайший произвол, но и делал жесткую экономическую систему гибкой, позволял маневрировать, выполняя роль предохранительного клапана в паровом котле.

Процессы конца 20-х годов: «реформа цен», сползание на рельсы командно-приказной экономики, продразверстка, ГУЛАГ — создали необычайно благоприятную ситуацию для Наркомвнешторга. Он получил в свои руки «дешевый» хлеб, изъятый у крестьян, и массу сверхдешевых товаров, сработанных «рабами» ГУЛАГа. Осталось только воспользоваться подарком. И им воспользовались...

Поначалу сходило с рук. Но когда над Западом грянул гром «великой депрессии», он воспринял это как удар ниже пояса, и его реакция была оглушительной. Уже в конце 1929 года группа французских учреждений и фирм, занятых торговлей с СССР, создала «консультативный комитет» для регулирования торговли с Советским Союзом. Вскоре стали налагаться аресты на ценности, принадлежавшие советскому торгпредству в Париже, и к весне 1930 года советско-французская торговля оказалась в тяжелом состоянии.

Резкие выступления против экспорта советского леса и лесоматериалов прокатились по Англии. Английское правительство даже потребовало провести обследование условий труда на наших лесозаготовках — вотчине ГУЛАГа. Начался откровенный прессинг монополий США, Англии и Голландии против экспорта советской нефти, для чего известный англо-голландский нефтяной магнат Детердинг специально ездил в Америку. В свою очередь, министр финансов США вместе со своим французским коллегой совершили консультативные поездки по Европе с целью принятия антисоветских торговых санкций, а в июне 1930 года в США вступил в силу тарифный закон Хоули — Смута, дискриминационный по отношению к СССР.

Американскому примеру в октябре последовала Франция, издав декрет об ограничении импорта из Советского Союза леса, льна, хлеба, сахара, патоки, клея, желатина, мясопродуктов. Но что интересно: на нефть — самую крупную статью советского экспорта во Францию, к которой имел отношение Гульбенкян,— декрет не распространялся (!). К бойкоту присоединились правительства Югославии, Венгрии, Румынии, Бельгии, других стран, и разгорелась торговая война. К осени 1930 года ситуация настолько обострилась, что Совет Народных Комиссаров СССР 20 октября вынес постановление об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с СССР, а Микоян был снят с поста наркома торговли.

Итоги этой акции оказались плачевными: резко упали объемы нашей внешней торговли, чем нанесен удар в спину индустриализации; были серьезно подорваны отношения с торговыми партнерами СССР (исключая Германию, которая, будучи крайне заинтересована в советских заказах и в расширении экспорта в СССР, помалкивала); был спровоцирован рост антисоветских настроений на Западе и обострились наши политические отношения накануне дебатов по проблеме коллективной безопасности в Европе, в частности по вопросу советско-французского пакта о ненападении; подорван международный престиж СССР. И лишь к середине 30-х годов благодаря усилиям советской дипломатии удалось в какой-то мере «замолить» грехи торгового ведомства. Вот почему так осложнилось наше валютное положение, и мы вынуждены были, несмотря на открытие колымского золота и германский кредит в 300 млн. марок, полученный в апреле 1931 года, наращивать экспорт продовольствия, зерна и культурных ценностей на валюту.

...Уже с 1929 года, когда над мировой системой капитализма сгустились тучи экономического кризиса, на американский рынок хлынул поток дешевых советских товаров — таких, как асбест, марганец, строевой лес, спички. Сначала американские дельцы с их экономическим мышлением не поняли, в чем дело. Но к 1930 году, когда такой экспорт достиг трети объема советской внешней торговли, госдепартамент и бизнесмены в один голос стали твердить, что лес и лесоматериалы, поступающие в США по неправдоподобно низким ценам, не что иное, как продукция заключенных в лагерях на берегу Белого моря и в Сибири, и потребовали наложить на них эмбарго, так как эти товары подрывали устойчивость американского рынка. 19 мая 1930 года Эндрю Меллон, как министр финансов, нашел, что американская спичечная промышленность «находится под угрозой от импорта в США спичек и спичечных коробков из Советского Союза, поскольку они продаются ниже их истинной стоимости», и согласился наложить на их импорт эмбарго. Однако вскоре Меллон переменился и стал откровенным поборником развития советско-американской торговли, чем вызвал всеобщее удивление.

Когда месяц спустя под давлением крупного бизнеса все же был принят тариф Хоули — Смута, Меллон запретил ввоз лишь тех советских товаров, в производстве которых используется подневольный труд. А поскольку доказать это было очень трудно, ввоз советского дешевого экспорта в США продолжался. Многие бизнесмены и официальные лица в администрации настаивали на гораздо более обширных ограничениях и нашли решение Меллона «незначительным и запоздалым». В августе того же года под давлением бизнесменов и президента Гувера Меллон совершает вояж в Европу для организации торговой блокады СССР, но результаты его поездки оказались незначительными, что вызвало раздражение в конгрессе и в деловых кругах. В феврале 1931 года Меллон допустил импорт дешевого советского марганца, в котором нуждались его алюминиевые и сталелитейные заводы. Это заметил Оддайя, сенатор от штата Невада, и, обвинив Меллона в протекционизме, потребовал расследования в конгрессе, что в условиях экономического кризиса грозило Меллону «импичментом» и крахом его карьеры. Чтобы спасти положение, он в апреле наложил временное эмбарго на импорт советского асбеста. Несмотря на это, в 1931 году объем советско-американской торговли достиг наивысшей точки.

Довольно терпимая позиция Меллона и допущенные им ошибки дорого стоили ему. Консервативное крыло конгресса, влиятельные промышленники и лидеры Американского легиона добились его отставки, обвинив Меллона в том, что своей деятельностью он способствовал «возникновению и развитию экономической депрессии». В феврале 1932 года «эра Меллона», пережившего на посту министра финансов США трех американских президентов, подошла к концу. Тогда же палатой представителей конгресса была создана комиссия для «расследова-

ния деятельности СССР» во главе с Г. Фишем, которая констатировала, что источником сверхдешевого советского экспорта в США является «применение принудительного труда в сталинских лагерях», и потребовала закрыть Амторг, выслать из страны советских сотрудников, наложить эмбарго на импорт марганца из СССР и ввести новые иммиграционные законы, запрещающие въезд в Соединенные Штаты иностранных коммунистов. В 1932 году объем советско-американской торговли упал в 8 раз, и понадобилось немало времени и сил, чтобы вывести ее из «пике».

Вы спросите, а при чем тут картины? Судите сами. В 1930 году в СССР и в США начались параллельные секретные переговоры: в Ленинграде глава антикварной фирмы «Ноудлер энд компани» Чарльз Хеншель обсуждал с руководством Антиквариата (а значит, и Наркомвнешторга) условия приобретения 25 эрмитажных картин, а в Вашингтоне по поручению Хеншеля и с ведома Антиквариата аналогичные переговоры с Эндрю Меллоном вел Кармен Мессмо. В конце апреля соглашение на весьма прозрачных условиях было достигнуто, и сразу же Меллон приобрел за 115 000 фунтов стерлингов «Портрет молодого человека» Хальса, «Польского гетмана» и «Девушку с метлой» Рембрандта. С этого момента началось регулярное пополнение меллоновской коллекции в поразительном соответствии с политической ситуацией. Это была игра, в которой каждая из сторон блюла свой интерес.

Видимо, задаток, который на трансатлантическом лайнере «Олимпик» Хеншель доставил в Нью-Йорк, Меллону чем-то не понравился, и он 19 мая одобрил эмбарго на импорт советских спичек. Но стоило ему это сделать, как его вниманию предложили портрет жены Рубенса Изабеллы Брант, и 27 мая он перевел за него на счета «Ноудлер энд компани» 46 000 фунтов стерлингов. А 4 июня, накануне принятия тарифа Хоули — Смута, Меллон получил «Благовещение» Яна ван Эйка, которое Николай Ильин, глава Антиквариата и особо доверенное лицо Микояна, привез в Берлин и лично передал Хеншелю. В июле — ноябре, в период европейского вояжа Меллона и связанных с ним дел, с берегов Невы в его вашингтонский особняк перекочевали «Женщина с гвоздикой» и «Турок» Рембрандта, а также портреты лорда Филиппа Уортона, Сусанны Фоурмен с дочерью и «Портрет фламандки» Ван Дейка. И, наконец, в январе — апреле 1931 года, когда судьба Меллона и советского экспорта в США висела на волоске, настала пора супершедевров. Картины Рафаэля и Тициана, Боттичелли и Перуджино, Рембрандта и Веласкеса вкупе с полотнами Веронезе, Хальса, Ван Дейка, Шардена украсили меллоновский особняк. Меллон сдался и, отметая «недостойные» обвинения, прочно держал штурвал советско-американской торговли в своих руках. И заодно хранил в тайне свою коллекцию. Думаю, ясно, почему. Ну а когда тайное стало явным, для спасения репутации ему ничего не оставалось, как подарить свои сокровища американскому народу, что он скрепя сердце и сделал.

Предвижу возражения: ну и правильно, цель оправдывает средства, ведь все делалось во имя индустриализации. Но до конца 20-х годов советско-американская торговля успешно развивалась, а об ограничении советского импорта из США, который нужен был американцам, как воздух, речи вообще не шло! Сыр-бор разгорелся, когда Наркомвнешторг затеял авантюру с «бросовым экспортом», которая в период кризиса била американцев поддых, раскалила антисоветские страсти и бумерангом ударила и по нашей торговле, и по нашим музеям.

Ну а чтобы было понятно до конца, приведу выдержку из конфиденциального письма, которое личный посланник Хеншеля Дэви отправил в марте 1930 года своему патрону из Советского Союза. Говоря о трудностях, с которыми он сталкивается в борьбе с конкурентами за Эрмитаж, Дэви пишет: «Я попрошу моего друга дать мне визитку для директора Эрмитажа, который покажет мне все, чтобы я мог составить наилучшее представление... Через моего друга я смогу получить любые картины, какие пожелаю, просто дав ему щепотку комиссионных в размере 10 или даже 5 процентов». Как видите, все очень просто: «щепотка комиссионных» — и «Ноудлер энд компани» получит все, что пожелает. Кто это высокопоставленное лицо, которое должно было свести Дэви с директором Эрмитажа, пока неизвестно. Но ясно одно: речь идет о взятке. Вопрос стоял настолько серьезно, что по получении письма в Ленинград немедленно прибыл сам Хеншель. Правда, поездка произвела на него гнетущее впечатление. По его словам, из-за незнания русского языка он вынужден был целыми днями просиживать в своем номере в «Астории», поглощая в беседах с «друзьями» из Антиквариата непотребные дозы водки и черной икры. Судя по всему, его просто спаивали... Чудненько! Одни давали взятки, другие спаивали. Так в атмосфере взаимопонимания и полного единства взглядов и торговали Эрмитажем во имя «священных целей» индустриализации...

В дополнение скажу, что в это время, когда из-за внешторговских авантюр серьезно ухудшились возможности получения нами иностранных кредитов, у ряда ведущих банкиров оказались выдающиеся коллекции русского ювелирного и прикладного искусства и церковных ценностей. Вспомним хотя бы коллекции семейств Морганов, Рокфеллеров и Ротшильдов, а также барона Тиссена-Борнемиса-старшего, имевшего обширные связи в деловых и аристократических кругах Европы.

Говоря о «бросовом экспорте», я затронул еще один аспект использования культурных ценностей — политический. Это тема глобальная и требует отдельного разговора. Я упомяну лишь некоторые факты.

Год 1920-й. Война с белопанской Польшей. Начав ее как оборонительную акцию по отражению агрессии, мы вскоре перевели ее в разряд войн классовых: авангарда мирового империализма против «отечества рабочего класса всех стран». Перед Красной Армией были поставлены классовые задачи: свергнуть власть буржуазии и помещиков в Германии и в Польше и установить там Советскую власть. Приказ, изданный командармом Тухачевским по инициативе предреввоенсовета республики Троцкого, гласил: «...на штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. Вперед, на Запад! На Варшаву! На Берлин!»

Как показали события, это была оторванная от мировых реалий акция. Поляки увидели в штыках Красной Армии не символ классового освобождения, а символ национального порабощения и, сплотившись вокруг правительства Пилсудского, при огромной военно-финансовой помощи стран Антанты отразили части 1-й Конной армии под Варшавой. В итоге мы вынуждены были предложить Польше, по словам Ленина, «выгодный для нее, невыгодный для нас мир», с серьезными уступками с нашей стороны. И по Рижскому мирному договору между РСФСР, УССР и Польшей, в возмещение понесенных поляками материальных потерь, мы передали им культурные ценности, в том числе около ста скульптур из Летнего сада в Петрограде.

Осень 1922 года. Берлин. «Первая русская художественная выставка» в галерее Ван Димена — сплетение искусства, коммерции и политики. Сложности с организацией и отбором работ, недополучена прибыль, но «пропагандистский эффект оправдывает все»,— скажет о выставке Луначарский. Как и Генуэзская конференция, она символизировала не только политическое сближение Советской России и Германии, но и прорыв в кольце блокады западных стран. В 20-е годы в Германии состоялась серия выставок современного русского искусства, имевших политико-пропагандистскую направленность. В их организации принимали участие Наркомпрос, Наркоминдел, официальные германские ведомства, а также жившие в эмиграции русские художники-авангардисты, и прежде всего Василий Кандинский. Волна аналогичных выставок прокатилась тогда по Америке. Их организовывали Кристиан Бринтон, «Американское общество за культурные связи с Россией» и ВОКС. Живейшее участие в них принимали русские художники-эмигранты, в том числе Николай Рерих. Все эти выставки, помимо культурных и коммерческих, преследовали политические цели. Они создавали положительный образ Советского Союза в глазах мировой общественности и служили удобным средством наведения деловых и политических мостов на додипломатическом уровне. Им отводилась примерно та же роль, какую сейчас играет «народная дипломатия». Но не только.

Как правило, крупные советские выставки в Америке сопровождались кампанией по установлению дипломатических отношений с СССР. Одна из них развернулась в начале 1924 года, накануне открытия в Нью-Йорке «Русской художественной выставки», которую привез Грабарь. Ее инициаторами были бывший глава американской миссии Красного Креста в России Раймонд Робинс и сенатор Вильям Борах, которые в личных беседах с президентом Кулиджем и государственным секретарем Хагсом настоятельно убеждали их признать Советский Союз. Эту кампанию поддерживали группа лиц из ближайшего окружения Хаммера и ряд заинтересованных коллекционеров и дельцов, финансировавших выставку.

Год 1927-й. После разрыва дипломатических отношений с Англией резко обострились наши взаимоотношения с Китаем и Польшей. В целях провоцирования польско-советского конфликта было организовано убийство советского полпреда в Польше Войкова. Но войны не получилось. Обе стороны проявили благоразумие и сделали ряд умиротворяющих шагов. В их числе была передача Польше в 1928—1929 годах сокровищ, вывезенных оттуда до революции. Был возвращен цикл картин Бернардо Белотто «Виды Варшавы», «Портрет Мартена Соольманса» Рембрандта, «Беление полотна в окрестностях Гаарлема» Якоба ван Рейсдаля, «Приморский пейзаж» Симона де Влигера и ряд других произведений, главным образом из Лазенковского дворца в Варшаве. Была возвращена и национальная реликвия Польши — коронационный меч польских королей — знаменитый «Щербец», хранящийся ныне в Вавельском замке в Кракове. Он пропал оттуда в 1795 году, после нашествия австрийцев, и впоследствии оказался в коллекции Базилевского, откуда поступил в Эрмитаж.

Два года спустя был преподнесен еще один политический дар. Правительству Греции подарен прах с надгробием последней представительницы «голубой крови» византийских императоров Палеологов из Петропавловского собора в Ленинграде.

1932—1933 годы. После падения Меллона и доклада комиссии Фиша советско-американские отношения впали в состояние депрессии. СССР разместил заказы в Германии, Англии и Италии, что ударило по интересам большого заокеанского бизнеса, заинтересованного в рынках сбыта. В июне 1932 года Торговая палата США опубликовала меморандум, в котором предлагала нормализовать торговые отношения с СССР. Аналогичное требование выдвинули более 200 промышленников и банкиров Американо-русской торговой палаты. Но администрация и большинство членов конгресса были против. Понадобилась смена президента и большая «разъяснительная работа», чтобы советско-американские отношения вошли в здоровую колею. И в том немалая заслуга принадлежала семейству Хаммеров.

Я уже говорил, что условия интригующей сделки «карандаши — бриллианты» до сих пор неизвестны. Но является фактом, что, вернувшись в Америку, Арманд Хаммер развернул кипучую деятельность по повороту делового и политического мира США лицом к СССР. Поверенный адвокат Хаммера Генри Холлис имел обширные связи в ближайшем окружении Франклина Рузвельта, и Хаммер решил этим воспользоваться. 28 июля 1932 года он сообщил Холлису о своем намерении оказать финансовую и моральную поддержку Рузвельту в его предвыборной борьбе. Холлис немедленно написал рекомендательное письмо советнику Рузвельта Луису Хауи, в котором убеждал его, что «нам не обойтись без поддержки таких людей, как доктор Хаммер и его друзья». Во-первых, это деньги; к тому же Хаммер владел винным и спиртным производством во Франции (а одним из главных лозунгов Рузвельта была отмена «сухого закона» в США); и, наконец, «Хаммер пользуется уважением в России и имеет прекрасные связи с ее нынешним правительством, что особенно ценно». В тот же день Хаммер написал личное письмо Рузвельту, в котором предлагал свои услуги и убеждал его в необходимости официально признать СССР в случае избрания президентом. «После многих лет моего бизнеса в России я, как американский гражданин, сердечно приветствовал бы такое признание»,— писал Хаммер. И с этого момента между Хаммером и Рузвельтом установились самые теплые отношения, хотя познакомились они годом раньше в Париже. А за день до того состоялась знаменательная беседа Рузвельта с московским корреспондентом «Нью-Йорк таймс» У. Дюранти, во время которой, по словам последнего, Рузвельт проявил «разносторонний интерес и глубокое знание советских дел». Об этой встрече сообщается в наших исследованиях по истории США, но не сообщается, что Уолтер Дюранти был близким другом Хаммера по Москве и именно он, Дюранти, написал предисловие к его книге «В поисках сокровищ Романовых».

Сделав ставку на Рузвельта, Хаммер стал ненавязчиво и умело обрабатывать столпы американского общества. Делился опытом, советовал, убеждал и... дарил или устраивал по сходной цене произведения искусства из России, которые вместе с дубовыми бочками для виски и коньяка Хаммеры получали через Амторг.

Совокупность объективных посылок и усердных стараний (не только Хаммеров) принесла плоды. Лед взаимного недоверия начал таять. Весной 1933 года знакомый нам полковник Робинс совершил поездку в Москву, где в беседах со Сталиным и наркомом иностранных дел М. Литвиновым зондировал почву для установления дипломатических отношений, и в конце ноября они были установлены. По случаю этого события в Овальном зале Белого дома в присутствии Литвинова Хаммер преподнес президенту Рузвельту «символический» дар: коллекцию императорских драгоценностей, среди которых была модель великой русской реки Волги из золота, платины, бриллиантов и серебра, изготовленная в 1913 году в мастерской Карла Фаберже. Роберт Вильямс замечает: «Изменили ли продажи Хаммера общее мнение в пользу признания СССР, однозначно сказать трудно. Но что Хаммер прилагал усилия в этом направлении — несомненно».

А еще одна немаловажная деталь. Распродажа сокровищ шла через Виктора Хаммера, который содержал фамильную галерею и антикварный магазин «Эрмитаж» в Нью-Йорке. Так вот, все те годы в Советском Союзе в качестве заложника находился его сын, с которым он смог увидеться только после смерти Сталина...

Год 1937-й. Джозеф Дэвис сколотил в Москве коллекцию искусства, и в том же году, 4 августа, в Москве было подписано советско-американское торговое соглашение, по которому США предоставили СССР «безусловный и неограниченный режим наиболее благоприятствуемой нации» в торговле, и Дэвис немало способствовал его заключению. Но, думаю, соль не в этом. Ведь, по сути, американского посла озолотили за то, что он... проводил политическую линию Рузвельта на сближение с Советским Союзом, которая, как и торговое соглашение 1935 года, предопределила новый торговый договор. Так в чем же дело? А в том, что тридцать седьмой год — разгар «ежовщины», которая роковым образом подорвала доверие к СССР и могла сказаться на отношении Рузвельта к нам, что было нежелательно. Вот Молотов и одаривал Дэвиса и его супругу ради «нужной» информации — да так, что вызвал дипломатический демарш «обделенного» английского посла лорда Чилстона. Дары щедро сыпались на многих иностранных послов в зависимости от ситуации, важности персон и проводимой ими политической линии — взять хотя бы шведских посланников или Гарримана, который был не только бизнесменом и послом, но и советником президента Рузвельта по финансовым и промышленным делам.

Все это говорит о том, что культурные ценности были превращены Сталиным и его сподручными в политическое оружие. И еще любопытный факт. В 1929 году в разговоре с Хаммером, недоумевавшим по поводу абсурдных, с его точки зрения, распродаж, Микоян многозначительно изрек: «Пока забирайте картины, ладно. Мы не возражаем, если вы их возьмете на время. Но мы сделаем революцию в вашей стране и вернем их обратно» (?!). Не знаю, смеяться тут или плакать, но, видимо, в головах наших «вождей», откровенно позволявших дурачить себя, сидела мысль, что это лишь временная жертва, которая сторицей окупится в ближайшие дни.

Шутка ли сказать: на аукционе в Лейпциге в мае 1930 года полотно Рембрандта «Христос, исцеляющий больного» было продано за 4600 долларов, а когда месяцем раньше в Америке шло с молотка имущество дома Николая Рериха (где находилось около 300 картин всех европейских школ), самая дорогая картина (Эль Греко «Богоматерь и святая Анна») стоила 9500 долларов, а цена большинства исчислялась трехзначными цифрами: «Натюрморт» Ренуара — 1000 долларов, «Распятие» Альтдорфера — 800, «Битва амазонок» Рубенса — 675, «Поклонение Волхвов» Босха — 600, «Зимний пейзаж» Курбе — 450 долларов! Такой дешевизны произведений искусства мир не знал. За короткое время мы выбросили их столько на рынок искусства, что сбили цены до фантастически низкого уровня. Это был наш абсолютный рекорд и абсолютная глупость, на которой многие иностранцы сколотили баснословные состояния. Но если завтра «у них» революция, а послезавтра все возвернется — чего жалеть?! Вот и не жалели...

Судите сами: за период с 1928 по 1932 год объем импорта в Советский Союз составил около 3,5 миллиарда рублей, из них около миллиарда пришлось на долю машин и оборудования; внешнеторговый баланс дал пассив в 465,5 миллиона американских долларов, а «культурный экспорт» достиг немногим более 18 миллионов рублей. Решишь этим проблемы индустриализации? Заделаешь брешь от полумиллиардного торгового дефицита? Ответ очевиден: нет! Таким путем можно решить экономические проблемы Голландии или Австрии, но не такого гиганта, как Советский Союз. Так для чего все это было городить?! Ради долей процента в госбюджете? Как-то не верится. Другое дело — мировая революция и то, что за ней стояло...

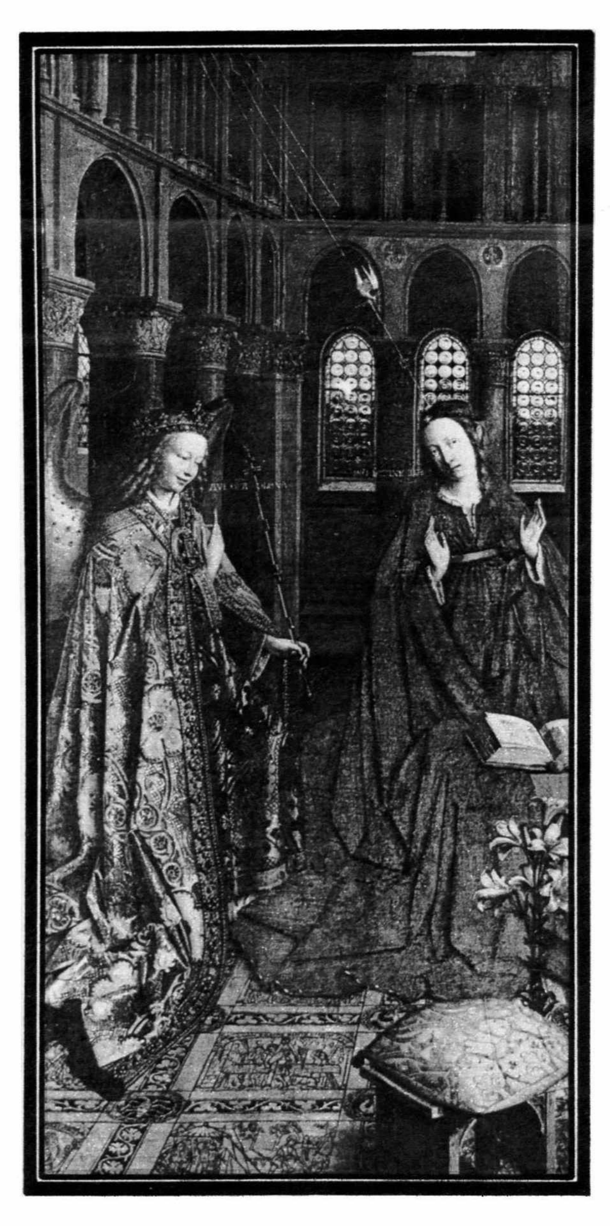
И еще об одном надо сказать. Говоря о сталинском времени, мы обличаем «внутренние» деяния «вождя», а о внешней политике пишем исключительно в розовых тонах. Но если страной тридцать лет управлял тиран, на совести которого тьма чудовищных преступлений, то и во внешней политике он не может быть ангелом во плоти! Нам нужно честно разобраться в нашей (а вернее в ЕГО) внешней политике тех лет, вскрыть ее ошибки и изъяны, приведшие в 1941 году к катастрофе; выяснить то влияние, которое трагические события нашей истории и личные планы Сталина оказали на ход мировых процессов, и перестать прикрываться словами: «социализм», «ленинская политика», «советское государство»,— они здесь ни при чем. В этом государстве были группы власть имущих людей, проводивших свою политику, и была в том клубке «линия Сталина», ничего общего с социализмом и ленинской политикой не имевшая.

Такая двойственность порождала недоверие к нам, что сказалось, когда после захвата власти фашизмом возникла необходимость организации системы коллективной безопасности в Европе. А «ежовщина» и показательные процессы 30-х годов? Мы валим все на Англию, Францию и Бенеша. Но как можно полагаться на страну как политического и военного союзника, где процветает тирания, руководители которой один за другим публично признают себя «немецко-японскими шпионами» и армия которой поголовно обезглавлена?! Мы бы положились?.. И в числе акций, подрывавших доверие к нам в общественном мнении Запада, были преследования за религиозные убеждения, варварское разрушение памятников культуры и нелепая распродажа национальных сокровищ. Они создавали негативный облик советского общества и разрушали то доброе, что было посеяно в представлениях о нас в первые годы после революции. Налицо явный политический просчет.

Немаловажную роль в судьбе сокровищ нашей страны сыграла и существовавшая тогда система вульгарно-социологических представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо в искусстве, что нужно нашему народу, а что является для него «чуждым» и «идеологически вредным». Причем существовала она не только у Сталина и его окружения, но и у многих ведущих деятелей культуры. Бытовала, например, теория, что культурные ценности совсем не обязательно целиком сохранять, а достаточно их выборочного показа «для информации», а остальное вовсе ни к чему. Фриче разработал целую концепцию примата экономики над культурой, из которой совершенно естественно вытекало, что во имя решения экономических проблем можно безболезненно жертвовать духовной сферой. И жертвовали, в соответствии со своей шкалой идейно-эстетических приоритетов. Ведь продавали в основном «романовский хлам», имущество аристократии, церковные ценности, современное искусство, а вот, скажем, русскую живопись второй половины XIX века не тронули совсем. Доходило до того, что вскрывали гробницы в Петропавловском соборе в Ленинграде и торговали снятыми с истлевшего праха государей драгоценностями!

Ленин, задаваясь вопросом «...в чем наша сила и чего нам не хватает?», говорил: «Политической власти совершенно достаточно... Основная экономическая сила — в наших руках... Ясное дело... не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет». На гребне революции всплывали всякие люди, но, к сожалению, подобные Ленину, Чичерину, Луначарскому по уровню образованности и культуры — оказались в меньшинстве...

ЯН ВАН ЭЙК. «Благовещение». Национальная галерея, Вашингтон.

Тугой узел загадок и проблем завязала эта история,— одним махом его не разрубить. Все ее аспекты требуют досконального изучения. Но принципиальную оценку ей дать уже можно. Думаю, она однозначна. Если не считать ограниченные распродажи начала 20-х годов, вызванные тяжелейшим наследием гражданской войны, и передачу Польше вывезенных оттуда сокровищ, то все происшедшее ни понять, ни оправдать нельзя. У каждой страны бывают трудные времена, когда приходится чем-то жертвовать. Но есть жертвы неизбежные, а есть нелепые. Понесенные нами жестокие потери были нелепы, поскольку явились следствием не столько объективных причин, сколько экономической безграмотности и преступных авантюр, дремучего бескультурья, комчванства и глупости, которые в одежды благопристойной объективности не обрядить, как бы этого кому-то ни хотелось. Это еще одна безрассудная драма той эпохи, хотя и бескровная, но оттого не менее кровоточащая, и ответственность за нее целиком ложится на плечи тех, кто ее организовал.

Вот и все обстоятельства, о которых я хотел рассказать. С тех пор минуло уже полвека. Канули в Лету очевидцы описанных здесь событий. Отгремела сенсациями аукционов и торгов эта история. Мир давно успел подивиться ею и успокоиться. Только мы всё молчим, в тайну играем. Будто и не было ее вовсе, будто не было сгинувших невесть куда сокровищ Романовых, эрмитажных полотен, убранства десятков поражавших Европу дворцов Петербурга и тысяч усадеб, монастырей и церквей, разбросанных по всей необъятной Руси. Будто не было их. А то, что было, уместили Эрмитаж и музеи Кремля. Но Россию в шляпу не уместишь. И живы ее сокровища. Вот уже полвека гуляют они по чужестранным городам и весям, принося баснословные прибыли их очередным владельцам. А мы делаем вид, что нас это не касается. Что это не наше, не родное, не кровное... А ведь это наше, завещанное веками богатство. Так не пора ли нам вспомнить о нем и по сроку давности снять табу с той «таинственной истории», что приключилась пять десятилетий назад? По-моему, пора. По многим причинам.

Во-первых, народ должен знать правду, какой бы неприглядной она ни была. Ведь речь идет о национальной катастрофе.

Во-вторых, это наша история и без знания обстоятельств этого дела нельзя в полной мере представить развитие советско-американских и советско-западноевропейских экономических, политических и культурных контактов в период между двумя мировыми войнами. Здесь были замешаны многие видные деятели Запада, имевшие свой корыстный интерес. Через культурные ценности строилась паутина связей с зарубежными политиками и бизнесменами, и без знания ее история внешних сношений нашего государства будет выглядеть однобокой и необъективной. Это задача исторической науки. За рубежом такие исследования имеются, должны быть и у нас. Но для этого нужно раскрыть архивы, которые пока закрыты.

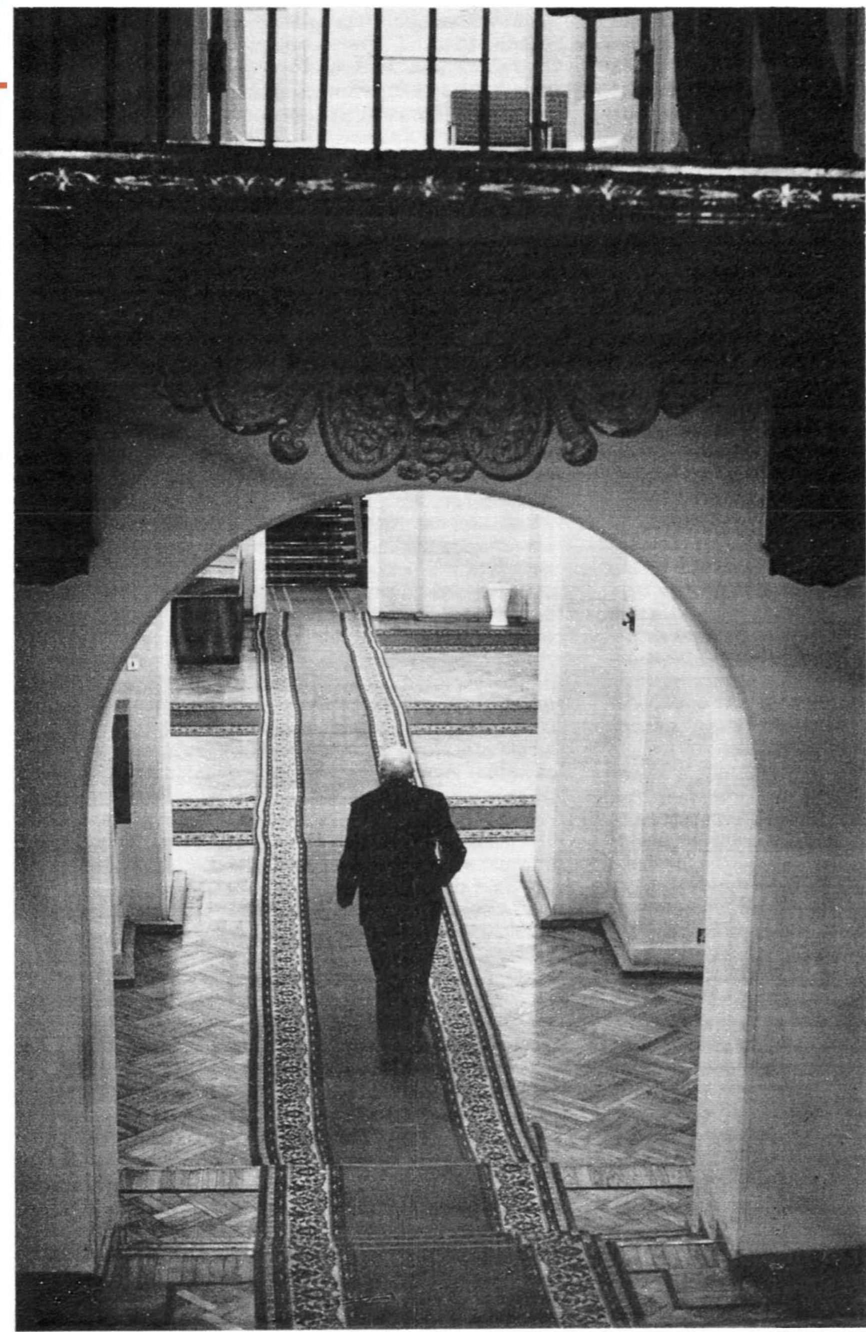
Знание обстоятельств этого дела важно и для деятелей культуры. Нужно составить «белую книгу» потерь и начать работу по возвращению хотя бы части сокровищ обратно. Надо возрождать богатые коллекционерские традиции России, которая в XVIII—XIX веках была одним из центров мирового меценатства и коллекционирования. Художественные сокровища со всей Европы мощным потоком текли в Петербург, оседая в роскошных дворцах русских меценатов. Львиная доля эстетического богатства, которым мы сейчас располагаем,— плод их усилий и трудов. Эта деятельность служила благородным целям просвещения России. Те традиции, как и наследие веков, мы растеряли. Ко дню сегодняшнему утеряна половина того, что было накоплено трудом поколений. Дальше терять некуда. Время разбрасывать камни и время собирать их. Настала пора возрождать оскверненные храмы и порушенные дворцы, настало время возвращать потерянное. Сделать это будет нелегко. Но все, кому дороги судьбы отечественной культуры, должны собраться вместе и думать. Нужны деятельные люди и поддержка, и решение будет найдено.

И наконец, из свершившегося надо сделать нравственный вывод, что торговать культурой своего народа преступно, дивидендов такая торговля не принесет. И как бы нам ни было трудно, и каким бы легким ни казался этот путь, мы должны помнить трагические уроки прошлого и никогда их больше не повторять...

г. Рига. 1987—1989 гг.

Выражаю глубокую благодарность академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву за оказанное содействие и помощь.

Начало на стр. 6.

но, так как голосование в Академии тайное, то последний очень рассердился и заявил, что Академия наук — выдумка царей, и распорядился подготовить постановление о передаче всех академических институтов министерствам и ведомствам. Известно, что про Сахарова Никита Сергеевич сказал: «Сахаров лезет не в свое дело, возражал против испытаний, теперь вмешался в выборы академии».

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА А. Д. САХАРОВА ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВУ

...Я высказываю мнение, что было бы правильным следующим образом охарактеризовать общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан по развитию общественного сознания:

а) Основной своей целью государство ставит охрану и обеспечение основных прав своих граждан. Защита прав человека выше других целей.

б) Все действия государственных учреждений целиком основаны на законах (стабильных и известных гражданам). Соблюдение законов обязательно для всех граждан, учреждений и организаций.

в) Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, в личной жизни, в образовании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения.

г) Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обусловливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

д) Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан...

А. Д. Сахаров: После опубликования за рубежом моей статьи «Размышления» я был отстранен от секретных работ и «отлучен» от привилегий советской «номенклатуры». С 1972 года все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

Письмо членов АКАДЕМИИ НАУК СССР

Считаем необходимым довести до сведения широкой общественности свое отношение к поведению академика А. Д. Сахарова.

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза...

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он, по существу, солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А. Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран...

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А. Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями.

Письмо подписали 40 академиков, оно напечатано в «Правде» 29 августа 1973 года. А уже первого сентября в «Известиях» и других газетах публикуются аналогичные письма членов Академии медицинских наук, Академии педагогических наук, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, академий наук союзных республик, наконец отдельных институтов. Обвинения против ученого выдвигаются поистине чудовищные. Того, кто всеми силами стремился к миру и сотрудничеству, к международной разрядке, обвиняют в развязывании мировой войны, того, кто говорит о правах человека, о свободе, гласности, называют «человеконенавистником».

К ученым присоединяются рабочие, писатели, композиторы. Жутко сегодня видеть под такими письмами и статьями, написанными «в праведном гневе», подписи, казалось бы, порядочных, уважаемых людей...

«Кому вы служите?» — вопрошает со страниц «Известий» писатель Вадим Кожевников. «За всем этим я вижу истощение научной и творческой силы, геростратовское желание сжечь священное чувство Родины, стяжать себе зловонную славу. Иначе зачем все это?» — вопиет он.

Однако писали тогда о Сахарове и по-другому.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я отношусь к той редкой категории людей, которые не любят, даже побаиваются знаменитостей...

Но когда, совершенно неожиданно (хотя и с предварительным, конечно, звонком из Москвы) за нашим обеденным столом в Киеве оказался застенчивый, немногословный и, главное, ни грамма не приемлющий академик (стол к этому, признаюсь, не привык), я сам себе не верил. К тому же несколько озадачен был, почему два крохотных кусочка с таким трудом раздобытой и с таким старанием приготовленной моей женой селедки непременно надо было разогревать.

«Андрей Дмитриевич не любит ничего холодного,— развела руками Люся [1], его жена.— Ученых без странностей не бывает... И кисель разогреть придется. И балкон прикрыть».

Прикрыл, что поделаешь.

Да, у Андрея Дмитриевича много странностей. Не только селедка, кисель или полная растерянность у железнодорожной кассы, где книжечка Героя Социалистического Труда (трижды!) в момент решает все транспортные проблемы. Вероятно, есть десятка два или три других еще странностей, но есть одна, к которой никак не могут привыкнуть, просто понять люди, считающие себя руководителями нашей страны. Этот человек ничего не боится... Ничего! И никого!

Отвага, доблесть, бесстрашие, храбрость, героизм? Нет, все эти прекрасные, возвышенные понятия к Сахарову неприменимы. Думаю, у него начисто атрофировано это чувство — чувство страха. Может, просто не думает об этом? И на другие дела поважнее не хватает времени. Люди, люди, люди. Судьбы...

Я хотел бы, но не имею права причислить себя к числу ближайших друзей Сахарова — редко виделись, и склада мы разного (мое обычное «без ста граммов не разберешься» ему, увы, чуждо), к тому же особым честолюбием или тщеславием я не отличаюсь, и все же... Я бесконечно горд (подчеркиваю эти два слова), что самый благородный, самый чистый, самый бесстрашный, добрый и, вероятно, самый ученый (в этом я, правда, не разбираюсь, в школьные годы у меня по физике был репетитор) человек относится ко мне с благосклонностью и даже прощает коекакие грехи.

И еще горжусь тем, что только у меня, единственного на всем земном шаре, есть фотография Андрея Дмитриевича, сделанная лично мною в Москве, в больнице, фотография, которой нет ни в одном «Лайфе», ни в одном «Пари матче» или «Штерне». И не будет. Она есть только у меня. Стоит на книжной полке. Она по-сахаровски чуть смущенно улыбается мне. Когда я утром просыпаюсь, это первое, что я вижу. И мне становится как-то теплее... Потому что этого великого странного человека я не только люблю, но и не боюсь.

Виктор Некрасов, 1980 год

А. Д. Сахаров: В 1975 году я удостоен звания лауреата Нобелевской премии мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 года я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где находился в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно беззаконен, это одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в те годы.

«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА». НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ. 1975 г.

«Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими...

...Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав...

В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации: прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы...»

[1] Елена Боннэр

Как же прореагировали на присуждение Нобелевской премии своему коллеге советские ученые? Осудили!

Осуждающее заявление подписали 72 члена Академии наук СССР. Однако отказались подписать это позорное заявление всемирно известные физики Петр Леонидович Капица, Виталий Лазаревич Гинзбург, Дмитрий Иванович Блохинцев, классик математики Иван Матвеевич Виноградов и многие, многие другие ученые разных специальностей.

Развязка наступила внезапно. Среди бела дня 22 января 1980 года на улице столицы Андрей Дмитриевич схвачен и в тот же день без суда и следствия выслан в Горький...

Члену Политбюро ЦК КПСС,
Председателю Комитета
государственной
безопасности СССР
товарищу Ю. В. АНДРОПОВУ
11 ноября 1980. Москва
Глубокоуважаемый
Юрий Владимирович.

Меня, как и многих ученых, сильно волнует положение и судьба наших крупных ученых, физиков А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова. Создавшееся сейчас положение можно просто описать. Сахаров и Орлов своей научной деятельностью приносят большую пользу, а их деятельность как инакомыслящих считается вредной. Сейчас они поставлены в такие условия, в которых они вовсе не могут заниматься никакой деятельностью. (...) В наших условиях строительства нового социального строя, я думаю, наиболее правильно опереться на мнение Ленина, поскольку оно будет всесторонним, так как Ленин был не только крупным мыслителем, ученым, но и большим общественным деятелем. Его отношение к ученым в аналогичных ситуациях хорошо известно. Наиболее явно и полно это видно по его отношению к И. П. Павлову.

После революции инакомыслие Павлова было хорошо известно не только у нас, но и за рубежом. Его отрицательное отношение к социализму носило ярко демонстративный характер. Без стеснения, в самых резких выражениях он критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания, и т. д. На все его проявления инакомыслия Ленин просто не обращал внимания. Для Ленина Павлов был большим ученым, и Ленин делал все возможное, чтобы обеспечить ему хорошие условия для научной работы (...)

Известно, что силовое административное воздействие на инакомыслящих ученых существует с древних времен и даже и в последнее время происходило на Западе. Например, известный философ и математик Бертран Рассел за свое инакомыслие дважды был посажен в тюрьму, правда, только на короткие сроки. Но увидев, что это вызывает в интеллигенции только возмущение, а на поведение Рассела никак не влияет, англичане отказались от этого метода воздействия.

Я не могу себе представить, как мы предполагаем воздействовать на наших инакомыслящих ученых. Если мы собираемся еще увеличивать методы силовых приемов, то это ничего отрадного не сулит.

Не лучше ли попросту дать задний ход?

Уважающий Вас
П. Л. Капица.

Через год, во время голодовки Сахарова и его жены, Петр Леонидович Капица посылает телеграмму Брежневу: «Я очень старый человек. Жизнь научила меня, что добрые поступки никогда не забываются. У Сахарова отвратительный характер, но он великий ученый нашей страны. Спасите его».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
Президиуму Верховного Совета СССР,
Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
Л. И. БРЕЖНЕВУ
Копии этого письма я адресую Генеральному секретарю ООН и главам государств — постоянных членов Совета Безопасности

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события...

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами...

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

Академик А. Сахаров
1980 г.

...21 мая 1981 года Андрею Дмитриевичу исполнилось 60 лет.

«Дорогой Андрей Дмитриевич! День Вашего шестидесятилетия омрачен тяжкими судьбами друзей, беззаконностью Вашей ссылки, бессменностью стражи у Вашей двери. Вас лишили правительственных наград, лишили научного и человеческого общения, у Вас отняли то, что составляет жизнь Вашей жизни: дневники, память о прошлом и будущем, научные замыслы. Никто, однако, не властен лишить Вас несравненной Вашей правоты и нашей неправительственной любви к Вам. День 21 мая входит в душу как праздник — праздник разума, добра, духовного величия. Вашим повседневным подвигом Россия снова явила миру свою подспудную силу. По словам Льва Толстого, сила духовная бывает подавлена только до тех пор, пока она «не достигла высшей ступени, на которой она могущественней всего». Излучаемая Вами духовная мощь растет и не может быть отнята вместе с бумагами. Словом своим Вы побуждаете людей к деятельному добру. Мысль Ваша бередит и тревожит сердца, овладевает тысячами на свободе и за решеткой, учит думать и ведет с одной ступени сознания на последующую. В праздничный день Вашего шестидесятилетия хочу пожелать Вам, чтобы нравственная мощь взяла верх над грубым насилием, чтобы отнятые у Вас сокровища были возвращены Вам, чтобы Вы и все неправо-гонимые скорее вернулись домой.

Лидия Чуковская, 1981 г.».

Нет, не удалось ссыльного академика в Горьком оторвать от мира. Приветствие писательницы Лидии Корнеевны Чуковской было не единственным. Его поздравили многие, в том числе художник Борис Биргер, который в разгар травли академика в 1974 году в знак своего восхищения рисует замечательный портрет Андрея Дмитриевича с женой, которая впоследствии в Горьком была рядом с мужем и, борясь за его права, тоже объявила голодовку.

Коллеги из Теоретического отдела ФИАНа, не давшие уволить Сахарова из института, добивались (и добились!) возможности посещать его в Горьком. Одним из первых поехал заведующий Теоретическим отделом академик Виталий Лазаревич Гинзбург. Вопреки утверждениям прессы и даже Советского Энциклопедического Словаря Сахаров «не отошел от научной работы», а трудился в творческом отношении особенно продуктивно, его научные работы того времени частично опубликованы в трудах АН СССР.

Недавно я беседовала с коллегой Андрея Дмитриевича по Теоретическому отделу ФИАНа членом-корреспондентом АН СССР Е. С. Фрадкиным.

— Андрей Дмитриевич, как золото «высокой пробы», прошел проверку славой, унижением, голодом — самыми страшными для человека испытаниями и сохранил себя как личность. Не озлобился. И даже не осуждает тех, кто подписывал против него гневные послания в газеты и письма, говорит: «Наверное, не по своей воле...»

Он любит людей, старается им помочь, думает о судьбах Родины и науки, об истине. Для него удивительно органично, что свои сбережения, кажется, 139 тысяч, он отдал еще в 1969 году Красному Кресту и на строительство онкоцентра в Москве.

В Горьком я навещал его много раз. Я был тогда в отделе секретарем парторганизации, и мы старались как могли помогать Андрею Дмитриевичу. Не укладывалось в голове, как можно было во время бурного развития основы естествознания — единой теории всех взаимодействий — изолировать такого выдающегося ученого! Кто знает, скольких научных открытий из-за этого недосчитается наша страна!

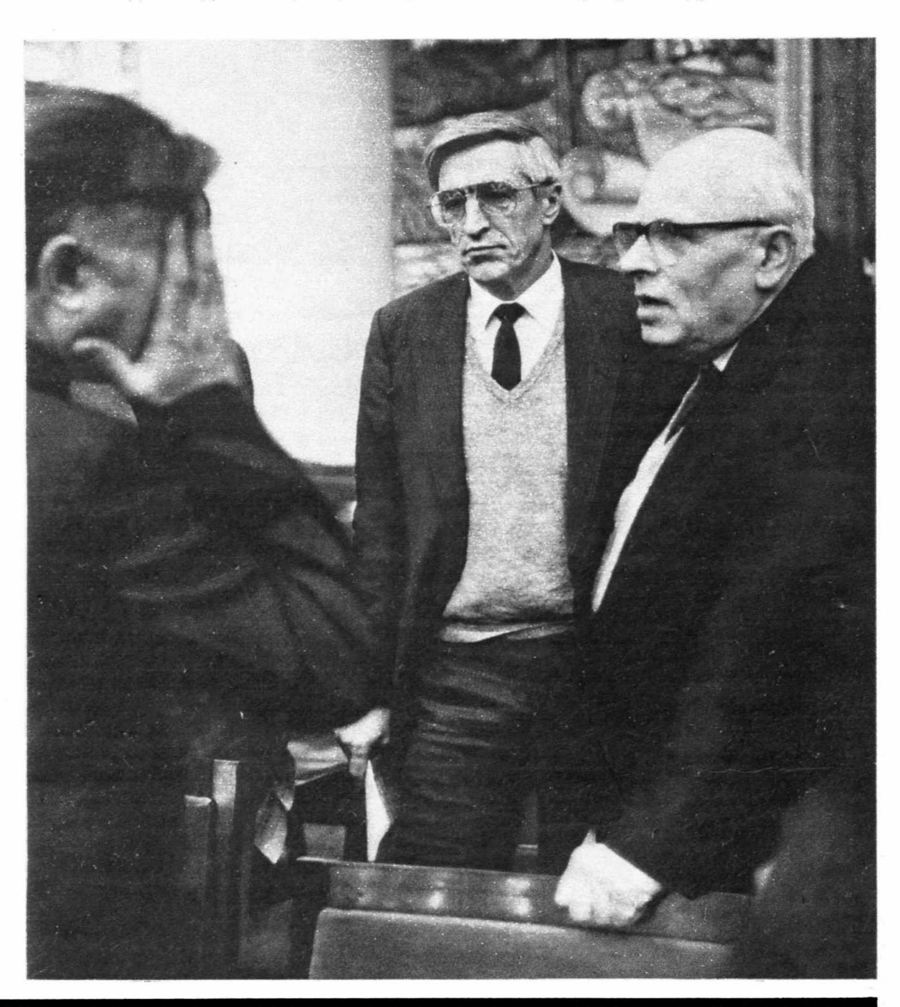
Помню, я приехал в Горький сразу после его голодовки (Андрей Дмитриевич боролся против несправедливостей всеми доступными ему средствами). Он только-только вышел из больницы. Страшно исхудал. Был подавлен морально. Рассказывал, как ему угрожали.

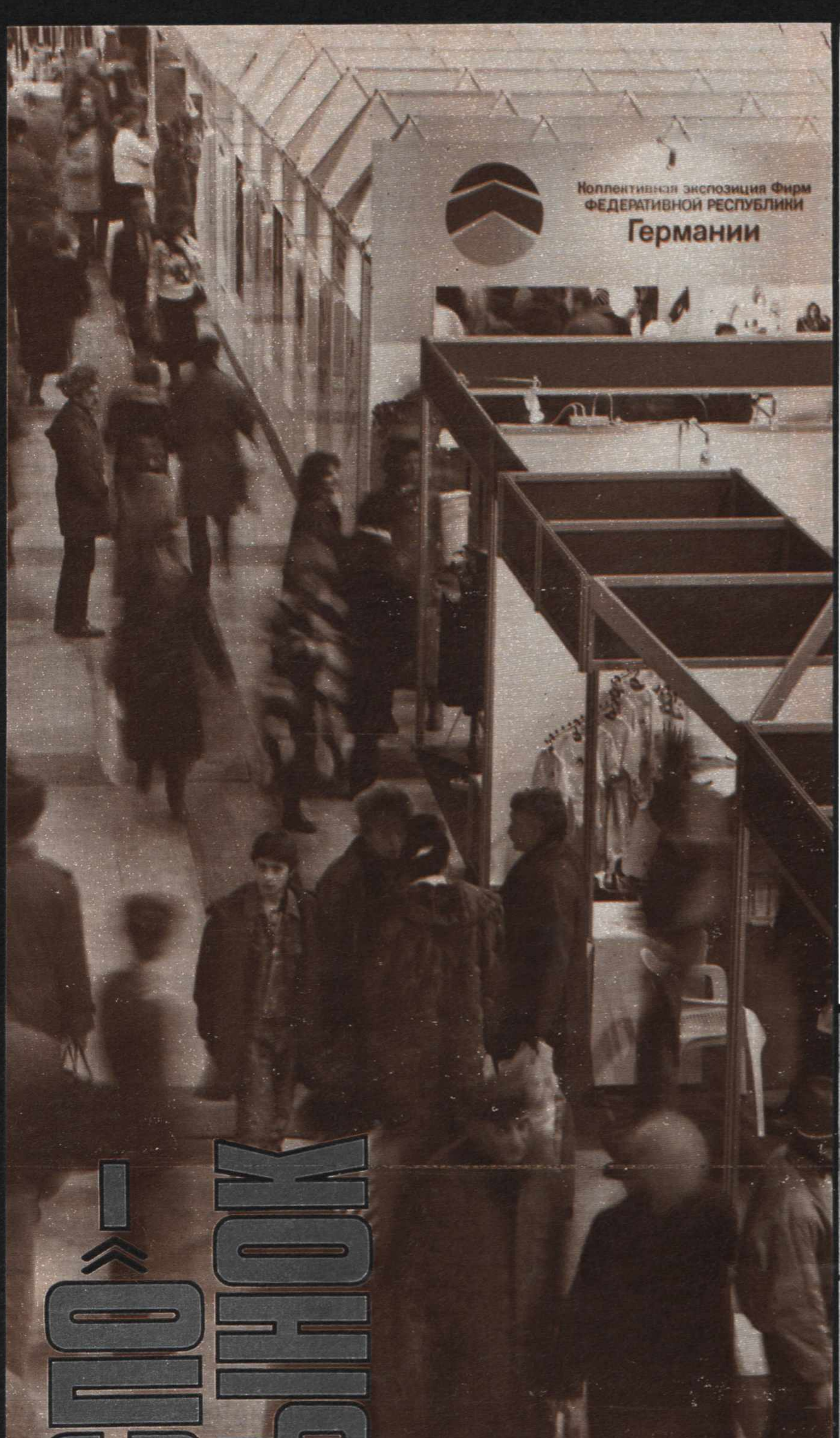
Что я мог ему тогда сказать? Убеждал — не надо голодать, главное, выжить, сохранить себя для науки, для жизни. Ведь ему было уже 60 лет...

Андрей Дмитриевич вспомнил и о том, как 15 декабря 1986 года ему в Горьком установили телефон и сказали, чтобы он ждал звонка. В 3 часа позвонил Михаил Сергеевич Горбачев. «Сказал, что принято решение о нашем с женой возвращении в Москву. Я поблагодарил и выразил Генеральному секретарю пожелания, чтобы так же, как меня, освободили всех узников совести. Личное же знакомство произошло на Московском форуме и в январе этого года во время встречи Михаила Сергеевича Горбачева с работниками культуры».

...Здесь можно было бы поставить точку: справедливость восторжествовала. Однако кандидатом в народные депутаты А. Д. Сахаров избран не от Академии наук СССР, а по национально-территориальному округу, от тех людей, права и интересы которых он защищал всегда.

А. Д. Сахаров: Я не профессиональный политик. И, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

«КОНСУМЭКСПО» — ВОЛЬНЫЙ РЫНОК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «ОГОНЬКА»

Константин БАРЫКИН, Геннадий КОПОСОВ (фото)

Продукцию датской фирмы «Лего» можно купить в 120 странах мира — это конструкторы для детей всех возрастов, развивающие смекалку, забавные и увлекательные игры. Это так здорово, что и взрослые не отказывают себе в удовольствии, когда оказываются рядом с затейливым конструктором «Лего». Представители фирмы открыли на «Консумэкспо» небольшой офис, показывали товары, рассказывали о них.

— Мы не знаем вашего рынка,— говорил мне один из директоров «Лего», Могенс Лауренс.— И хотим установить контакты с потребителем, показать нашу продукцию.

— Открыть свой магазин? — спросил я.

— А это реально? — в свою очередь, переспросил г-н Лауренс.

Не знаю, но знаю, что заменить чем-либо игры «Леголанд» невозможно — аналогов на таком же уровне просто нет.

...На первую для нашей страны международную выставку товаров широкого потребления «Консумэкспо» приехали не только иностранные коммерсанты, но и представители наших предприятий, объединений, кооперативов. Их выход на мировой рынок был робким, но с чего-то надо же начинать... Многие не владеют коммерческой ситуацией и конъюнктурой. Другие воспитаны не рынком, а приказом: «Делай — не делай!» Несмотря на известные финансовые барьеры, наиболее инициативные представители торговли все же проявляли находчивость.

На ту же «Лего» пришел директор каунасского универмага «Меркуриюс» Альгирдас-Ионас Ряпшис. Он понимал, такой товар пойдет с колес, очень нужен. Но у Ряпшиса нет валюты. И не может купить эти игры. Поэтому директор ищет варианты. Говорит о бартерной сделке. Рассказывает о традиционных литовских деревянных играх.

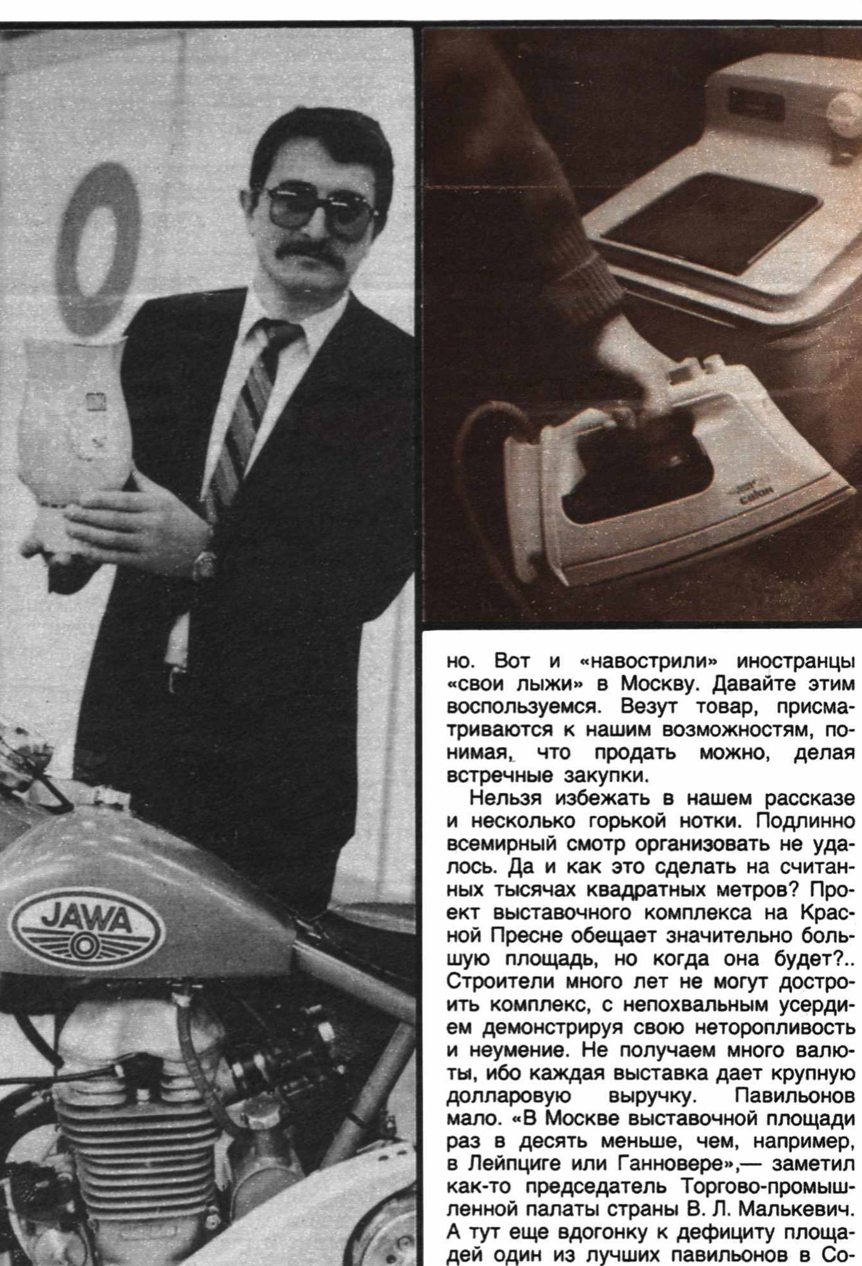
Г-н Лауренс заинтересовался, слушает внимательно. Вспоминает, что основатель фирмы «Лего» начинал именно с деревянных конструкторов. «Не могли бы вы прислать фирме перечень товаров, которые хотите продать нам? Начнем работу с этого...»

Чутко реагируя на возможности нашего рынка, пытаясь понять его сложную, непривычную структуру, работали многие западные партнеры. Тут были и известные фирмы, и новички. «Глас Керамик» из ГДР, «Колор» из Франции, венгерский «Селекроник» и чехословацкий «Мотоков», представители крупнейших выставочных ассоциаций «Кёльн Мессе» и «Новеа Интернациональ», парфюмерные концерны, крохотные фирмы. Впервые объявились в Москве такие страны, как Южная Корея и Индонезия; демонстрировался каталог на 612 страниц из Гонконга, рождались самые неожиданные предложения.

Ярмарка! Вольный рынок? Увы, пока все не так просто...

Мы, в частности, не готовы к росту интереса, появившегося у иностранных торговцев. И дело не только в недостатке свободной валюты. Нам недостает инициативы и деловитости. Выставки — одна из наиболее реальных возможностей установить контакты. «За неделю мы провели на «Консумэкспо» такую же по объему работу, на которую в обычных условиях ушло бы не менее трех-четырех месяцев»,— заметил в разговоре со мной видный советский коммерсант, председатель оргкомитета «Консумэкспо» Сурен Ефремович Саруханов.

Выставки позволяют сопоставить, оперативно провести переговоры, установить многосторонние контакты. Опираться при этом, очевидно, следует, и на помощь объединения «Экспоцентр» с его знающими дело советниками и консультантами. Западный рынок перенасыщен. Втиснуться на него сложно. Вот и «навострили» иностранцы «свои лыжи» в Москву. Давайте этим воспользуемся. Везут товар, присматриваются к нашим возможностям, понимая, что продать можно, делая встречные закупки.

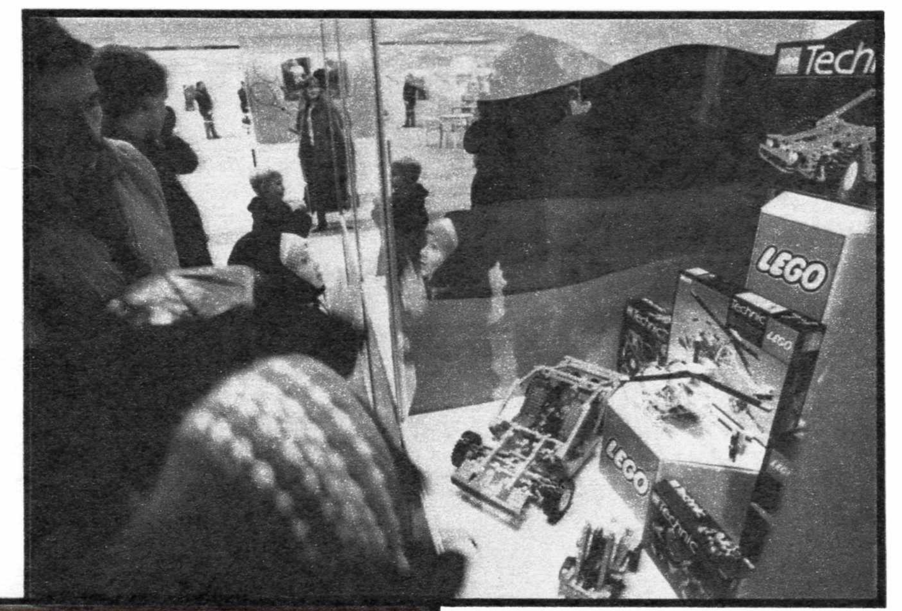
Нельзя избежать в нашем рассказе и несколько горькой нотки. Подлинно всемирный смотр организовать не удалось. Да и как это сделать на считанных тысячах квадратных метров? Проект выставочного комплекса на Красной Пресне обещает значительно большую площадь, но когда она будет?.. Строители много лет не могут достроить комплекс, с непохвальным усердием демонстрируя свою неторопливость и неумение. Не получаем много валюты, ибо каждая выставка дает крупную долларовую выручку. Павильонов мало. «В Москве выставочной площади раз в десять меньше, чем, например, в Лейпциге или Ганновере»,— заметил как-то председатель Торгово-промышленной палаты страны В. Л. Малькевич. А тут еще вдогонку к дефициту площадей один из лучших павильонов в Сокольниках переделали в конюшню...

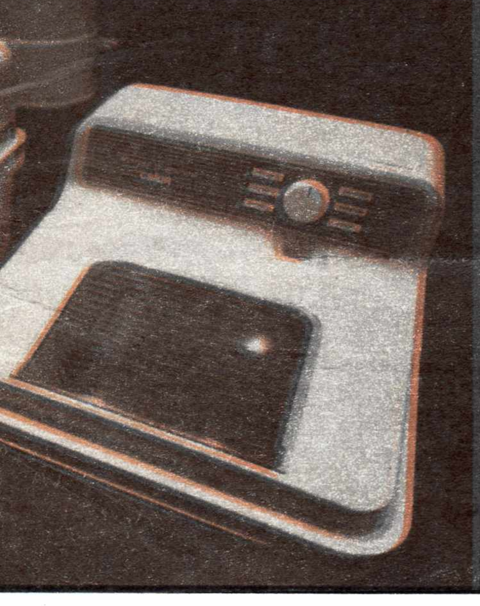
И все же кипела торговая работа на

«Консумэкспо». Знакомства, предложения, договоры о намерениях, сделки. Часы Первого часового завода в рекламе не нуждались — 80 процентов продукции идет на внешний рынок. Представительница львовского объединения «Радуга» Дария Герич успела переговорить и заинтересовать своим стеклом финнов и датчан, представителей Кувейта и Франции, иорданцев... Кисловодский фарфор оказался таким привлекательным, что мне так и не удалось поговорить с директором фабрики Павлом Борисовичем Лобжанидзе — все часы пребывания на выставке были у него расписаны: встречи с представителями торгового мира.

...А консультанты конкурса «Товар — ся. Но шьет, здорово шьет! Придумал и собрал этот образец Петр Иванович Окулов. Неказистый, дизайнерски не оформленный, но какой интерес вызвал «Пион» у западных коммерсантов! Не случится ли, что «Пион» сначала появится в магазинах Кёльна и Осло, а затем — закупленный там — на наших прилавках? Мы же так неторопливы... Несколько лет тому назад в Ленинграде объявилась карманная (буквально) швейная машинка «Стежок», рассчитанная на ремонтные работы: заплату поставить, шов скрепить, что-то еще по мелочи... Где «Стежок»?

На наших стендах было много товаров, конкурентоспособность которых очевидна. Стала очевидной — на вы-

ставке. Не умеем продавать или не хотим? Или торгуем тем, что проще продать, не прилагая особых усилий? Я, например, не могу принять позицию минлегпромовского «Легпромэкспорта», который ходатайствует о том, чтобы 200 тысяч пар самой лучшей обуви, сделанной на наших предприятиях, были проданы на свободноконвертируемую; не в обычных, стало быть, магазинах, не для нас с вами, а в «кап. страны», как пишет представитель объединения Б. Веселов. Но обувь-то хорошая самим нужна позарез. У меня такое впечатление, что товар похуже наши швейники направляют в донельзя разрекламированный магазин «Люкс», что в Олимпийской деревне, а изделия высокого класса стремятся продать на Запад. Не пора ли поразмышлять о приоритетах? Не имея возможности закупать изделия экстра-класса, давайте искать их на своих предприятиях и, найдя, отсылать на наш, советский прилавок. Делает же так «Дзинтарс», делает Первый часовой, нет у него привилегий экспорту: и в наши магазины, и в западные идет продукция с одного конвейера. Что, к слову, поднимает уровень всех изделий...

фаворит», который проводил на выставке «Огонек», вели свою непростую работу. Они просмотрели тысячи образцов. Эксперты Всесоюзного института конъюнктуры и спроса, компьютерная группа, сотрудники «Союзторгреклама» искали вещи и вещицы, достойные современного рынка.

Строго говоря, при нынешнем дефиците все было интересно.

Но аппетит к импорту должен быть оправдан. И выбор закупаемых вещей следует вести строго и продуманно. Кто спорит, швейная машинка с бортовым компьютером, с десятками программ: машинка, все умеющая,— такую бы в наши магазины. На Западе она стоит многие сотни долларов, а у нас ее придется продавать за тысячи? Закупать? Или строже спросить с Подольского производственного объединения швейных машин — пока оттуда лишь посулы.

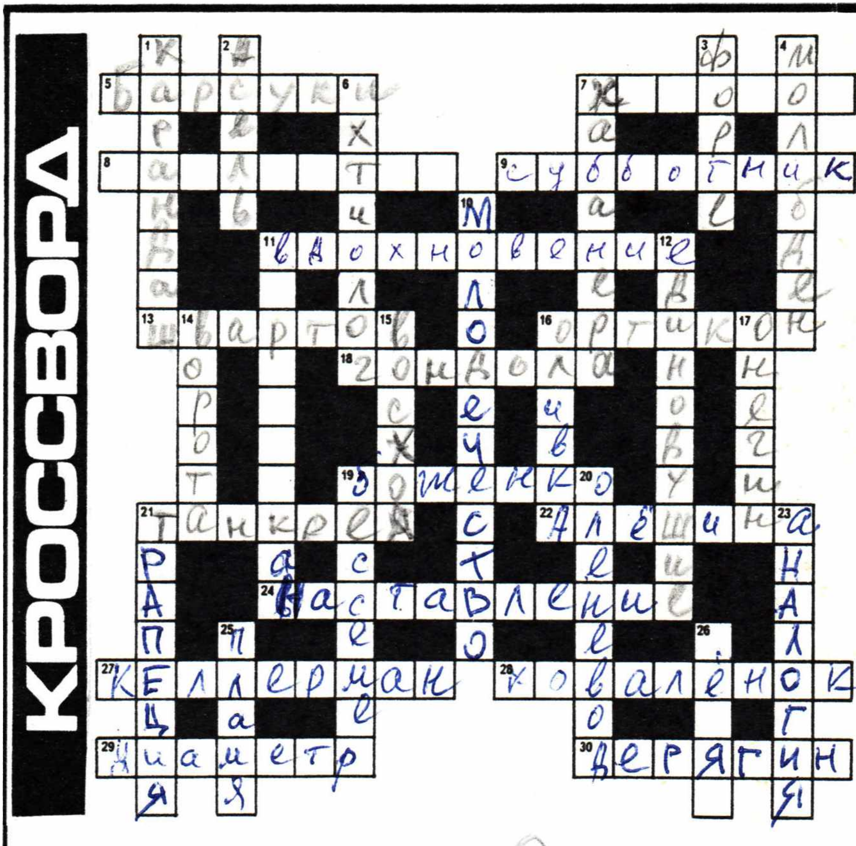
На одном из стендов Министерства среднего машиностроения (организация серьезная, прежде товарами массового спроса не интересовавшаяся) была показана мини-швейная машинка «Пион». Вес — менее полутора килограммов, размеры — с гулькин нос, как говорит-

Рабочая формула для наших экспертов определилась еще до начала выставки: не изделия «экстра» и «прима», а обычный, рядовой товар, но высокого уровня. Публикуемые фотографии дают представление об изделиях — фаворитах конкурса. **А мы у себя в «Огоньке» решили, и редколлегия это решение поддержала,— учредим призы и дипломы и для последующих выставок «Консумэкспо».**

Намерение организовывать в нашей стране ежегодные международные выставки товаров широкого спроса есть. Это подтвердил в беседе со мной заместитель министра торговли СССР С. Е. Саруханов. Он отметил, что выставка принесла хорошие результаты. Еще не все сделки заключены, но даже первые контракты позволяют сказать, что и коммерческий итог «Консумэкспо» значителен.

Объединение «Экспоцентр» готово провести работу, необходимую для успеха «Консумэкспо-2».

Итак, до 1990 года?

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Роман Л. М. Леонова. 7. Песня на стихи А. В. Кольцова. 8. Железнодорожная путевая машина. 9. Добровольная коллективная работа для выполнения общественно полезного трудового задания. 11. Творческий подъем. 13. Трос для причаливания судна. 16. Передающая телевизионная трубка. 18. Кабина аэростата. 19. Герой гражданской войны, участник боев на Украине. 21. Трагедия Вольтера. 22. Народная артистка СССР, певица Молдавского театра оперы и балета. 24. Руководство, инструкция. 27. Немецкий писатель, антимилитарист. 28. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 29. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности. 30. Физикохимик, академик, Герой Социалистического Труда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Артист цирка, Герой Социалистического Труда. 2. Балет композитора В. А. Власова. 3. Громкое звучание в музыке. 4. Химический элемент, металл. 6. Специалист, изучающий рыб. 7. Кубинский народный танец и песня. 10. Удаль, отвага. 11. Маршал авиации. 12. Полное согласие во мнениях, действиях. 14. Сооружение на футбольном поле. 15. Серия советских космических кораблей. 16. Вечнозеленое дерево, ветвь которого — символ мира. 17. Герой романа в стихах А. С. Пушкина. 19. Изобретатель сталеплавильного конвертерного процесса. 20. Специалист по разведению северных парнокопытных животных. 21. Гимнастический снаряд, подвешенная перекладина. 23. Сходство в определенных свойствах. 25. Журнал, издававшийся в первые годы после Октябрьской революции под редакцией А. В. Луначарского. 26. Советский летчик-космонавт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Наперстянка. 8. Хатанга. 9. Рябинин. 12. Цианея. 15. «Марица». 16. Консонанс. 18. «Саламбо». 19. Октябрь. 20. Каталог. 21. Кубанго. 23. Елизово. 25. Кустодиев. 28. Петефи. 29. Период. 32. Рефлекс. 33. «Разлука». 34. Аппликатура.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Платан. 2. Кеклик. 3. Арзамас. 4. Штурман. 6. Жалейка. 7. Титания. 10. Массачусетс. 11. Пиотровский. 13. Сорокопут. 14. Онтогенез. 17. Онтарио. 22. Асафьев. 24. Зощенко. 26. Томский. 27. Дворжак. 30. Клапан. 31. Флеров.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Василия ДУБОВА.

Фото Михаила САВИНА.

* * *

Снежные простыни скручены в жгут,
Серые — перед просушкой —
Из-под подошвы скользят и ползут.
На небе друг за дружкой.

Это не оттепель, это весна —
Прачка, и что с нее спросу?
Ветрена, а недоступна. Тесна,
А ни конца, ни износу

Долгому мартовскому полотну,
Всей материнской заботе.
Перестираю, мол,— передохну.
Высушу — передохнете.

